

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

19
2023
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (466) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозиллов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демилов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Давид Рикардо* (1772–1823), английский экономист, классик политической экономии, последователь и одновременно оппонент Адама Смита. Рикардо выявил закономерную в условиях свободной конкуренции тенденцию нормы прибыли к понижению, разработал законченную теорию о формах земельной ренты; развил идеи Адама Смита о том, что стоимость товаров определяется количеством труда, необходимого для их производства, и разработал теорию распределения, объясняющую, как эта стоимость распределяется между различными классами общества.

Давид Рикардо вырос в ортодоксальной иудейской семье в Лондоне и уже к четырнадцати годам получил традиционное еврейское образование: изучал Тору, Талмуд, прекрасно знал математику, разбирался в азах бухгалтерии. Его таланты пригодились в семейном бизнесе: отец, Абрахам Рикардо, был успешным биржевым маклером. В конторе отца юный Давид выполнял сложные финансовые поручения и уже в шестнадцать лет продемонстрировал прекрасную деловую хватку.

К совершеннолетию он скопил достаточно связей, опыта и капитала, чтобы жить самостоятельно и содержать жену, Присциллу Уилкинсон, из-за брака с которой он отказался от традиционного иудаизма и на долгие годы прервал отношения с родителями.

К 38 годам Рикардо стал одной из самых влиятельных фигур лондонского финансового мира — его состояние составляло более миллиона фунтов стерлингов. При этом Давиду удалось сохранить репутацию безупречно честного коммерсанта: он всегда следовал биржевой этике и не участвовал в сделках, которые могли принести вред экономике страны.

В то же время интерес Рикардо перешел от практики к теории. Он занялся глубоким изучением различных наук: математики, химии и физики, геологии и минералогии, литературы и даже теологии. Но основной его интерес сконцентрировался на теории политической экономии — вслед за трудами другого классика этой науки, Адама Смита.

В 1809 году вышли первые политэкономические труды Давида Рикардо: статья в *Morning Chronicle* и памфлет “Высокая цена на золото как доказательство обесценения кредитных билетов”. Публикации получили широкой общественной резонанс, упрочили авторитет автора и по-

зволили ему стать негласным участником Комитета по золотому обеспечению. В 1815 году вышло “Эссе о влиянии низкой цены на зерно на прибыль с капитала”, в 1816-м — “Предложения в пользу экономичного и устойчивого денежного обращения”, а в начале 1817 года — главный труд Рикардо: “О принципах политической экономии и налогообложения”. В этой работе он развил положения теории Адама Смита, показывая, что стоимость товаров, основной составляющей которой является труд рабочего, лежит в основе доходов различных классов общества.

Параллельно Рикардо выстраивал политическую карьеру с целью реализации своих теоретических идей на практике. Он примкнул к партии умеренных либералов, стал крупным лендлордом, а в 1819 году приобрел место в палате общин британского парламента.

На протяжении всей политической карьеры он последовательно отстаивал положения экономического либерализма, невмешательства государства в экономику, выступал за свободу предпринимательства и торговли, уменьшение государственного долга, улучшение банковской системы и против “хлебных законов”.

Вокруг Рикардо сложился кружок, в который входили его последователи: Джеймс Милль, Джон Рамсей Мак-Куллох, Эдуард Уэст и Томас де Квинси. Рикардо поддерживал дружеские отношения с Томасом Мальтусом, с которым постоянно полемизировал, и Жаном Батистом Сэем. В 1821 году основал первый в Англии клуб политической экономии.

Умер в возрасте 51 года в Глостершире от ушной инфекции.

В настоящее время Давид Рикардо наряду с Адамом Смитом считается одним из отцов-основателей современной экономической науки. У него образовалось множество последователей: социалисты-рикардианцы, джорджисты. Выведенная им теория трудовой стоимости использована для обоснования перераспределения богатства социалистами, самым известным из которых был Маркс. А теория сравнительных преимуществ стала осью всемирного экономического порядка и входит в главные мировые учебники по экономике.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Волосунов Д. В.

Смарт-контракт как вид договора в гражданском праве..... 303

Гаврилин Д. С., Гуржов П. П.

Сущность и специфика совместного завещания супругов в гражданском праве 305

Гаманов А. В.

Судейская этика: понятие и современные проблемы..... 307

Горшкова Е. Р., Коротаева О. А.

Сравнение налогообложения самозанятых в России и за рубежом 310

Гунарь А. В.

Развитие теоретических взглядов на роль судебных органов в процессе осуществления толкования нормативных актов 313

Дворников Д. С.

Решение вопросов благоустройства органами местного самоуправления: историко-правовой аспект..... 317

Дворников Д. С.

Благоустройство территории как элемент компетенции органов публичной власти..... 320

Дугричилова Д. М., Горенко В. И., Нассер Н. Х.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты распространения информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет как индикаторы содержания их превенции..... 323

Дятлов А. И.

К вопросу об организации деятельности аппарата суда..... 328

Егорова А. В., Коротаева О. А.

К проблеме привлечения к ответственности за налоговые правонарушения в сфере ухода от НДС 329

Жильцова В. А.

Переустройство и перепланировка жилых помещений: юридические проблемы и особенности 332

Журавлёва Д. С.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия..... 335

Запорожец Д. А.

Судебный надзор: проблема определения понятия и места в системе права 337

Иванов А. Н.

Насильственные и ненасильственные формы хищений. Грабеж и разбой 339

Иванов И. А.

Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» 341

Иванова А. М.

Деятельность юридической службы в органах местного самоуправления 343

Ирицын К. А.

Проблемы взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами 345

Кархалев Д. Н., Рупич А. В.

Лица, уполномоченные обращаться в суд с требованием о признании решения собрания недействительным..... 347

Кирсанова Н. Б., Кузнецова М. А., Набизаде Р. Р., Хупения А. А.

Совершенствование семейного законодательства Российской Федерации в области лишения родительских прав 350

Коваленко В. Е.

Понятие, назначение и формы предварительного расследования..... 353

Королев Д. Д.

Криминологическая характеристика преступлений женщин в социально-бытовой сфере и общесоциальные меры их предупреждения 356

Кудрина А. А.

Применение процедуры медиации в РФ..... 359

Макарова И. Д. Вовлечение в преступление несовершеннолетних и иные антиобщественные деяния.....	361
Малахова Н. Ю. Налоговые отношения: понятие и сущность налогообложения в социальном государстве	363
Маслов И. В. Особенности защиты прав налогоплательщиков в налоговой системе	364
Меликян А. А. Типичные следственные ситуации и осуществление планирования при расследовании преступлений в сфере экономики	368
Меликян О. А. Оперативно-розыскная деятельность в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму: некоторые вопросы правового регулирувания.....	370

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Смарт-контракт как вид договора в гражданском праве

Волосунев Денис Владимирович, студент магистратуры

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

В своей статье автор дает общее понятие смарт-контракту, рассматривает его основные признаки. Дает краткую характеристику технологии блокчейн как основы функционирования смарт-контрактов. Рассматривает опыт применения смарт-контрактов. Делает вывод о том, возможно ли рассматривать смарт-контракт как отдельный вид договора в гражданском праве.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, гражданский кодекс РФ.

Одним из самых распространенных форм правоотношений в современном обществе является договор. Каждый современный человек сталкивается с договорными отношениями достаточно часто, будь то публичный договор при покупке товаров в магазине, либо абонентский договор по оказанию услуг по предоставлению доступа к сети интернет, либо сети подвижной радиосвязи. Уже ни у кого не вызывает удивления, что практически каждый день на рынке появляются все новые и новые технологические товары, продукты и услуги.

Бурное развитие информационных технологий не могло не затронуть и сферу договорных правоотношений. В настоящее время широко обсуждаются вопросы правового регулирования новых информационных технологий, в том числе новых решений, построенных с применением технологии блокчейн и смарт-контрактов, в частности.

Смарт-контракт в общем виде представляет собой алгоритм, предназначенный для автоматизации процесса исполнения условий договора. Данный подход к определению смарт-контрактов можно встретить в концепции цифрового рубля, подготовленной Банком России [1]. Поскольку именно применение автоматизации, в широком смысле, исполнения условий договора позволяет сторонам минимизировать издержки при заключении сделок и обеспечить непрерывное исполнение транзакций с использованием технологии блокчейн.

Технология блокчейн в общем смысле представляет собой децентрализованный, распределенный реестр транзакций (данных, смарт-контрактов), состоящий из блоков информации и содержащий записи обо всех операциях, которые совершены участниками данной системы в сети Интернет.

Сразу стоит отметить, что в науке до сих пор не существует единого мнения о том, можно ли рассматривать смарт-контракты отдельно от технологии блокчейн. В литературе можно встретить как ученых, поддерживающих

широкое определение смарт-контрактов [5], так и тех, которые настаивают на более узком подходе [4]. Стоит отметить, что ни один из этих подходов не является истинным.

Сама первоначальная концепция смарт-контрактов была введена Ником Сабо задолго до появления технологии блокчейн. Да и сегодня можно найти смарт-контракты, основанные на иных технологиях (например, IOTA). Однако именно технология блокчейн дала импульс для широкого распространения смарт-контрактов. Поэтому в рамках данной работы основной акцент будет сделан именно на смарт-контрактах, в основе которых лежит технология блокчейн.

По мнению Ефимовой Л. Г. и Сезимовой О. Б. [2] возможно выделить следующие признаки смарт-контрактов:

- заключение смарт-контракта возможно только с использованием программного обеспечения;
- при заключении смарт-контрактов обязательно использование криптографических методов защиты информации;
- применение в расчетах цифровых финансовых активов и цифровой валюты;
- автоматизированное исполнение обязательств.

При рассмотрении смарт-контракта как договорного правоотношения можно выделить следующие элементы:

- предмет договора. Как и в гражданском кодексе Российской Федерации основным элементом смарт-контракта является предмет договора, а именно имущество или право, в отношении которого сторонами был заключен договор. Для автоматизации исполнения условий договора, смарт-контракт как программный код, должен иметь обязательный доступ к указанным объектам для передачи имущества или права от одной стороны договора другой.
- стороны договора и их подпись как выражение свободной воли заключения договора. Смарт-контракт по общим правилам может быть заключен между

несколькими сторонами лишь при условии подписания договора его участниками. Поскольку смарт-контракт является программным кодом, то его подпись сторонами осуществляется с использованием технологий электронной цифровой подписи. Стороны, пожелавшие заключить смарт-контракт, должны иметь сертификат электронной цифровой подписи, в котором для каждой из сторон содержится открытый и закрытый ключ. Открытые ключи известны всем участникам системы, закрытые ключи в свою очередь должны храниться только у пользователей. Подпись смарт-контракта производится одной из сторон с использованием его закрытого ключа (которой знает только он). Проверка подписи, а именно подтверждение субъекта, подписавшего смарт-контракт, производится с использованием открытого ключа, известного всем участникам системы. Таким образом, любой из пользователей системы может подтвердить принадлежность подписи конкретному субъекту системы.

- условия договора. Все условия смарт-контракта реализованы в виде конкретного алгоритма, а именно в виде точной последовательности программных операций. Код смарт-контракта, представленный в виде машинных команд, подписывается с использованием технологии электронной подписи сторонами договора, что безусловно гарантирует их согласие с именно подписанным вариантом программного кода смарт-контракта.
- децентрализованная платформа. Смарт-контракт в обязательном порядке вносится в децентрализованный реестр транзакций, который хранится на распределенных узлах системы.

Смарт-контракты могут применяться в различных сферах. Как правильно отмечает Осмоловская А. С. в своей работе «Смарт-контракты: функции и применение» наиболее востребованной сферой применения смарт-контрактов, основанных на технологии блокчейн, являются выборы. При помощи смарт-контрактов возможно достичь не только максимальную безопасность данных, но гарантировать отсутствие подмен. Деперсонифицированные результаты голосования вносятся в общий реестр транзакций, где каждая последующая запись зависит от предыдущей и тиражируется между узлами сети. Данный подход позволит максимально исключить любую возможность манипулирования голосами избирателей.

Литература:

1. Концепция цифрового рубля (апрель 2021), подготовлена Банком России — с. 19 // [Электронный ресурс] https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения — 21.03.2023);
2. Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сиземова // *Банковское право*. — 2019. — № 1. — С. 23–30;
3. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // *Бизнес-образование в экономике знаний*. — 2018. — № 2. — С. 55;

Достаточно высокую эффективность применение смарт-контрактов может показать в вопросах логистики. Процесс логистики в традиционной практике состоит из цепочки поставок, в которой каждое последующее звено зависит от подтверждения предыдущего. Применение смарт-контрактов в данной сфере позволит сократить время исполнения логистической цепочки, а также позволит в режиме реального времени отслеживать логистические транзакции и оперативно реагировать при возникновении сбоев [3].

Стоит отметить, что важной особенностью применения смарт-контрактов является исключение из сделки арбитров, посредников и других лиц, оказывающих услуги в той или иной мере гарантирующие исполнения обязательств сторонами договора.

На рассмотренных примерах можно выделить следующие преимущества смарт-контрактов, в сравнении с классическими договорами:

- безопасность;
- дешевизна использования;
- скорость работы;
- возможность стандартизации.

Данные преимущества позволили широко применять смарт-контракты в банковской сфере. Высокая скорость исполнения смарт-контрактов позволяет в несколько раз сократить сроки оплаты по обязательствам сторон договора [6]. Ведение реестра транзакций позволяет в рамках сети повысить прозрачность ведения финансовых потоков даже в случае исполнения транзитных транзакций.

В качестве недостатков смарт-контрактов можно выделить:

- все еще неопределённый правовой статус смарт-контракта;
- расходы на внедрение [3].

Рассмотрев общие признаки смарт-контрактов, можно сделать вывод о том, что смарт-контракты входят в повседневную деятельность многих сфер экономики и производства. В банковской сфере применение смарт-контрактов позволило повысить скорость проведения платежей, а также обеспечить прозрачность финансовых потоков особенно при транзитных платежах. Исходя из практики применения смарт-контрактов видно, что смарт-контракты не могут в полной мере рассматриваться как отдельный вид договора в гражданском праве, а применяются в большей мере как способ исполнения обязательств и является лишь приложением к основному договору и не могут существовать от него отдельно.

4. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и Блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. N 5. С. 99;
5. Herian R. Smart contracts: a remedial analysis // Information & Communications Technology Law. 2021. N. 17–34. P. 27;
6. На базе блокчейн-платформы ФНС России бизнес запускает новые IT-системы URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12439024/ (дата обращения — 18.04.2023 г.).

Сущность и специфика совместного завещания супругов в гражданском праве

Гаврилин Даниил Сергеевич, студент;

Гуржов Павел Павлович, студент

Научный руководитель: Кирсанова Наталья Борисовна, старший преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье автор проводит анализ сущности совместного завещания супругов, проводит связь между семейным и наследственным правом. Производится исследование специфики совместного завещания супругов в историческом контексте. В ходе написания работы автор делает вывод о том, что это явление несет за собой ряд полезных обществу функций.

Ключевые слова: сущность совместного завещания, совместное завещание, нюансы наследственного права, наследство супругов, собственность супругов, связь семейного и наследственного права, толкование, завещание нескольких лиц.

The essence and specifics of a joint testament of spouses in civil law

Gavrilin Daniil Sergeevich, student;

Gurzhev Pavel Pavlovich, student

Scientific adviser: Kirsanova Natalya Borisovna, senior teacher

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

In the article, the author analyzes the essence of the joint will of spouses, draws a link between family and inheritance law. The author studies the specifics of joint wills of spouses in the historical context. In the course of writing the paper, the author concludes that this phenomenon has a number of useful functions for society.

Keywords: the essence of a joint will, joint will, nuances of inheritance law, inheritance of spouses, property of spouses, connection of family and inheritance law, interpretation, will of several persons.

Хочется начать статью в первую очередь с уточнения сущности такого явления, как совместное завещание супругов. Для того, чтобы раскрыть это понятие, важно осознавать, что в случае такого завещания волю излагает супружеская пара, состоящая в официальном браке. Брак регулируется семейным законодательством, но волеизъявление в виде завещания такой пары регулируется уже гражданским законом, иногда в данном контексте может встречаться термин наследственного права, которым обозначается часть гражданского законодательства, которая регулирует наследственные правоотношения. Так вот, нам нужно понять связь института семьи и брака с наследством и передачей имущества или прочих объектов, которые предусмотрены свободой завещания. Для установления этой связи, думаю, нужно обратиться к истории, появлению такого явления, как брак. В произведении [2] Фридриха Энгельса, которое имеет название «Происхождение семьи, частной собственности и государства», можно заметить строки о том, что появление брака «парной семьи»

связано с развитием экономики и сделать вывод о том, сам брак, в свою очередь, тесно связан с имуществом. Даже в современности очень многие аспекты семейных отношений регулируются гражданским законодательством, что напрямую связывает брак с имуществом. После того, как мы выявили связь имущества с семейными отношениями, я хочу провести связь непосредственно к самому совместному завещанию супругов.

Данный вид завещания, где в качестве завещателя выступают целых два человека, завещая совместно какую-либо собственность, регулируется нормами гражданского кодекса, а именно, его общими положениями. Эти положения прописаны в пунктах статьи 1118 настоящего [1] кодекса и факт возможности создания общего завещания супругами прописан в четвертом пункте этой же статьи.

Само появление такого явления исторически можно считать довольно новым в российской судебной практике и как мы можем видеть из информации статьи [3], такая возможность появилась у россиян совсем недавно,

а именно, с первого июня две тысячи девятнадцатого года. Исходя из этого, можно выяснить, что была необходимость на создание этого пункта в статье, а также то, что есть определенная специфика, нюансы, а возможно и проблемы при использовании и реализации этого способа завещания имущества на практике.

При рассмотрении специфики завещаний и вопроса причин появления такого феномена в праве, думаю можно составить и выделить ряд предпосылок. Первое удобство, которое я заметил — это сокращение общего количества завещаний. Благодаря тому, что два схожих замечания можно заменить одним, которое по своей юридической силе ничем не уступало бы двум различным завещаниям, составленным каждым из супругов в отдельности. Это может намного облегчит процесс по передаче имущества наследникам, а также при разделе имущества в судебном порядке, может быть существенно сокращено время рассмотрения дела в связи с тем, что среди наследников супругов часто встречаются одни и те же лица, при получении наследства от каждого из них. Но сейчас, к примеру, детям, ненужно будет участвовать в двух гражданских процессах по получению наследства от отца и от матери, вместо этого может быть назначено лишь одно дело, на котором будет решен исход того, кому из передастся имущество обоих супругов. Так на примере сына, он может в ходе одного судебного процесса получить наследство как от матери, так и от отца, если их смерть наступила в один день. Это действительно может помочь участникам процесса экономить время, то есть труд тех людей, которые участвуют в судебных разбирательствах можно будет осуществить в более короткие промежутки времени. Выходит, что первой предпосылкой к созданию совместного завещания супругов можно считать упрощение схемы наследования, а также необходимость замены двух схожих завещаний на одно.

В качестве следующей предпосылки я хотел бы рассмотреть укрепление института семьи. Мы уже поняли из прочтения произведения Фридриха Энгельса, что экономический фактор играет в браке одну из значимых ролей. В связи с этим смею предположить, что совместное распоряжение имуществом и волеизъявление общей воли супругов позволит подчеркнуть их единство и брачную гармонию не только с юридической точки зрения, но и с психологической. Как мы уже знаем, сам институт семьи очень сложные и не во всех моментах регулируется семейным правом. Есть множество психологических моментов во взаимодействии мужчины и женщины. Есть вероятность того, что возможность изъявлять общую волю была создана именно для урегулирования психологических элементов семейных отношений. В статье из американского журнала Forbes [5] мы можем найти статью по психологии, где имеется информация о том, что экономическая независимость одного из супругов может нарушить гармонию семейных отношений. Далее важно понять связь психологии с юриспруденцией и уже потом конкретно с наследственным законодательством. Важность защиты государством семьи прописана

прямо в особом правовом документе. Если конкретизировать, то в статье 38 Конституции Российской Федерации [6] говорится о том, что такие моменты, как материнство, детство, семья находятся под защитой государства. Это во многом и показывает значение, сущность и связь психологии с семейным законодательством. Но для регулирования семейного законодательства нужно также включать и экономические аспекты.

Таким образом цепочку рассуждений можно привести к тому, что формирование общего наследства и обсуждение того, как разделить совместное имущество заранее может укрепить экономическую связь между членами семьи, реализовать юридически гармоничное распределение ресурсов и психологически закрепить факт ведения общей совместной деятельности в виде распределения и учёта супружеского имущества, а также распоряжение им. также стоит отметить цитату из статьи Казанцевой А. Е. [4]. С ее точки зрения, размер наследственной массы каждого из супругов может быть абсолютно любым и это зависит от их собственного решения. Он может как быть равным, так и неравным в зависимости от, например, числа наследников того или иного супруга, от нюансов и специфики их семейного положения, материального состояния и прочих факторов. Самое главное, как утверждает Казанцева, это добровольность и согласование общего решения по соответствующим вопросам. Если такого согласования не будет, имеет вероятность случай потери смысла совершения такого действия, как написание совместного завещания супругами.

Не исключаю того, что существуют и иные предпосылки, но эти я считаю наиболее значительными.

Думаю, стоит отметить также несколько моментов в проблематике судебной практики, с которыми могут столкнуться супруги при написании совместного завещания и о пути их предотвращения.

Первым делом хочется отметить специфику конструкции такого завещания. Несмотря на то, что завещание в обычном случае является односторонней сделкой, важно понимать, что при написании такого специфического документа нужно соблюдать взаимность усмотрения [7]. Это может повлечь за собой конфликт интересов в силу того, что какой-либо супруг может быть не согласен с мнением другого. Разрешения этого вопроса зависит не только от супружеской пары в том, что им нужно найти компромисс, но и в пояснениях нотариуса, ведь для того, чтобы урегулировать интересы важно осознавать и быть ознакомленным со всеми нюансами завещания.

Следующая проблема, которую я хочу рассмотреть — это факт того, что несмотря на то, что многие авторы выступают в поддержку этого инструмента, полагая, что это поможет супругам «достаточно полно изъявить свою волю» и к тому же в добавок «всцело реализовав принцип свободы завещания» [8], факт возможности отмены совместного завещания после смерти одного из супругов ставит под сомнение волю второго супруга и «вызывает множе-

ство вопросов» [7]. Для регуляции этого вопроса думаю стоит ограничить частично изменение совместного завещания и разрешить менять только в той доле, которую внес супруг, желающий изменить совместное завещание после смерти другого.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к общему выводу. Во-первых, действительно институт брака и воля завещания связаны многими факторами, одними из которых являются экономический и психологический аспекты. Предпосылками к формированию совместного завещания супругов служит необходимость в возможности реализации общей воли, совместного распоряжения имуществом и распоряжение свободой завещания. Также в качестве одной из предпосылок может выступать необходимость в юридическом закреплении гармоничных отношений супругов и психологического регулирования института семьи.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019)
2. Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — электронный ресурс.
3. Журнал «Тинькофф-журнал». — электронный ресурс. — Режим доступа: <https://journal-tinkoff-ru.turbopages.org/journal.tinkoff.ru/s/news/sovместnoe-zaveschanie/>
4. Казанцева А. Е. Совместное завещание супругов: имеющиеся проблемы / Казанцева А. Е. — Текст: непосредственный //
5. Журнал «Forbes». — электронный ресурс. — Режим доступа: <https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/forbeslife/383637-rynok-svobodnoy-lyubvi-kak-ekonomika-vliyaet-na-otnosheniya-otnosheniya-na>
6. Конституция Российской Федерации — принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020
7. Цыбульская, А. Д. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов / А. Д. Цыбульская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 341–343.
8. Е. В. Каймакова. Совместное завещание супругов: сравнительно правовой анализ российской и зарубежной моделей.

Судейская этика: понятие и современные проблемы

Гаманов Александр Викторович, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Конституцией Российской Федерации закреплено осуществление правосудия исключительно судом, независимость которого является неотъемлемым условием развития справедливого, равноправного, гражданского общества. В связи с тем, что судья является лицом судебной системы и от имени Российской Федерации осуществляет правосудие, вопрос поведения судьи, от которого зависит отношение граждан к судебной системе как одной из ветви власти- постоянно актуален и требует своевременного вмешательства с целью недопущения дискредитации судебной системы в современном обществе. В статье освещаются проблемы и критерии поведения судей при осуществлении правосудия и за пределами здания суда.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, судья, правосудие, Бангалорские принципы поведения судей, нравственность, этика, социальные сети судьи.

Судьи, являясь представителями судебной власти несут на себе тяжелую ношу в виде ответственности не только за принятые решения, но и за поведение, которое

Во-вторых, в качестве проблем были выделены такие, как возможность конфликта интересов психологического характера при условии того, что один из супругов будет настаивать на совместном завещании, а также юридическая проблема того, что под угрозу ставится воля одного из супругов после его смерти из-за того, что другой может отменить завещание невзирая на волю другого супруга. Таким образом, я пришел к выводу о том, что для устранения первой проблемы необходимо повысить качество нотариата в России и добавить возможность создания центров психологической поддержки в нотариальных конторах. Туда можно привлекать юристов, которые обладают не только знаниями в юридической науке, но и в психологии, а также разбираются в специфике брачных отношений. А для устранения второй проблемы необходимо юридически ограничить возможность супруга отменять полностью совместное завещание двух супругов.

отражает отношение государственных служащих, людей, обладающих определенными властными полномочиями к простым гражданам. Для урегулирования отношений ме-

жду представителями судебной власти и гражданами используются не только предписанные нормативными правовыми актами и кодексами правила поведения, но и нормы морали и нравственности, закреплявшиеся в обществе на протяжении продолжительного периода времени.

На тему нравственных норм, применяемых к судьям, высказывался и А. Ф. Кони, который придавал им большое значение и считал, что они являются «ограждением суда от порчи», и способны развить «истинное и широкое человеколюбие на суде» [1].

Судейскую этику образуют морально-этический статус и должное поведение членов судебного сообщества [2].

Судейской этикой традиционно именуют науку о применении норм морали судьями в их профессиональной и бытовой деятельности [3]. В этом смысле судебская этика в качестве разновидности этики профессиональной занимается «профессиональным поведением судей и рассматривает нормы, стандарты и правила, регулирующие поведение представителей судебного сообщества как в процессе осуществления ими профессиональной деятельности, так и в личной жизни» [2].

Таким образом, судебская этика — часть судебной этики, предметно нацеленная на изучение нравственных составляющих деятельности судей как лиц, представляющих судебную ветвь власти.

В связи с разграничением обязательных для судьи предписаний на юридические и этические в специальной литературе предлагается различать два базовых понятия: «судебные обязанности» (обязанности судьи по осуществлению правосудия, закрепленные в конституционных и сугубо процессуальных нормах) и «судейские обязанности» (обязанности судьи за рамками процесса, в том числе в повседневной жизни).

В Основных принципах независимости судебных органов, одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 [4] г. № 40/32 и от 13.12.1985 г. № 40/146 [4] (далее — Основные принципы), закреплена обязанность судей «всегда вести себя таким образом, чтобы обеспечить уважение к своей должности» (п. 8). Будучи воплощенным в норме международного права, это этическое установление автоматически стало юридическим предписанием, базовым правилом деловой и повседневной жизни судьи. Пунктом 18 Основных принципов допускается отстранение от должности и увольнение судей «по причине... поведения, делающего их несоответствующими занимаемой должности».

В Бангалорских принципах поведения судей (Гаага, 26.11.2002 г.) [5] высокие стандарты образа жизни и действий судей прямо объявляются гарантией поддержания и роста общественного доверия к судебным органам и их независимости (п. 1.6., п. 2.2.). Такие стандарты должны быть безупречными «даже на взгляд стороннего наблюдателя» (п. 1.3., п. 3.1., п. 2.5.). Специальный раздел Бангалорских принципов посвящен соблюдению судьей этических норм и необходимости повсеместной демонстрации следования нравственным требованиям (п. 4.1. —

п. 4.16.). Эти обязанности объявляются неотъемлемым элементом профессии судьи.

В настоящее время одной из главных проблем несоблюдения этических норм поведения судьями считается использование социальных сетей и публикация в них материалов, порочащих честь не только самого судьи, но судебной власти в целом.

С приходом в нашу жизнь социальных сетей, проблема несоответствующего нормам морали поведения сотрудниками аппарата суда стала проявляться все больше и больше. Некоторые граждане хотят не только запечатлеть неподобающее поведение представителя власти, но и распространить данные материалы в сети Интернет, с целью опорочить честь судьи и дискредитировать судебную власть.

Современные нравственные основы судопроизводства в последние годы подверглись серьезной ревизии. Стремительно ворвавшиеся в связи с пандемией в нашу жизнь новые технологии и повсеместная цифровизация привели к пересмотру социальных ценностей, в том числе изменению позиции государства в определении уголовной и уголовно-процессуальной политики [6].

В социальных сетях зарегистрировано порядка 60% населения нашей страны. Вполне естественно, что пользователи соц. сетей есть и среди судей. Но если для других граждан использование социальных сетей — это вопрос личного выбора, то с судебским сообществом ситуация обстоит иначе. В силу своего особого правового статуса судьи обязаны и в служебной, и во внеслужебной деятельности воздерживаться от всего, что может умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее объективности и справедливости.

Этические вопросы использования судьями социальных сетей только начинают активно обсуждаться. Тем не менее, уже есть примеры привлечения судей к дисциплинарной ответственности за нарушения, допущенные при использовании соц. сетей.

Среди ключевых этических проблем, возникающих в связи с использованием возможностей, предоставляемых социальными сетями, в отношении судебного сообщества, Виктор Викторович Момотов обозначил следующие. Одна из таких возможностей — формирование списков друзей, которые есть в каждой социальной сети. Вопрос об этической стороне добавления пользователей в друзья обсуждается в различных юрисдикциях. Комиссии по этике органов судебного сообщества опубликовали целый ряд позиций по данной теме, которые можно условно разделить на жесткую, умеренную и либеральную [7].

Согласно жесткому подходу, судья может добавлять в друзья других юристов только в случае, если они не могут потенциально стать участниками судебных процессов у этого судьи. Некоторые юрисдикции придерживаются умеренного подхода к рассматриваемому вопросу, когда достаточно убедиться в том, что человек, который подал заявку на добавление в друзья, ни в прошлом, ни в настоящем не выступал и не выступает стороной по делу

у этого судьи. Существует и либеральный подход к спискам друзей судей. В таких правопорядках суды, рассматривая конкретные дела, обращают внимание на различное понимание термина «друг» онлайн и оффлайн. Если в реальной жизни обозначение человека как своего друга подразумевает достаточно тесную связь и личную привязанность, то список друзей в соц. сети — это не более чем инструмент отслеживания изменений на страницах других пользователей.

Помимо списка друзей, следует рассмотреть более детально другое направление поведения судьи — это публикации, которые судьи делают на своих страницах в социальных сетях.

С появлением социальных сетей, не раз происходили громкие скандалы, связанные реже с фотографиями, а чаще с видеозаписями, на которых представитель судейского сообщества, находясь предположительно в состоянии алкогольного опьянения, нецензурно выражается, оскорбляет граждан и совершает другие необдуманные действия, которые совсем не обладают признаками должного поведения.

Каждая такая публикация, попавшая в Интернет, сразу тиражируется пользователями Интернета, в конечном счете компрометирующей судью и дискредитирующей судебную власть материал остается в Интернете и памяти граждан навсегда. Все это оставляет неисправимый след не столько на репутации судьи, сколько на авторитете судебной власти в целом.

Особенность профессии судьи состоит в том, что законодательные и этические ограничения, связанные с публично-правовым статусом и особыми полномочиями судьи, распространяются не только на самого судью, но и на его близких родственников. Поэтому члены семьи судьи не должны совершать действий, которые наносят урон авторитету судебной власти. Это, в частности, касается и бытовой скромности [8].

В современном мире, человек, который ведет социальные сети, можно сказать находится как на ладони у общества, в этом смысле ведение социальных сетей членами

семьи судьи, является тоже актуальным вопросом, ведь в социальных сетях может фигурировать и сам судья, его место жительства, его поведение вне здания суда.

Вывод:

Доверие граждан к суду, играющее «первостепенную» роль в современном и демократическом обществе обеспечивается не только компетентным и справедливым разрешением судебных дел, но и безупречным поведением лиц, облеченных судебной властью, в повседневной жизни. Забота судьи о соблюдении личной чести и достоинства во всех сферах жизни — фактор, способствующий укреплению авторитета судебной власти, укрепляющий доверие общества к судебной системе в целом.

Этическим проступком, за совершение которого судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, является нарушение применимых норм, в том числе, не столько установленных нормативными правовыми актами, сколько норм морали, действующих в обществе. И в настоящее время, учитывая открытость и публичность жизни государственного служащего, соблюдение норм морали имеет важнейшую роль, т. к. поведение гражданина, работающего на государство, влияет как никогда на авторитет органа власти, в котором трудится этот гражданин.

Проблема поведения судей во время отправления правосудия и во внеслужебное время действительно актуальна в настоящее время.

С появлением социальных сетей, личная жизнь в некоторой части постепенно становится публичной. В этом контексте, в интересах судебной власти было бы целесообразно ограничить возможность ведения социальных сетей представителям данной ветви власти. Вместе с тем, необходимо постоянно проводить профилактические работы с государственными служащими, по поводу их поведения вне здания суда и на публичных мероприятиях, ведь негативные действия в обществе каждого государственного служащего, оставляют свой отпечаток на авторитете государственной власти, который впоследствии все сложнее и сложнее восстановить.

Литература:

1. Шипицина, В. В. Особенности применения нравственных основ в профессиональной деятельности адвоката и их влияние на обеспечение прав граждан в уголовном судопроизводстве / В. В. Шипицина, Барзания, Р. С. // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. — С. 225–230.
2. Черевко, А. А. Особенности соотношения понятий «судебная этика» и «судейская этика» / А. А. Черевко. — Текст: непосредственный // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2013. — № 4 (80). — С. 161.
3. Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М.: Наука, 1974. С. 10.
4. Основные принципы независимости судебных органов (Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года). — Текст: электронный // Официальный сайт ООН: [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/482/59/IMG/NR048259.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.05.2023).

5. Бангалорские принципы поведения судей (Гаага, 26.11.2002 г.). — Текст: электронный // Официальный сайт ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 09.05.2023).
6. Семенцов, В. А. Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности / В. А. Семенцов, О. В. Гладышева, С. В. Потапенко. — Текст: непосредственный // Материалы Междунар. науч. — практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. — С. 64.
7. Братусь, Д. А. Судейская этика: понятие и санкции за нарушение / Д. А. Братусь. — Текст: электронный // Закон.ру: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/26/sudejskaya_etika_ponyatie_i_sankcii_za_narushenie (дата обращения: 09.05.2023).
8. Встреча представителей судебных органов, научной общественности, адвокатуры и ведущих средств массовой информации. — Текст: электронный // ВС РФ: [сайт]. — URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/26870/ (дата обращения: 09.05.2023).

Сравнение налогообложения самозанятых в России и за рубежом

Горшкова Ева Романовна, студент;

Коротаева Ольга Анатольевна, старший преподаватель

Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье проводится анализ систем налогообложения самозанятых в России и за рубежом. В статье рассматриваются особенности налогообложения самозанятых в различных странах, таких как США, Великобритания, Германия и др. Автор исследует налоговые ставки и процедуры налогообложения, а также правовые основы налогообложения самозанятых в каждой из стран. В статье также анализируются преимущества и недостатки систем налогообложения самозанятых в различных странах, а также приводятся рекомендации для дальнейшего развития систем налогообложения самозанятых в России. Основные выводы статьи заключаются в том, что системы налогообложения самозанятых в разных странах имеют свои особенности, и не существует универсальной модели, которая подошла бы всем. Однако, за рубежом активно внедряются инновационные подходы к налогообложению самозанятых, что может служить примером для России.

Ключевые слова: налогообложение самозанятых, Россия, самозанятые, теневая экономика, эксперимент, налог на профессиональный доход, ИП, физические лица.

Comparison of taxation of the self-employed in Russia and abroad

Актуальность темы налогообложения самозанятых в России связана с необходимостью развития гибкой и инновационной экономики. Налогообложение самозанятых является довольно сложной и актуальной проблемой для государства, так как оно включает в себя ряд специфических аспектов. Необходимо разработать эффективную систему налогообложения, которая бы учитывала особенности этой категории граждан, а также защищала их права и интересы. Правильное налогообложение самозанятых поможет создать условия для развития индивидуального предпринимательства и обеспечит устойчивое развитие экономики в целом.

Концепция самозанятости подразумевает официально зарегистрированных работников, которые на самом деле не занимаются никакой трудовой деятельностью или выполняют лишь незначительные задачи. Такие сотрудники

могут быть включены в штат компании или организации для легализации доходов, получения налоговых вычетов, а также для попадания в категорию социально незащищенных слоев населения.

В ряде стран существует проблема работников, фактически трудоустроенных, но работающих неофициально, без оформления трудового договора. В России, например, для борьбы с теневой занятостью был введен налог на профессиональный доход для самозанятых. В некоторых странах, например, США, есть понятие «привязанных к месту работы», которые работают официально, но по сути не являются сотрудниками в полном объеме, не обладают правами, как остальные работники.

Фактически самозанятость — это одно из средств борьбы государства с теневой экономикой. По подсчетам экспертов, почти половина (44,8%) занятых людей так

или иначе работала в тени за последние годы, из них 31,4% работают в тени постоянно [3].

Налогообложение самозанятых в России введено в 2019 году, и государство продолжает совершенствовать эту систему, учитывая все более конкретные потребности этой категории граждан. Так как число самозанятых работников постоянно растет, нет сомнений в том, что тема налогообложения самозанятых в России будет оставаться важной и актуальной в ближайшее время.

С 1 января 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее — № 422-ФЗ). Установивший новый экспериментальный режим налогообложения в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан. [2].

Текущий эксперимент по внедрению налога на профессиональный доход (НПД) продлится до 31 декабря 2028 года. По состоянию на 31 января 2023 года, в России применяют данный режим 4025338 физических лиц и 255105 индивидуальных предпринимателей. Этот режим позволяет самозанятым налогоплательщикам приобретать статус легальных налогоплательщиков и официально заниматься своей деятельностью [6].

В зарубежной практике система налогообложения самозанятых граждан другая. Для этого проанализируем примеры отдельных стран в формировании налогового статуса самозанятых.

Сперва стоит обратиться к рисунку 1, где изображена доля самозанятого населения среди всего экономически активного населения в странах с рыночной экономикой.

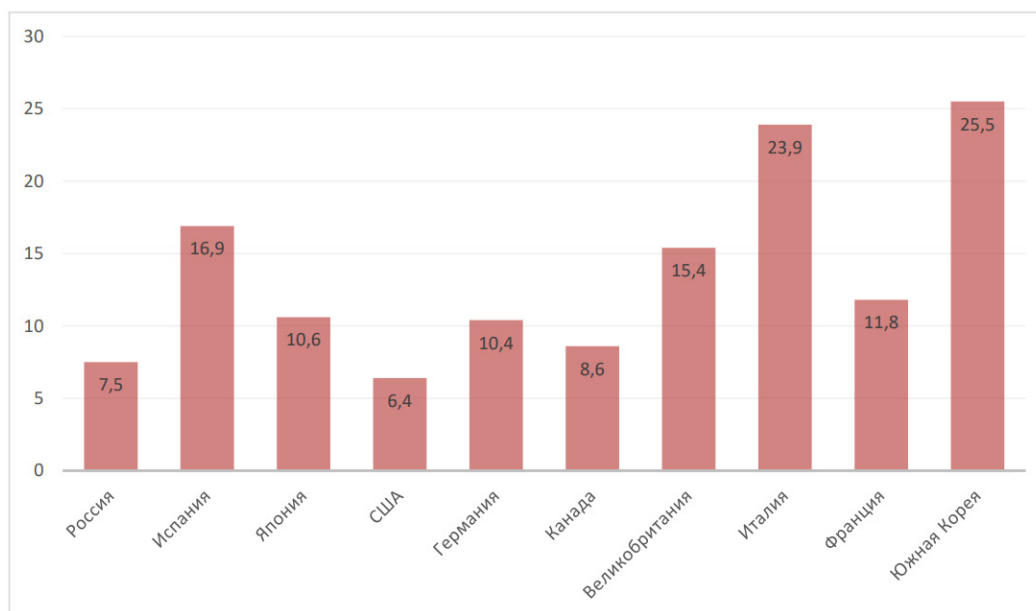

Рис. 1. Доля самозанятых в общей структуре экономически активного населения, в %

В качестве примера ближайших стран можно взять **Беларусь**. Там самозанятые являются плательщиками двух видов налогов:

1. Сборы за осуществление ремесленной деятельности (предусмотрен гл. 38 НК РБ).

2. Сборы за осуществление деятельности по оказанию услуг в агротуризме (предусмотрен гл. 39 НК РБ).

При этом уплата сборов заменяет собой сразу несколько платежей: подоходного налога или единого налога для индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц.

Налоговый период для двух видов сбора установлен как календарный год, а уплата осуществляется авансом на основании извещения налогового органа. В случае если доходы от ремесленной деятельности превышают более чем в 100 раз уплаченную сумму сбора, то плательщиком производится доплата сбора в размере 10% от суммы такого превышения [4].

Таким образом, ставка налога с суммы превышения установленного порога дохода составляет 10%.

В **Германии** для оформления самозанятости необходимо получить идентификационный номер — IdNr. Данный номер выдается гражданину спустя три недели после подачи заявления в налоговый орган. В нем заявитель указывает вид деятельности, предполагаемый доход, документ об образовании, семейное положение и факт посещения церкви.

Необходимо, как и в большинстве стран Европы, платить подоходный налог по прогрессивной шкале. Кроме того, если самозанятый является официальным членом религиозной общины, то он обязан платить еще и церковный налог, который составляет 2–3 процента от дохода. Если гражданин не состоит в церкви, то необходимо получить специальную справку, подтверждающую данный факт, из органов ЗАГС и направить в налоговую.

Помимо этого самозанятое лицо должно платить в обязательном порядке 7,7% от дохода как взноса медицинское страхование. Такая медстраховка покрывает случаи, связанные с угрозой жизни: вызов скорой помощи, необходимость проведения срочной операции и др.

Также в любом случае к указанным налоговым ставкам добавляется подоходный налог от 0 до 45%. По итогу возможный максимум налоговой ставки для самозанятых в зависимости от дохода будет составлять 55,7%, а минимум — 7,7% [5].

В Великобритании самозанятый — это человек, который ведет бизнес для себя и берет на себя ответственность за успех или неудачу в своем деле.

По данным Institute for Fiscal Studies 2020 года, рост числа solo self-employed в Великобритании пришелся на высокооплачиваемые профессии: в том числе менеджеры, IT-специалисты, а парикмахеров, таксистов и т. д.

В Великобритании, чтобы стать самозанятым, необходимо зарегистрироваться в этом качестве через службу HMRC, если вы заработали более 1000 фунтов стерлингов, то есть более суммы дохода, не облагаемой налогом. HMRC это таможенное управление Великобритании, налоговый, платежный и таможенный орган, который собирает и распределяет налоги и выплаты для самозанятых работников. Быстрее всего сделать это можно онлайн, но также доступен менее быстрый способ — по почте. Предусмотрен крайний срок для регистрации — 5 октября. То есть, если гражданин организовал свое дело в июне 2021 года, то ему нужно будет зарегистрироваться в HMRC до 5 октября 2022 года. После регистрации HMRC направляет письмо с 10-значным уникальным идентификационным номером налогоплательщика (UTR), а затем настраивает учетную запись для онлайн-сервиса оценки налога для зарегистрировавшегося лица, высылает код ее активации. Используя этот код и номер UTR, зарегистрировавшееся лицо завершает процесс регистрации онлайн через веб-сайт HMRC. Помимо регистрации онлайн необходимо предоставить указать свое торговое название и контактные данные [5].

Китай. Китайское правительство демонстрирует активную политику нефинансовой помощи самозанятым гражданам, что стимулирует рост самозанятости в экономике страны.

По состоянию за 2022 г. в Китае насчитывается рекордные более 100 млн фрилансеров. По всей территории расположены более 1000 центров малого предпринимательства, которые предоставляют поддержку в развитии самозанятости.

Самозанятые граждане Китая обязаны платить подоходный налог со своего дохода, который имеет прогрессивную шкалу. В итоге, те самозанятые, у которых доход не превышает 144 тыс. юаней в год оплачивают налоги по ставке 10%. В случае дохода самозанятых свыше 960 тыс. юаней применяется максимально высокая подоходная налоговая ставка в размере 45%.

Налоговые резиденты Китая имеют право на вычет до 20% при получении дохода от оказания услуг, роялти и авторских прав. Также самозанятые граждане обязаны оплачивать взнос на социальное обеспечение. Его размер устанавливается на уровне муниципалитетов. В среднем процентная ставка составляет 11% от величины валового дохода человека [4].

Австралия. В данной стране каждый самозанятый регистрируется в единой системе, чтобы получить свой налоговый номер, по которому идут начисления налогов на профессиональный доход фрилансера.

Специфической особенностью налогообложения самозанятых в Австралии является то, что размер налога будет ниже, чем подоходный налог физических лиц, поскольку от налогооблагаемого дохода снижается размер затрат, которые самозанятое лицо несет в рамках своей профессиональной деятельности. Также используется справедливая прогрессирующая шкала налогообложения самозанятых.

В итоге, если у самозанятого гражданина годовой доход меньше 18 200 австралийских долларов — налоги не начисляются. Наивысшая процентная ставка 45%, как и в Китае, облагается налогом для доходов свыше 180 000 австралийских долларов.

Также самозанятые уплачивают так называемый налог Medicare Levy в размере 2% от налогооблагаемого дохода, который является аналогом взноса на социальное обеспечение.

Отличие социальных платежей является то, что самозанятые граждане в Австралии освобождаются от уплаты налога в размере 9,5% от величины валового дохода, который идет на обеспечение пенсионной системы государства [4].

США. Согласно популярному в США источнику, посвященному бизнесу и экономике — Investopedia — органы государственной власти и отдельные частные исследовательские организации относят к самозанятым лицам разнообразные виды профессиональной деятельности. Один из самых высоких показателей самозанятых в общей рабочей силе наблюдается в сельском хозяйстве, строительстве, сфере услуг.

В США налог на самозанятость — Self-employment tax — представляет собой платежи в систему здравоохранения и в систему социального страхования. Размер налога — 15,3% от прибыли, из них 12,4% это платежи в социальные фонды (страхование по старости, в связи с потерей кормильца и инвалидностью), а 2,9% — платежи в систему медицинского страхования (Medicare). Половина от суммы, уплаченной по Self-employment tax, позволяет сократить декларируемую прибыль, что в свою очередь уменьшает размер выплат по второму не менее крупному налогу на самозанятых — федеральному подоходному налогу. Ставки подоходных налогов в США для самозанятых прогрессивные, и зависят они от размера прибыли. Самая низкая составляет 10%, по ней платят те, чья прибыль меньше 9225 долларов в год. Самая высокая ставка (39,6%) установлена

для самозанятых, которые зарабатывает больше 414 тысяч долларов в год [5].

Таким образом, мы имеем как ряд преимуществ, так и ряд недостатков от применения налога на профессиональный доход в практике налогообложения самозанятых лиц в экономике России. По нашему мнению, имеются оптимальные возможности и перспективы дальнейшего применения налога на профессиональный доход. Ввиду роста численности самозанятых, необходимость налогообложения их доходов будет только увеличиваться. Благодаря налогу на профессиональный доход обеспечивается простота, легкость, скорость и низкая налоговая нагрузка на деятельность самозанятых лиц.

Что касается зарубежной практики определения налогового статуса самозанятых, то во всех странах он разный. Есть Беларусь, где используются отдельные налоговые режимы для определенных видов самозанятости при ведении экономической деятельности. Есть Китай, где налоговые

обязательства самозанятых сравниваются с налоговыми обязательствами субъектов малого предпринимательства. При анализе опыта Австралии, стоит отметить, что присутствует дополнительные налоговые послабления, как освобождение от уплаты пенсионного налога и снижение налогооблагаемой базы доходов самозанятого.

На основании этого можно сказать, что российское законодательство о самозанятых, в том числе в налоговой сфере, вобрало в себя лучшие механизмы и особенности законодательства о самозанятых в зарубежных странах. Среди них: быстрая и простая регистрация статуса самозанятого через специальное приложение, небольшие налоговые ставки, четкая градация понятий «самозанятый» и «частный предприниматель», наличие одного вида налога — Налога на профессиональный доход с двумя конкретными ставками — 4 и 6 процентов, что упрощает правовое регулирование данного вопроса и реализацию этих норм на практике.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Российская газета», N 148–149, 06.08.1998,
2. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ», 03.12.2018, N 49 (часть I), ст. 7494.
3. Булах, А. А. Статус самозанятого в российском гражданском праве / А. А. Булах // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 17. — С. 235–252.
4. Кушкова, Л. А. Анализ опыта зарубежных стран по вопросу самозанятости / Л. А. Кушкова // Обществознание и социальная психология. — 2022. — № 9 (39). — С. 69–75.
5. Налоговый статус самозанятых в России и за рубежом / О. В. Мусина, Е. Д. Луковенко, В. Ю. Толстоброва, О. Р. Яшкина // Оригинальные исследования. — 2022. — Т. 12, № 12. — С. 403–410.
6. Прусова, В. И. Налог для самозанятых: проблемы и перспективы / В. И. Прусова, Н. В. Казизкая, Т. И. Мешкова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 3–2 (85). — С. 98–101.

Развитие теоретических взглядов на роль судебных органов в процессе осуществления толкования нормативных актов

Гунарь Алексей Владимирович, студент
Тольяттинский государственный университет

В данной статье анализируется разнообразие теоретических взглядов в процессе толкования нормативных актов, а также рассматривается роль судебных органов.

Толкование права — необходимый и важный элемент правореализационного процесса, и, в частности, таковой его составной части, как правоприменение. Более того, научное сообщество на сегодняшний день уже накопило достаточно аргументации для того, что использовать результаты имеющихся исследований по вопросам толкования права.

Акцент на роль толкования в именно правоприменении мы делаем неслучайно. Действительно, нельзя недооцени-

вать правовой эффект результатов толкования и за рамками правоприменения, например, в процессе правотворчества, пропаганды права и других процессов.

Однако учитывая специфику направленности темы нашей статьи, хотелось бы подчеркнуть, что основной ее задачей является анализ именно той части толкования, которая находит свою реализацию в правоприменении как основной функции судебных органов. Разумеется, нельзя не затронуть и специфику толкования права с позиции пра-

вотворчества, так как это тоже является частью, звеном судебного толкования, однако не определяющим его специфику, а потому имеющим лишь опосредованное значение для нашего исследования.

Несмотря на, казалось бы, фундаментальность такого понятия как «толкование права», по большей части, в научной доктрине до настоящего времени так и не сложилось единого теоретического осмысления указанной категории права, и в различные исторические периоды наблюдалось и наблюдается разнообразие научных представлений и мнений относительно формулировки и содержательного наполнения понятия «толкование права». В этом вопросе мы солидарны с позицией Н. С. Малютина о том, что вызвано это по большей части тем фактом, что «в разные периоды, когда перед учеными ставилась задача сформировать подход к понятию толкования права, их мнения могли трансформироваться с учетом принадлежности правоведов к той или иной школе правопонимания, а также это могло напрямую зависеть от признаваемого в конкретную историческую эпоху взаимоотношения между судебной и законодательной властью» [8, с. 34].

Также от школы правопонимания зависит не только от общего понимания толкования закона, но и от возможных средств его толкования.

Например, А. В. Смирнов четко указывает на зависимость доминирующей школы правоприменения от выбора динамичного или статичного способа толкования права. В частности, сторонники статического толкования определили его как «процесс выявления единственно возможного смысла нормы, predeterminedного неизменной в течение времени волей законодателя» [14, с. 55], а интерпретаторы динамического толкования описывают процесс как «обусловленный изменчивостью реального содержания и смысла правовой нормы с течением времени, ибо само право способно изменяться некоторое время даже в рамках старых юридических форм» [15, с. 56].

Кроме того, хотелось бы отметить, что напрямую влияла на формирование общих представлений о толковании права также и концепция понимания самого права, которой придерживался тот или иной автор: позитивно-нормативистской, естественно-правовой или социологической.

При этом можно отметить, что концепции правопонимания накладывают свой отпечаток на формирование общего подхода к сущности толкования права, и тем не менее, они не определяют его, а скорее, происходит адаптация имевшего место в определенной исторической эпохе правового регулирования к тем общественным отношениям, которые эту эпоху опосредуют, за счет чего и меняется представление о толковании права как об инструменте буквального разъяснения нормы или как об интерпретации лишь оценочных норм (общих) принципов права.

Оценивая историю правоприменительной практики по толкованию права, нельзя не отметить, что вплоть до XX века идея толкования права полностью отрица-

лась, в целом это была международно-правовая тенденция, и Россия не была исключением.

Можно сказать, что в обществе XIX века была сформирована концепция точного исполнения закона, то есть исполнения, соответствующего буквальному смыслу нормы закона, не допускающему «произвола» (интерпретации, толкования). Однако, как отмечает А. П. Озерских, ситуация кардинально начала меняться с начала второй половины XIX века, в период, когда стала формироваться новая концепция правосудия в целом [12, с. 37–38].

Именно в этот временной период можно наблюдать, как в трудах отечественных правоведов стали появляться теории толкования права. При этом в данном ключе уместно упомянуть еще об одном факторе, также влияющем на понимание толкования права в этой связи — теория разделения властей, а именно, взаимосвязи судебной и законодательной властей.

Так, например, П. И. Люблинский писал, что на заре идеи о допустимости толкования права, в основе правовой мысли лежала идея о том, что «...судьи не могут быть уполномочены на истолкование закона, в велениях которого воплотилась общенародная воля; в случае встречных затруднений они лишь могут обращаться за разъяснениями к законодателю» [7, с. 97].

Эта позиция отечественного исследователя полностью согласуется с классической доктриной разделения властей, разработанной Ш. Л. Монтескье, который писал на эту тему следующее: «Решения суда — суть, в сущности, лишь точный текст закона. Если бы в них заключалось частное мнение судьи, то в обществе могли бы возникнуть обязанности, на которые народ не давал своего согласия... Судьи нации служат только устами, произносящими слова закона, неодушевленными существами, которые не могут умерить ни силу, ни строгость закона» [3, с. 149].

Аналогичным образом К. Беккариа обосновал роль суда в толковании права и закона, заявив, что: «Судьям не может принадлежать право толковать уголовные законы исключительно в силу того, что они не являются законодателями. Нет ничего опаснее банальной истины, предписывающей руководствоваться духом закона, что является иллюзорной преградой на пути потока мнений» [6, с. 74].

Соответственно, можно сказать, что, изначально допуская идею толкования права, тем не менее, правоведы не допускали исполнение такой функции судом, тем самым не воспринимая возможности судебного толкования, они ограничивали толкование права исключительно буквальным его толкованием. Следовательно, согласно такой концепции, при возникновении правоприменительной проблемы, суду надлежало обращаться к законодателю, за получением аутентичного толкования.

Разумеется, очевидно, что такая концепция не могла служить целям толкования права вечно. Она имела место быть ровно столько, сколько законодательная власть в тесном контакте с судебной могла оперативно откликаться на просьбы последней о толковании. Однако укрепление

положений представительного строя, введение сложных парламентских процедур — существенно затормозили развитие такого подхода к толкованию права, что по-прежнему осложнялось ситуацией несовершенства законодательной техники, его пробельности, а значит, и объективной необходимости толкования.

На смену пришла концепция учета «духа закона» при его толковании судами. Тем самым, суду фактически было дозволено выходить за рамки буквального содержания интерпретируемой нормы. Однако единства научных мнений на счет целесообразности и обоснованности такой концепции также не сложилось.

Например, В. Блэкстон упоминал следующее: «Наиболее действительный способ раскрытия истинного смысла закона, когда слова являются сомнительными, состоит в рассмотрении его разума или духа, иными словами, причины, которые побудили законодателя издать его» [2, с. 61].

С данной позицией был не согласен К. Биндинг, заявляя следующее: «С моментом опубликования закона, с моментом категорического заявления о том, что является законом, а, следовательно, и правом — в один миг исчезает весь фундамент намерений и желаний духовного творца закона, а также самого законодателя: в дальнейшем весь закон покоится только на себе самом, держится своей силой и тяжестью, исполнен только своим собственным смыслом...» [1, с. 450].

Данный автор в своих работах пишет, что закон как императивный регулятор общественных отношений есть объективно выраженная воля законодателя, на которую не должна влиять субъективная специфика процесса его принятия. Иначе, при смене законодательной власти, легитимность всех старых законов утрачивала бы свою силу, так как воля нового законодателя в ней учтена не была.

Более того, не актуально говорить о законе в таком ключе и потому, что ни один законодатель не может предвидеть тех изменений, которые может повлечь за собой та или иная принятая норма. Отметим также, что о важности установления объективной воли законодателя не раз упоминал и Конституционный Суд РФ в своих постановлениях.

Более или менее структурировалась и оформилась идея той эпохи о способах толкования права в работе Ф. К. Савиньи [4, с. 214], который попытался унифицировать само понятие толкования, просто разделив его на несколько видов, которые имели свои специфические (в основном, характерные тому или иному историческому периоду) черты. Так, автор выделял толкование грамматическое (характерное, например, для ранее изложенных идей Ш. Монтескье) и систематическое (что более выражено в идеях В. Блэкстона, основанных на содержании, духе закона).

Однако и такое деление толкования права нашло своих противников: некоторые авторы писали о том, что нельзя разграничить толкование на грамматическое или систематическое, поскольку ни одно из них не является таковым полностью, грамматическое нельзя назвать грамматическим, так как при толковании исследуется не только

сам текст, но и воля законодателя; а систематическое толкование не является по своей сути системным, поскольку основывается на презумпциях отсутствия пробелов и несогласованности в праве, что, конечно же, на практике, не оправдывает себя [5, с. 116].

Полагаем, что наличие именно таких, порой противоречивых друг другу мнений, относительно сущности толкования права, и стало тем катализатором, который позволил развивать учение о толковании права, и в том числе, говорить о роли судебных органов в этом процессе. Например, в период научной активности О. Эрлиха, О. Ф. Гирке и их современников, общество активно старалось ограничить монополию законодателя на правотворчество, что неизбежно приводило к идеям о возрастании роли судов в процессе толкования права.

Однако зачастую такие идеи были излишне радикальны, высказываясь за то, что суд должен реализовывать свой правотворческий потенциал вместе, а лучше, вместо законодателя. Разумеется, такой подход, хотя и был крайне прогрессивным, не отменял того факта, что субъективизм судей, при осуществлении ими правоприменительной деятельности, мог стать существенной проблемой. В этой связи, постепенно стало складываться множество различных подходов к пониманию толкования права как правовой категории, с позиции его правоприменительной и правотворческой роли.

Например, следуя определению П. Е. Небдайло, под толкованием следует понимать «... составной элемент правоприменительной деятельности, имеющий своей целью установление предметной значимости правовой нормы, то есть истолкование ее в качестве юридического основания для разрешения конкретных случаев общественной жизни» [11, с. 325].

Судебное правотворчество не было разрешено в толковании И. В. Михайловского, который отметил, что: «задача толкования юридической нормы заключается в раскрытии социальной цели закона, смысла нормы, насколько он выразился в ее тексте, что полностью исключает судебское правотворчество» [10, с. 361].

Другая группа авторов сочла судебное толкование неизбежным и действительно полезным, Р. Салейль писал: «... толкование — это своеобразный инструмент восполнения законодательных пробелов интерпретатором (правоприменителем), и лучшая интерпретация законов есть такая, которая лучше всего приспособливает их к социальным потребностям настоящего момента... Судья должен уметь приспособить каждый закон к существующим социальным потребностям» [13, с. 16].

Рассмотрение самой категории «толкования» представляет не только процесс осознания интерпретатором смысла толкуемого текста, но и трансформации уясненного текста в воспринимаемый формат, то есть ретрансляцию понятого, можно предположить, что данный интеллектуальный процесс подвержен многим субъективным факторам, начиная от психоэмоциональных характеристик субъекта толкова-

ния и оканчивая уровнем его правовой культуры и принадлежностью к конкретной юридической школе.

Это приводит к тому, что из одной и той же нормы права в толковании можно извлечь несколько смыслов, которые иногда отличаются друг от друга.

Однако для судебного толкования, по понятным причинам, такое не допустимо, поскольку множественность смыслов не соотносится с целью суда — разрешить конкретное дело с применением нормы, которая была им истолкована. При этом имеется и обратная сторона медали — не всегда толкование может сводиться к раскрытию смысла конкретной нормы, иногда, в силу ограниченности возможностей закона, применительно к спорным правоотношениям, конкретной нормы, подлежащей интерпретации может и не быть вовсе, и тогда у суда возникает проблема выбора, которую призвана решить целая система приемов, которые законодатели предусмотрели для суда. В частности, речь идет об институте судебского усмотрения; разъяснений вышестоящих судебных инстанций; конституционном контроле и т. д.

При этом справедливым вопросом задается, на наш взгляд, И. А. Минникес: «существенной проблемой оста-

ется соотношение подобного волюнтаризма со стороны суда к соблюдению принципа правовой определенности, согласно которому лицо, в отношении которого применяется (или должна применяться) та или иная норма должно с определенной долей вероятности предполагать наступление конкретных правовых последствий» [9, с. 113]. По нашему мнению, толкование права имеет специфические особенности в правоприменительной практике, одной из которых, как упомянул И. А. Минникес, является однозначность результата судебного толкования.

Учитывая все вышесказанное, с учетом особенностей судебного толкования, полагаем уместным сформулировать несколько иное понятие толкованию права, как «сложному волевому процессу, заключенному в определении точного смысла нормы права, с целью обеспечить ее правоприменение к конкретным правоотношениям или обеспечить возможность такого правоприменения».

И в заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время приходится констатировать отсутствие единообразия понимания как процесса толкования права в целом, так и процесса судебного толкования, его роли и содержания.

Литература:

1. Binding K. Handbuch des Strafrechts: Systematisches. Berlin: Habel, 1871, P. 450.
2. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford: Clarendon press, 1773. P. 61.
3. Montesquieu Ch. Esprit des loix. Londres, 1757. P. 149.
4. Savigny F. K. System des heutigen roemischen Rechts. Berlin: Bei Veit und Comp., 1840. P. 214.
5. Авакян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 116.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М. 2004. С. 74.
7. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М.: Зерцало, 2004. С. 97.
8. Малютин Н. С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 34.
9. Минникес И. А. Проблемы эффективности судебного толкования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (82). С. 113.
10. Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск: В. М. Посохин, 1914. С. 361.
11. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 325.
12. Озерскис А. П. Новая концепция правосудия во второй половине XIX века // История государства и права. 2008. № 7. С. 37–38.
13. Салейль Р. Французский гражданский кодекс и исторический метод. СПб.: Сенатская Типография, 1905. С. 16.
14. Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2008. С. 55.
15. Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2008. С. 56.

Решение вопросов благоустройства органами местного самоуправления: историко-правовой аспект

Дворников Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Тепляков Игорь Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается проблема решения вопросов благоустройства в различные исторические периоды. На основании анализа научных источников установлено, что вопросам благоустройства уделялось большое внимание при реализации полномочий местных органов власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, благоустройство, земская реформа, городское положение.

Solution of issues of improvement by local governments: historical and legal aspect

The article deals with the problem of solving issues of improvement in various historical periods. Based on the analysis of scientific sources, it was established that much attention was paid to the issues of improvement in the exercise of the powers of local authorities.

Keywords: local self-government, improvement, zemstvo reform, urban situation.

Как политико-правовое явление местное самоуправление возникло достаточно давно. Весьма вероятно, что архаичная община как форма организации самоуправления была характерна для самых различных регионов Земли, в том числе и для Руси [1].

До формирования в Древней Руси системы государственного управления власть сосредотачивалась в руках народного собрания — вече. Главной его задачей была реализация функции коллективного управления, непосредственного принятия решений [2].

Раскрывая взаимосвязь общинного управления с государственным, В. П. Безобразов пришел к выводу, что они соотносятся как частное и общее, а потому власть общины не следует отделять от единого механизма государственного управления [3].

К. С. Аксаков считает, что община строго придерживалась своей компетенции, и не допускала своего «смещения с государством» [4].

В X–XI вв. на территории Руси активизировались процессы, связанные с деградацией родоплеменного строя и постепенным развитием государства, а, значит, и развитием механизмов вечевого публичного управления. Важным представляется вопрос о соотношении вечевого (общинного) самоуправления с государственным управлением. Если в период зарождения государственной власти община и её органы управления не входили в систему органов государственного управления, то ко второй половине XI в. общинные собрания были имплементированы в систему государственных органов того времени, которые образовали достаточно устойчивую систему управления «князь-вече-боярская дума» [5].

Новый этап в развитии местного самоуправления связан с периодом становления и развития Русского централи-

зованного государства в XVI в., во время правления Ивана IV Грозного. В рассматриваемый период, в ходе проведенных губной (30-е гг. XVI в.) и земской (50-е гг. XVI в.) реформ, началось формирование подлинных основ, структур и элементов местного управления. В волостях и городах властные полномочия были сосредоточены в руках земских старост. К их ведению относилось проведение выборов, контроль за мерами и весами, раскладка податей и повинностей. Собрание земских старост было уполномочено выносить судебные решения по мелким уголовным делам и гражданским спорам [6].

Очередные изменения в структуре местного управления произошли 30 января 1699 г., с изданием Петром I указа «Об учреждении Бурмистерской Палаты» и началом первой областной реформы [7].

В 1721 г. Петр I учредил в Санкт-Петербурге Главный магистрат, к обязанностям которого относилось образование во всех городах Российской империи должности магистратов, ведавших учреждением полиции, контролем за соблюдением правосудия и увеличением количества мануфактур. Магистраты наделялись рядом административных полномочий по отношению к выборным властям города [8].

Областная и магистерская реформы привели к концентрации властных полномочий у представителей самодержавной власти на местах — губернаторов.

Значительный прогресс в развитии российского самоуправления связан с периодом правления Екатерины II. По мнению отечественных исследователей, принятие Учреждения о губерниях 1775 г., Жалованных грамоты дворянству и городам 1785 г., послужило становлению общероссийского законодательства о местном самоуправлении [9].

В этот период субъекты городского самоуправления отвечали за решение таких вопросов, как развитие торговли

и промышленности, продовольственного дела, санитарного состояния, общего благоустройства. Для решения вверенных им дел органы городского управления наделялись самостоятельной финансовой базой.

И магистраты, и городские думы должны были обеспечивать «надлежащую городскую жизнедеятельность» путем решения как административно-управленческих, так и хозяйственных, социальных вопросов.

Сформированная при Екатерине II система органов управления на местах действовала практически в неизменной форме до учреждения земской и городской модели местного самоуправления во второй половине XIX в.

Земская модель местного управления функционировала в России более 50 лет, в период с 1864 г. по 1918 г. Для данного периода характерна серьезная децентрализация функций управления, передача их органам земской и городской власти. Последние, хотя и официально не именовались органами местного самоуправления, но с очевидностью приобрели их черты [10].

В ходе выборов были сформированы первые представительные органы земской власти — земские собрания, действовавшие как в рамках уезда, так и в пределах губерний. К ведению уездных собраний относилось развитие местного хозяйства, дача разрешения на открытие торгов и базаров, контроль за дорожной деятельностью, ряд иных хозяйственных вопросов на подведомственной территории [11].

В XVIII — первой половине XIX вв. в российском законодательстве оформились базовые положения в области санитарного благоустройства городов. Они содержались в статьях и разделах Уложения о наказаниях и ряда Уставов: медицинской полиции, строительного, промышленного, путей сообщения. Данные законы были направлены на охрану общественного здоровья, благоустройство городской среды и регламентацию принципов размещения промышленных заведений. Согласно этим законам, обязанность содержать в чистоте прилегавшие к домам улицы возлагалась на домовладельцев [12].

Улицы и мостовые, расположенные вблизи питейных домов, должны были содержаться в исправности владельцами или арендаторами этих заведений [13].

Значительное внимание к вопросам благоустройства нашло свое отражение в реформах городского самоуправления.

Созданные по Городскому положению 16 июня 1870 г. городские органы самоуправления (городские думы и управы) ведали вопросами благоустройства города (транспорт, освещение, отопление, водопровод), а также заведование школьным, медицинским благотворительным делом, торговлей и т. п. [14].

После введения Городового Положения, в законодательстве произошли изменения, которые наложили дополнительные обязательства и ограничения на домовладельцев и городское общественное управление. Городские думы получили право определять, из каких средств (городского бюджета или особых сборов с домовладельцев) будет со-

держаться дорожная инфраструктура и производиться уборка улиц [15].

В период существования системы земских и городских органов впервые в истории России детально были закреплены вопросы ведения местных органов управления.

С падением монархии в феврале 1917 г. начался процесс повсеместного создания Советов — органов самоуправления трудового народа. В октябре 1917 г. на территории России действовали свыше 1430 Советов рабочих и солдатских депутатов и свыше 450 Советов крестьянских депутатов [16].

Конституция 1918 г. не закрепила ни полномочия, ни конкретные перечни вопросов, имеющие местное значение [17].

Новая Конституция РСФСР 1925 г. сохранила прежние положения о единстве системы местных и вышестоящих Советов. Более подробно в ней были отражены предметы ведения местных органов власти: составление и утверждение местных бюджетов; разрешение вопросов местного значения; обеспечение революционной законности и охрана государственного порядка и т. д. Таким образом, классификация предметов ведения местных органов управления, приведенная в Конституции 1925 г., расширила перечень предметов ведения местных Советов некоторыми вопросами административного характера [18].

В 1961 году на XXII съезде партии в Программу КПСС было внесено следующее положение: «Права местных Советов депутатов трудящихся (местное самоуправление) будут расширяться, и они окончательно станут решать все вопросы местного значения» [19].

В деятельности городских Советов преобладали полномочия в сфере руководства промышленностью, городским хозяйством и обслуживания населения [20].

С распадом СССР начался новый период развития местного самоуправления (современный). Его важнейшей чертой является идентификация местного самоуправления как самостоятельного вида публичной власти, обладающего собственным механизмом нормативного регулирования и научно обоснованной парадигмой.

В настоящее время полномочия органов местного самоуправления указаны в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем используется понятие «вопросы местного значения», под которыми указанным Федеральным законом понимаются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Кроме того, вопросы ведения органов местного самоуправления прописаны и в других федеральных законах.

Так к вопросам местного значения относятся вопросы: утверждения правил благоустройства территории внутригородского района, осуществление муниципального контроля в сфере благоустройства, предметом которого является со-

блюдение правил благоустройства территории внутригородского района, в том числе требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг, организация благоустройства территории внутригородского района в соответствии с указанными правилами [21].

Литература:

1. Акмалова А. А. Актуальные проблемы муниципального права России: Курс лекций. М., 2009. С. 98.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 8.
3. Безобразов В. П. Государство и общество: управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882. С. 560.
4. Аксаков К. С. Государство и народ / под ред. О. А. Платонова. М., 2009. С. 338.
5. Шободоева А. В. История отечественного государства и права: курс лекций и методические материалы. Иркутск, 2009 С. 48.
6. Горный М. Б. История местного самоуправления в России. СПб., 1997. С. 284.
7. Перхавко В. Б. История русского купечества. М., 2008. С. 83.
8. Инструкция всем магистратам данная в 1724 году из Главного магистрата. М., 1766. С. 3.
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.06.2012 № 805 «О Дне местного самоуправления» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 24. Ст. 3141.
10. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений в 2 тт. т. 1. СПб., 1869. С. XVIII; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: Общее государственное право. Ч. 1 М., 1894. С. 402–403.
11. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 01.01.1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. — СПб., 1863. — Т. XXXVI. Отделение первое. — 202–217 с. № 36660.
12. Уставы врачебные. Книга II. Устав Медицинской Полиции [Текст] // Свод законов Российской Империи. Т. 13. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. — С. 146–322.
13. Свод Уставов Строительных [Текст] // Свод законов Российской Империи. Т. 12. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. — С. 93–306.
14. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 240.
15. Устав врачебный [Текст] // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное. Т. 13. — СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. — С. 176–353.
16. Буров А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. Ростов-на-Дону, 2000. С. 70.
17. Рейснер М. А. Основы Советской Конституции. М.: Изд-во Академии Генерального штаба РККА, 1920. С. 87.
18. ст. 64 гл. 5 Конституции РСФСР от 11.05.1925 (ред. от 18.05.1929) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 118.
19. Григорьев К. А. К вопросу о местном самоуправлении: советский период // Приднестровье. 2009. № 60. [электронный ресурс]. Информационно-справочный ресурс законодательно-нормативной базы документов Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://docpmr.com/stati/mestnoe-samoupravlenie-v-sovetskij-period/> (дата обращения 08.09.2014).
20. гл. II Закона РСФСР от 29.07.1971 (ред. от 29.01.1986) «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. т. 1. Ст. 72.
21. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40 Ст. 3822.

Благоустройство территории как элемент компетенции органов публичной власти

Дворников Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Тепляков Игорь Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается проблема распределения полномочий между органами публичной власти в сфере благоустройства. На основании анализа нормативных правовых актов в сфере благоустройства установлено, что основными полномочиями в сфере благоустройства в системе органов публичной власти обладают органы местного самоуправления

Ключевые слова: компетенция органов власти, благоустройство территории, органы местного самоуправления, муниципальный контроль, правила благоустройства.

Improvement of the territory as an element of the competence of public authorities

The article deals with the problem of distribution of powers between public authorities in the field of improvement. Based on the analysis of regulatory legal acts in the field of improvement, it has been established that local governments have the main powers in the field of improvement in the system of public authorities

Keywords: competence of authorities, landscaping, local governments, municipal control, landscaping rules.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1].

Так в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» принципами деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, являются:

- единство системы публичной власти;
- разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти;
- самостоятельное осуществление органами публичной власти своих полномочий [2].

В последнее время все больше внимания уделяется процессам создания современной и комфортной городской среды. На территории городов появляются новые общественные пространства, формируются дизайн-коды городов, направленные на создание идентичности, вносятся изменения в нормативные правовые акты, направленные на повышение уровня благоустройства, с целью создания комфортных условий для жителей городов и повышения инвестиционной привлекательности структуры городов.

Толчком в повышение уровня благоустройства послужила реализация на территории Российской Федерации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в рамках национального проекта «Жилье

и городская среда», а также внесение изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Реализация указанного проекта повышает ответственность органов местного самоуправления, на которые в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» возложены вопросы организации благоустройства территории, поскольку значимая роль в проекте отдана населению.

На территории российской Федерации действуют государственные программы субъектов Российской Федерации и муниципальные программы формирования современной городской среды.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.02.2017 № 169 утверждены Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации разъяснения по указанным Правилам дает Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [3].

В соответствии с пунктами 1 и 5.2.62 Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября

2013 г. № 1038 к полномочиям Министерства относится принятие методических рекомендаций по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований [4].

Градостроительным кодексом Российской Федерации закреплены следующие понятия: «благоустройство территории», «объект благоустройства», «элементы благоустройства» и предусмотрено проведение общественных обсуждений, публичных слушаний по проекту правил благоустройства территорий.

Под благоустройством территории понимается деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий. Комплексное развитие территорий и их благоустройств относится к градостроительной деятельности [5].

Согласно пункту 3.2 СП 82.13330.2016 «Свод правил. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10-75», утвержденных Приказом Минстроя России от 16.12.2016 № 972/пр, благоустройство территории — это комплекс мероприятий по инженерной подготовке к озеленению, устройству покрытий, освещению, размещению малых архитектурных форм и объектов монументального искусства, направленных на улучшение функционального, санитарного, экологического и эстетического состояния участка [6].

Полномочия органов местного самоуправления указаны в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем используется понятие «вопросы местного значения», под которыми указанным Федеральным законом понимаются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Кроме того, вопросы ведения органов местного самоуправления прописаны и в других федеральных законах.

Так к вопросам местного значения относятся вопросы: утверждения правил благоустройства территории внутригородского района, осуществление муниципального контроля в сфере благоустройства, предметом которого является соблюдение правил благоустройства территории внутригородского района, в том числе требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг, организация благоустройства территории внутригородского района в соответствии с указанными правилами [7].

Благоустройство территории городов и иных поселений является одним из видов градостроительной деятельности, а правила благоустройства городской территории составляют государственную информационную систему обеспечения градостроительной деятельностью, ведение которой согласно статье 8 Градостроительного кодекса Российской Федерации отнесено к полномочиям органов местного самоуправления городских округов.

Правила благоустройства территории муниципального образования могут регулировать вопросы:

- 1) содержания территорий общего пользования и порядка пользования такими территориями;
- 2) внешнего вида фасадов и ограждающих конструкций зданий, строений, сооружений;
- 3) проектирования, размещения, содержания и восстановления элементов благоустройства, в том числе после проведения земляных работ;
- 4) организации освещения территории муниципального образования, включая архитектурную подсветку зданий, строений, сооружений;
- 5) организации озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны, расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями;
- 6) размещения информации на территории муниципального образования, в том числе установки указателей с наименованиями улиц и номерами домов, вывесок;
- 7) размещения и содержания детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок (парковочных мест), малых архитектурных форм;
- 8) организации пешеходных коммуникаций, в том числе тротуаров, аллей, дорожек, тропинок;
- 9) обустройства территории муниципального образования в целях обеспечения беспрепятственного передвижения по указанной территории инвалидов и других маломобильных групп населения;
- 10) уборки территории муниципального образования, в том числе в зимний период;
- 11) организации стоков ливневых вод;
- 12) порядка проведения земляных работ;
- 13) участия, в том числе финансового, собственников и (или) иных законных владельцев зданий, строений, сооружений, земельных участков (за исключением собственников и (или) иных законных владельцев помещений в многоквартирных домах, земельные участки под которыми не образованы или образованы по границам таких домов) в содержании прилегающих территорий;
- 14) определения границ прилегающих территорий в соответствии с порядком, установленным законом субъекта Российской Федерации;

- 15) праздничного оформления территории муниципального образования;
- 16) порядка участия граждан и организаций в реализации мероприятий по благоустройству территории муниципального образования

В соответствии с частью 3 статьи 45.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Законом субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены иные вопросы, регулируемые правилами благоустройства территории муниципального образования, исходя из природно-климатических, географических, социально-экономических и иных особенностей отдельных муниципальных образований.

Как видно из вышеперечисленного Правила благоустройства территорий муниципальных образований затрагивают обширные вопросы, связанные с уборкой территорий, внешнего вида фасадов зданий, проектирования

элементов благоустройства, порядка проведения зеленых работ и восстановления элементов благоустройства и др.

Органы местного самоуправления организуют и осуществляют муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами, принятыми по вопросам местного значения, а в случаях, если соответствующие виды контроля отнесены федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления, также муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации [7].

Муниципальный контроль осуществляется в рамках полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения [8].

Таким образом основными полномочиями в сфере благоустройства в системе органов публичной власти обладают органы местного самоуправления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>. Опубликовано № 0001202007040001729110 от 04 июля 2020 г
2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть 1) Ст. 8973.
3. Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды: Постановление Правительства РФ от 10.02.2017 N 169 (ред. от 16.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 20.02.2017, N 8, ст. 1242.
4. О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации»). Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 N 1038 (ред. от 09.02.2023) // Собрание законодательства РФ», 25.11.2013, N 47, ст. 6117.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1) Ст. 16.
6. СП 82.13330.2016 «Свод правил. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10-75». Приказ Минстроя России от 16.12.2016 N 972/пр (ред. от 23.12.2019) // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании М., 2016.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40 Ст. 3822.
8. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. 06.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть 1) Ст. 5007.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты распространения информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет как индикаторы содержания их превенции

Дугричилова Джанета Муртазалиевна, кандидат юридических наук, доцент;

Горенко Варвара Игоревна, студент;

Нассер Надежда Хадеровна, студент

Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина (г. Москва)

Реалии развития уголовного законодательства и реализации превентивной деятельности в сфере преступлений экстремистской и террористической направленности сложны и противоречивы. С одной стороны, наблюдается закономерный рост преступности в данной сфере на фоне политической нестабильности, экономического кризиса и социальной напряженности. С другой стороны, очевидна цифровая трансформация преступности экстремистской и террористической направленности в условиях цифровизации общественной жизни: экстремизм и терроризм, обывательски ассоциирующиеся с терактами, несанкционированными протестами и иной идеологически мотивированной и запугивающей активностью, в современных условиях все чаще начинают выражаться в форме запрещенной к обороту информации экстремистского и террористического содержания, распространяемой в виртуальной реальности, что представляет собой сложно контролируемую информационную эпидемию страха и идеологического разложения общественных масс. Целесообразно исследование уголовно-правовых и криминологических аспектов распространения информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет как индикаторов превентивных мер. Методология исследования: сравнительно-правовой метод, метод толкования права и анализа законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, киберпреступность, кибертерроризм, превенция.

Criminal-legal and criminological aspects of the dissemination of extremist and terrorist information on the Internet as an indicator of the specificity of their prevention

Modern development of criminal legislation and prevention in the field of extremist and terrorist crimes are complex and contradictory. On the one hand, there is an inevitable increase in criminal activity in this area against the background of political instability, economic crisis and social tension. On the other hand, the natural digital transformation of extremist and terrorist-oriented criminality in the conditions of dynamic digitalization of public life is also obvious: extremism and terrorism, philistinically associated with terrorist attacks, unauthorized protests and other ideologically motivated, aggressive and intimidating activity, in modern conditions are increasingly beginning to be expressed in the form of prohibited for circulation information of extremist and terrorist content distributed in cyberspace. In fact, it is a difficult controlled and preventable information epidemic of fear and ideological perversion of the public masses. It is logical to study the criminal-legal and criminological aspects of the dissemination of extremist and terrorist information on the Internet as indicators of preventive measures. Research methodology: comparative legal method, method of interpretation of law and analysis of legislation.

Keywords: extremism, terrorism, cybercrime, cyberterrorism, prevention.

Говоря об уголовно-правовых аспектах преступлений в сфере распространения информации экстремистского содержания в сети Интернет, стоит сразу обозначить, каким образом российское уголовное законодательство криминализует данные деяния и каков подход к разграничению в них преступного и противоправного с точки зрения административного правопорядка. Так, УК РФ [1] содержит три ключевых состава преступлений, связанных с распространением информации экстремистской направленности в сети Интернет — ч. 2 ст. 280, ч. 2, ст. 280.1, ч. 2 ст. 280.4. Их объединяет деяние в форме призыва, виртуальная реальность как обстановка и способ, а дифференцирует на-

к нарушению территориальной целостности РФ, а также к действиям против безопасности России. Причем, последний вид направленности призыва был криминализован в 2022 г. в условиях протекания информационного противостояния государств и общественности, то есть перечень запрещенной к обороту информации экстремистского содержания детализировался, что необходимо учитывать и при дальнейшем выстраивании архитектуры превенции данных преступлений. Виртуальная реальность как обстановка и способ совершения преступления толкуются законодателем как квалифицирующий признак, что говорит о повышенной общественной опасности таких преступлений, а следовательно, и необходимости более сложного

и глубокого, индивидуализированного подхода к их предупреждению.

Вместе с тем, обозначенные статьи — бланкетные, отсылают к ФЗ от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] как источнику легального толкования «экстремистской деятельности», к которой осуществляется призыв через Интернет, и к ПП ВС РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [3]. Так, в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» раскрывается перечень всех деяний, охватываемых понятием «экстремистская деятельность». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в свою очередь раскрывает детали и специфику официального подхода к пониманию цифровой природы данного преступления. Так, в п. 2.1. обозначена обязательность установления направленности на умысел и мотив побуждения к экстремизму при размещении лицом в сети «Интернет» текста, видео, фото, аудио материала с призывом к экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности России или ее безопасности, в п. 6 обозначен момент окончания преступления в форме факта размещения, а в п. 8 раскрыты все аспекты, учитываемые при установлении умысла и мотива: это не только обстоятельства и форма, объем публичности и содержание содеянного, но и комментарии совершившего преступления относительно размещенной в сети Интернет экстремистской информации, частота обновлений, контекст, фактор личного изготовления информации, действия по увеличению аудитории, а также общая репутация лица на предмет склонности к экстремизму.

Наличие такового перечня позволяет теоретически выстроить полную конструкцию преступлений в сфере распространения информации экстремистского содержания в сети Интернет: это осознанно размещенный в сети «Интернет» текст, аудио, видеоматериал или изображение, содержащие четко сформулированный информационный посыл побуждающего и мотивационного характера к совершению любого из обозначенных в законе видов экстремистской деятельности, к нарушению территориальной целостности РФ или состояния ее безопасности и защищенности, обращенный к не персонифицированной и заведомо массовой аудитории пользователей сети Интернет по мотиву распространения и воплощения в реальности идеологии экстремизма и ее деятельных плодов, возбуждения вражды на национальной, политической, религиозной почве. То есть, речь идет о преступлении с глубокой общественно заражаемой природой и высокой общественной опасностью: само по себе преступное поведение призвано массово воспроизвести такое в будущем, в поведении других лиц, виртуально воспринявших цифровой посыл. Публичность как признак содеянного ясно дает понять, что в преступлении

предполагается своеобразный виртуальный диалог преступника и неограниченного круга лиц.

Это во многом объясняет, почему российский законодатель криминализировал именно публичные призывы к экстремизму во всех его проявлениях. Массовое распространение материалов экстремистского характера, за которым следует административная ответственность по ст. 20.29 КоАП РФ [4], не обладает такой общественной опасностью, так как не предполагает непосредственную коммуникацию через информационный посыл и его восприятие в сети «Интернет». Однако говоря о соотношении уголовно-правовых и административно-правовых начал, стоит отметить, что в случае с публичными призывами к нарушению территориальной целостности в сети «Интернет» условием привлечения к уголовной ответственности является наличие привлечения к ответственности административной (ст. 20.3.2 КоАП).

Рассмотренные нормативные, уголовно-правовые аспекты распространения информации экстремистского содержания в сети Интернет как индикаторы содержания мер по предупреждению преступлений в данной сфере целесообразнее всего анализировать с учетом статистических данных.

Во-первых, судебная статистика иллюстрирует неуклонный рост преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в сети «Интернет» (ч. 2 ст. 280 УК РФ): 2016 г. — 89 преступлений, 2017 г. — 88, 2018 г. — 83, 2019 г. — 109, 2020 г. — 135, 2021 г. — 243. До 2019 г. наблюдалась тенденция постепенного роста на этапе текущей стагнации, после — активный прирост, ознаменовавший в 2021 г. увеличение количества совершенных преступлений почти в 3 раза в сравнении с 2016 г. Резонно предположить, что таковая динамика связана с постепенным обострением политической ситуации и коронакризисом, резонанс будет и прогноз относительно еще большего прироста таковых преступлений в 2022 г. Причем, таковой динамичный рост числа данных киберпреступлений коррелирует со спадом «типичного» экстремизма (ч. 1 ст. 280 УК РФ): 2016 г. — 24, 2017 г. — 20, 2018 г. — 7, 2019 г. — 8, 2020 г. — 12, 2021 г. — 21 преступление. Это доказывает нашу мысль о трансформации экстремизма в современных условиях, его переход на цифровые рельсы как наиболее коррелирующие с целями данных преступлений. Вместе с тем, рост преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в сети «Интернет» обличает несостоятельность доминирующей судебной практики применения наказания в виде условного лишения свободы. За 6 лет таковая практика качественно не повлияла на уменьшение количества совершаемых преступлений в данной сфере, посему логично полагать, что наказание в форме лишения свободы более целесообразно.

Во-вторых, статистика по ч. 2 ст. 280.1 УК РФ представляется более скудной: 2016 г. — 1, 2017 г. — 5, 2018 г. — 4, 2019 г. — 2, 2020 г. — 3, 2021 г. — 0 преступлений. Во мно-

гом это связано с размытостью формулировки «экстремистская деятельность», призывы к которой охватываются ч. 2 ст. 280 УК РФ, и которая поглощает и посягательства на территориальную целостность, которые в свою очередь заложены как объекты призыва в объективную сторону ч. 2 ст. 280.1 УК РФ. Очевидно, большинство таких дел были квалифицированы по ч. 2 ст. 280 УК РФ, что говорит о теоретических проблемах. Однако такая статистика может также толковаться как проявление реального уменьшения призывов к колебанию территориальной целостности РФ как одной из самых опасных форм экстремизма.

В-третьих, важным представляется и статистическое наблюдение об отсутствии за 2016–2021 г. оправданий по ч. 2 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, что позволяет сделать вывод о высоком уровне значения правовой культуры при совершении данных преступлений. Безусловно, нельзя говорить о безапелляционной правоте и законности всех приговоров, однако такая статистика доказывает, что все-таки большинство случаев действительно носят доказанный преступный характер, а не политически мотивированный.

Подробно рассмотрев и проанализировав статистические и уголовно-правовые аспекты преступлений, связанных с распространением информации экстремистского характера, перейдем к исследованию сущности, качественных и количественных характеристик преступности, завязанной на распространении информации террористической направленности в сети «Интернет», обратимся к правовой основе данной категории преступлений, а также определим её основные понятия.

Нормативную базу противодействия терроризму в целом составляет Конституция Российской Федерации, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» конкретизирует терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5]. При этом, важно отметить, что при дефиниции понятия террористической деятельности, представленного здесь же, законодатель включает в него не только действия, непосредственно направленные на совершение террористического акта, но и пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Именно этот аспект преступного поведения и является предметом детального рассмотрения в настоящей работе. В связи с чем представляется необходимым обратиться к ряду положений уголовного законодательства.

Статьей 205.2 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганду. Рассмотрим состав данного правонарушения.

Объектом противоправных действий, которые охватывает ст. 205.2 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие общественные безопасность и порядок, а в качестве дополнительного объекта выступают жизнь, здоровье, нормальное функционирование органов власти, государственных, общественных учреждений, иных социальных институтов. Объективная сторона преступления складывается из двух альтернативных самостоятельных действий: публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. Важно отметить, что публичный призыв отличается от подстрекательства к осуществлению терроризма в силу своего общего характера. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности направлены на широкий круг лиц и могут охватывать самые разные группы населения, так же, как и обращать внимание на широкий спектр террористических мероприятий. Подстрекательство же направлено всегда в сторону конкретных лиц и несет в себе цель склонения их к совершению конкретного преступления террористического характера. Следующее действие, составляющее объективную сторону рассматриваемого преступления, представляет собой публичное оправдание терроризма — публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных, насильственных действий [5]. Такого рода признание может быть выражено как в прямой, так и в завуалированной форме путем «облагораживания» образов террористов в продуктах массовой культуры и оправдания их противоправных действий. Степень публичности призывов или оправдания определяется судом в зависимости от объективных обстоятельств, в рамках которых было совершено преступление.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, то есть лицом, призывающее к терроризму или оправдывающее его, действует, как правило, по своему желанию,

в полной мере осознавая все последствия своего поступка. Субъектом преступления выступает лицо, достигшее возраста 16 лет.

В рамках данного преступления Уголовный закон предусматривает также квалифицирующее обстоятельство, указывающее на способ совершения основного преступного деяния: с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» квалифицирует средства массовой информации как периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмму, радиопрограмму, видеопрограмму, кинохроникальную программу, иную форму периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием [7]. Соответственно, вся информация, направленная на оправдание терроризма или его популяризацию, представленная в открытом доступе в информационном пространстве для всеобщего ознакомления, является преступной и влечет за собой тяжкие правовые последствия для распространителя. Пропаганда, оправдание и поддержка терроризма в сети «Интернет» относится к обстоятельствам, отягчающим наказание, в силу своей особой общественной опасности: через СМИ и «Интернет» информация, запрещенная к публикации в Российской Федерации, способна передаваться гораздо быстрее в сравнении с другими способами, а значит, возрастает опасность расширения круга лиц, попавших под ее пагубное влияние. Кроме того, в сети «Интернет» правоохранительным органам становится сложнее отследить в полной мере все источники распространения запрещенной информации.

В последние годы наблюдается тенденция к росту преступлений, связанных с террористической деятельностью в сети «Интернет». За один только 2021 год по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ было осуждено 170 человек, 55 из которых понесли наказание в виде лишения свободы. Для сравнения в 2016 году было зафиксировано лишь 4 преступления по соответствующей статье УК РФ, а в 2020–111. За все эти периоды ни одно лицо не было оправдано за совершение указанного преступного деяния. Эти цифры говорят о негативном развитии преступности террористического характера, на которую, безусловно, повлияла и политическая, социально-экономическая обстановка в стране. Более того, нельзя не подчеркнуть, что с каждым годом общество все больше начинает переходить на постоянное пользование компьютерными технологиями и информационно-коммуникационными сетями, а значит, переносит на эти платформы не только социально и право приемлемые установки, но и преступные модели поведения. Этим можно объяснить возросшую долю преступлений именно по второй части 205.2 статьи Уголовного Закона.

Однако, несмотря на подобную неутешительную статистику, российское законодательство не стоит на месте и постоянно совершенствуется в этой области. Необходи-

мые изменения вносятся в Федеральный закон «О связи» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 13.31 КоАП РФ).

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает, что к лицам, совершившим преступления террористической направленности, как и преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» определяется, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности может проводиться такое оперативно-розыскное мероприятие, как «получение компьютерной информации» (пункт 15 статьи 6 Закона об ОРД).

За последние годы правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия терроризму и экстремизму терпит значительные изменения. В результате имеющаяся в настоящее время нормативная правовая база создаёт всё лучшие условия для эффективного противодействия терроризму.

Кроме того, в качестве ответной реакции в 2018 году Президент Российской Федерации подписывает Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, который включает в себя перечень профилактических мероприятий. В частности, в сети «Интернет» в качестве мер информационно-пропагандистского характера планом предусмотрено привлечение лидеров общественного мнения, блогеров для распространения контртеррористической идеологии, организация конкурсов по созданию игровых и неигровых национальных фильмов антитеррористической направленности, осуществление мониторинга сети «Интернет» и блокировка распространения в ней террористических материалов и др.

Так, на основе комплексного анализа статистического и уголовно-правового аспекта преступлений, в сфере распространения информации экстремистского и террористического содержания в сети Интернет, целесообразным представляется заложить в систему превенции данных преступлений следующие превентивные послышки и меры:

Во-первых, это необходимость фундаментального правового просвещения пользователей сети «Интернет» сущностью явлений экстремизма и терроризма и информации, носящей экстремистско-террористический характер, а посему — запрещенной к обороту. Это, к примеру, доведение до студентов, специалистов (журналистов, блогеров, политологов и юристов), а также иных активных в виртуальном пространстве общественников перечня экстремистских и террористических материалов Министерства Юстиции РФ; организация курсов и тренингов по пра-

вовому просвещению в трудовых коллективах и студенческом сообществе; взаимодействие с отечественными цифровыми гигантами и социальными сетями на предмет обязательности информирования на них о недопустимости размещения запрещенной к обороту информации экстремистского и террористического содержания. Таковая мера проистекает из самой формы совершения рассматриваемых преступлений: публичные призывы это всегда негласный и обезличенный, но все-таки диалог виртуального преступника и неограниченной аудитории. Важно правовое просвещение и по причине расширения перечня запрещенной под угрозой уголовного наказания информации экстремистского и террористического содержания, о чем говорилось ранее.

Во-вторых, это практическое переосмысление системы наказания за преступления в сфере распространения информации экстремистского и террористического содержания в сети Интернет. Целесообразным представляется в целях предупреждения таковых путем общей уголовно-правовой превенции апробировать на практике применение наказания в форме лишения свободы, параллельно теоретически совершенствуя подход уголовного законода-

тельства к системе наказаний за данные преступления, совершенные в сети «Интернет».

В-третьих, в рамках предупреждения рассматриваемых киберпреступлений важным представляется и проведение превентивных профилактических и мониторинговых мероприятий, контрольно-аналитическая направленность которых коррелирует с обязательными к учету характеристиками элементов состава данного преступления, по мнению Пленума Верховного Суда РФ: постоянное наблюдение за виртуальной активностью лиц, ранее привлекавшихся к административной или уголовной ответственности за преступления в сфере экстремизма и терроризма; наблюдение за крупными политическими виртуальными сообществами в условиях кризисной ситуации, дабы улавливать подходящий для совершения анализируемых преступлений контекст и вовремя его ликвидировать; контролировать подозрительные по своему содержанию, форме и масштабах рекламные компании, которые носят политический, латентно саркастический или иной характер, раскрывающей в рекламируемой информации признаки призывов к экстремистской или террористической деятельности в сети «Интернет».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ, Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», «Парламентская газета» от 30 июля 2002 г. N 142–143
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», «Российская газета» от 4 июля 2011 г. N 142
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ, «Российская газета» от 31 декабря 2001 г. N 256
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 01.01.2017) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) «О средствах массовой информации» // Консультант Плюс: Законодательство.

К вопросу об организации деятельности аппарата суда

Дятлов Алексей Игоревич, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей научной работе автором проводится исследования особенностей организации работы аппарата суда. Так, сделан вывод о том, что в настоящее время данный вопрос особо актуален по причине высокой нагрузки, которая приходится на органы судебной власти. Кроме этого, были выявлены причины снижения эффективности работы аппарата суда. Разработаны предложения, реализация которых позволит улучшить качество и эффективность всего делопроизводства суда, осуществляемого аппаратом.

Ключевые слова: аппарат суда, работник, государственный служащий, делопроизводство, судья.

В настоящее время вопросы об эффективности организации деятельности органов судебной системы становятся особо актуальными ввиду того, что суды подвержены очень большой нагрузке по делопроизводству. Без эффективной организации деятельности аппарата суда невозможно обеспечить соблюдение прав и свобод лиц, обращающихся в суд с целью реализации своего конституционного права на судебную защиту.

Согласно федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» [1] судебная власть непосредственно осуществляется лишь судьями, а также присяжными и арбитражными заседателями.

При осуществлении ряда задач органами судебной власти в связи с разрешением иных вопросов, не связанных непосредственно с реализацией правосудия, большее внимание заслуживают работники аппарата суда, которые являются государственными служащими.

Главной целью деятельности аппарата суда является обеспечение всей делопроизводственной работы судебного органа. Контроль за деятельностью аппарата суда осуществляет непосредственно председатель соответствующего суда.

С недавних пор, а именно с 16 апреля 2022 года [2], работники аппарата суда, которым присвоен классный чин, обеспечиваются форменным обмундированием, порядок предоставления которого, техническое описание образцов, порядок ношения утверждается Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [3]. Однако, стоит отметить, что в свободном доступе такой нормативный акт не представлен, в связи с чем сделать вывод о необходимости введения такого новшества не представляется возможным, а также об эффективности его реализации.

Одной из основных проблем организации работы аппарата суда является длительность процессов и недостаточная эффективность работы судов [4]. Это связано с различными факторами:

- большой объем входящей первичной документации;
- нехватка кадрового состава, в связи с чем обработка поступающей информации значительно снижается;
- отсутствие в ряде судов деления аппарата суда на отделы, каждый из которых специализировался бы на выполнении определенной работы;
- низкий уровень подготовки кадрового состава;

— необходимость соблюдения процедур и формализованных требований.

Кроме того, влияние на работу судов оказывают политические, экономические и общественные факторы, которые могут приводить к давлению на судей, манипуляциям с доказательствами и другим видам коррупции, что в своей совокупности значительно сказывается на снижении эффективности работы судебного органа.

В структуре аппарата суда предусматривается в содержании следующие отделы: финансовые, кадровые, материально-технические, справочно-информационные, документационные, научно-аналитические, статистические и др. Все они имеют направленность на формирование необходимых условий на реализацию причем вне зависимости от полного и независимого правосудия.

В структуре судов наиболее важным вектором и задачей аппарата суда является ведение и организация, а также сопровождение документооборота общего характера, и судебного делопроизводства.

Работник аппарата суда имеет правовой статус, который представляет собой комплекс закрепленных на законодательном уровне обязанностей и прав, а также юридических институтов, которые устанавливают положение государственных гражданских служащих. При этом работник аппарата суда, как мы уже указали, имеют статус государственных гражданских служащих [5].

Главной целью деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации является обеспечение обслуживания деятельности судей по осуществлению правосудия. Такую деятельность можно охарактеризовать как вспомогательную. При этом стоит отметить, что служба в судах обуславливается необходимостью высокой квалификации в сфере юриспруденции, в том числе в наличие высшего юридического образования, но законодательство в данной области такой специфики прохождения службы не учитывает.

Отметим, что ранее предпринимались попытки реформирования системы аппарата судов с целью оптимизации их работы. Так, предлагалось ввести должность руководителя аппарата суда — администратора. Отметим, что в настоящее время должность администратора суда официально учреждена, она отнесена к системе Судебного департамента. Верховным Судом РФ в 2017 году был внесен законопроект о введении в аппарате арбитражного

суда должности «руководитель аппарата суда — администратора суда» с одновременным исключением должности «администратор суда» из системы Судебного департамента, однако данный законопроект с 2017 года находится на рассмотрении [6]. В настоящее время он рассматривается в первом чтении.

Мы считаем, что необходимо улучшить качество подготовки дел и повысить профессиональную компетенцию работников аппарата суда. Также важно улучшить организацию работы аппарата суда, в том числе автоматизировать процессы и оптимизировать трудовые процессы. В целом, не-

обходимо стремиться к установлению независимости судов и обеспечивать их свободное функционирование в соответствии с законами и принципами правосудия. Также отметим, что весьма перспективным направлением в оптимизации работы аппарата суда является введение новой должности государственной гражданской службы — администратор суда (руководитель аппарата суда). Введение данной должности позволит повысить качество выполняемой аппаратом суда работы, а также повысить контроль за их деятельностью, так как Председателю суда физически контролировать такой объем поступающей информации невозможно.

Литература:

1. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ // СПС «Консультант Плюс»
2. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: федеральный конституционный закон от 16.04.2022 N 1-ФКЗ // СПС «Консультант Плюс»
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «Консультант Плюс»
4. Кузин С. А. Оптимизация деятельности аппарата судов общей юрисдикции в Российской Федерации с учётом внедрения систем «Электронное правосудие» // Закон и власть. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-deyatelnosti-apparata-sudov-obshchey-yurisdiktсии-v-rossiyskoy-federatsii-s-uchyotom-vnedreniya-sistem-elektronnoe> (дата обращения: 11.05.2023).
5. Макарова-Землянская, А. А. Оптимизация и законодательное определение норм судебной нагрузки судей в районных судах / А. А. Макарова-Землянская. — Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2020 г.). — Казань: Молодой ученый, 2020. — С. 23–29. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/372/15851/> (дата обращения: 11.05.2023).
6. Законопроект N 102332–7 «О внесении изменений в Федеральные конституционные законы в связи с введением государственной судебной службы Российской Федерации» / Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/102332-7#bh_histras (дата обращения: 02.06.2020).

К проблеме привлечения к ответственности за налоговые правонарушения в сфере ухода от НДС

Егорова Анастасия Викторовна, студент;

Коротаева Ольга Анатольевна, старший преподаватель

Вятский государственный университет (г. Киров)

Статья рассматривает проблему мошенничества при уплате налогов и описывает возможные меры борьбы. В статье выделены такие способы, как ужесточение наказания, расширение прав проверки налоговых органов, создание более эффективной системы наказания за неуплату налоговых платежей, внедрение новых технологий для контроля за налоговой отчетностью и совершенствование налоговой системы.

Ключевые слова: незаконные схемы, уклонение от уплаты, НДС, искусственный интеллект, анализ данных, машинное обучение, анализ текста, роботы-автоматы, анализ изображений, нейронные сети.

Актуальность данной темы заключается в том, что уход от уплаты НДС стал распространенной практикой среди предпринимателей. Последствия такой деятельности состоят в убытках для государственного бюджета и искажении конкурентной среды.

Это приводит к тому, что честные предприниматели, которые уплачивают НДС, не могут конкурировать с теми,

кто не уплачивает налоги и, соответственно, снижает стоимость своей продукции. Кроме этого, уход от уплаты НДС может привести к ухудшению качества продукции и услуг, что негативно отражается на потребителях.

Поэтому, привлечение к ответственности за налоговые правонарушения в сфере ухода от НДС является важным инструментом для борьбы с этой негативной практикой.

Оно способствует защите прав честных предпринимателей, улучшению конкурентной среды и повышению качества продукции и услуг.

Кроме того, уплата налогов является одним из основных источников доходов государства, которые направляются на развитие экономики и социальных программ. Поэтому привлечение к ответственности за налоговые правонарушения помогает сохранить финансовую устойчивость государства и обеспечить его развитие.

В целом, актуальность темы привлечения к ответственности за налоговые правонарушения в сфере ухода от НДС связана с необходимостью борьбы с негативными последствиями этой практики, защитой прав честных предпринимателей и обеспечением финансовой устойчивости государства.

Налог на добавленную стоимость (НДС) — это налог, который взимается на каждом этапе производства и распространения товаров или услуг [2]. Он начисляется на разницу между стоимостью продукта на каждом предыдущем этапе производства и конечной ценой товара или услуги. Обычно этот налог включен в стоимость товаров на прилавках магазинов и им же взимается при оплате. НДС является важной для государства налоговой ставкой, которая приносит значительную часть доходов в бюджет и оказывает влияние на спрос и предложение товаров и услуг на рынке.

В общем случае плательщиками НДС являются юридические и физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью и производящие оборот товаров или услуг на территории Российской Федерации. Размер налога составляет 20% от стоимости товаров или услуг, включая вознаграждения за выполненные работы и оказанные услуги [1].

В некоторых случаях, например, при экспорте товаров, плательщиками НДС могут быть иностранные юридические и физические лица. Расчет, уплата и возврат НДС с иностранных контрагентов регулируются законодательством Российской Федерации.

Также существуют особые категории плательщиков НДС, например, организации, работающие в сфере страхования, банковские и инвестиционные организации, а также предприятия, занимающиеся добычей и переработкой полезных ископаемых, которым предоставляются льготы по уплате НДС [5].

Однако некоторые из этих категорий лиц могут быть обязаны уплатить НДС в конкретных ситуациях. Например, в случае покупки имущества или услуг за границей для использования его в России, физическое лицо может быть обязано уплатить НДС по ставке, установленной Российским законодательством.

За неуплату налога на добавленную стоимость (НДС) предусмотрены следующие виды ответственности:

1. Налоговая ответственность — плательщики НДС обязаны уплачивать налог в порядке и сроки, установленные законодательством. В случае неуплаты налога или неправильного расчета суммы налога плательщики могут

быть обязаны уплатить не только сам налог, но и проценты на задолженную сумму и штрафы.

2. Административная ответственность — юридические и физические лица, нарушившие требования законодательства в области НДС, могут быть привлечены к административной ответственности. Штрафы за административные правонарушения могут составлять от 1000 до 50000 рублей.

3. Уголовная ответственность — за особо тяжкие нарушения законодательства по уходу от уплаты НДС лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. К примеру, за неуплату налога путем использования фиктивных организаций предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 6 лет [4].

В дополнение к этому, неуплата налогов может привести к наложению ареста на имущество должника, штрафов и различным другим ограничениям.

Привлечение к ответственности за налоговые правонарушения в сфере ухода от уплаты НДС может осуществляться налоговыми органами — Федеральной налоговой службой, ее территориальными органами, а также правоохранительными органами. В частности, налоговый орган вправе выписать штраф за неуплату вовремя НДС и начислить неустойку за просрочку уплаты налога. При серьезных налоговых правонарушениях налоговый орган может оформить материалы на уголовное преследование.

Наиболее распространенными нарушениями налогового законодательства в сфере уплаты НДС являются:

1. Неуплата налога или частичная его уплата.
2. Оформление неправильных налоговых деклараций, в которых указывается меньшая сумма налога, чем была фактически начислена.
3. Использование фиктивных организаций для скрытия доходов и ухода от уплаты налога.
4. Осуществление фиктивных сделок с целью снижения налоговой базы и уменьшения суммы налога.
5. Умышленное искажение информации об объеме продажи товаров или услуг для уменьшения налогооблагаемой базы.
6. Непредставление налоговой отчетности и документов, связанных с уплатой налога.
7. Обход законодательства при экспорте и импорте товаров и услуг, связанных с уплатой налога [3].

Такие нарушения могут привести к административной и уголовной ответственности, а также к штрафам и налоговым платежам, которые плательщик обязан уплатить в соответствии с требованиями налогового законодательства.

Налоговые органы выявляют схемы уклонения от уплаты НДС с помощью специальных аналитических программ и конкретных проверок, направленных на проверку налоговой отчетности плательщиков НДС.

Одна из основных методик — это анализ данных бухгалтерской отчетности и информации о сделках, полученных от налогоплательщиков и третьих организаций. При этом, налоговые органы обращают внимание на следующие аспекты:

1. Соответствие данных в налоговой отчетности фактической деятельности плательщика НДС.

2. Соответствие объема продаж и закупок в налоговой отчетности объему ресурсов, используемых на производстве товаров и услуг.

3. Проверка легитимности коммерческих операций, проводимых налогоплательщиком.

4. Анализ использования фиктивных организаций, связанных с производством и распространением товаров и услуг.

5. Определение возможных расхождений между налоговой отчетностью и информацией, полученной от третьих организаций.

6. Сопоставление данных налоговой отчетности с суммами, уплаченными налогоплательщиком по другим налогам и сборам на территории России [6].

Более того, налоговые органы могут использовать методы оперативного и разведывательного контроля, включая проведение проверок внезапными выездными проверками, для выявления схем уклонения от уплаты НДС на ранних стадиях их применения.

Одной из основных проблем привлечения к ответственности за неуплату НДС является сложность выявления и доказательства факта уклонения от уплаты налога, особенно в случаях использования сложных схем и фиктивных организаций. Кроме того, существует проблема неопределенности налогового законодательства в отношении некоторых налоговых схем, что затрудняет их правильную оценку и приведение в соответствие с налоговым законодательством. Также существует проблема низкой эффективности системы правоприменения в этой области, что может вести к отсутствию адекватных мер и наказаний в отношении нарушений налогового законодательства.

Одной из схем уклонения от уплаты НДС являются схемы использования фиктивных организаций. Они основаны на создании несуществующих организаций или на использовании подставных документов для зарегистрированных организаций.

Примером может быть создание фиктивной компании с выделением ей фиктивного товарного запаса, который был списан в качестве убытков, и налоговых работников, которые знали о схеме, не взымали НДС с продаж этой компании.

Существует несколько эффективных способов выявления незаконных схем уклонения от уплаты НДС, которые могут помочь налоговым органам:

1. Использование аналитических инструментов и методов машинного обучения для анализа данных о компаниях и их транзакциях. Это может помочь в выявлении подозрительных схем, связанных с использованием подставных документов, фиктивных компаний, завышенных стоимостей товаров и услуг и других нарушений.

2. Проведение систематической проверки деятельности компаний, которые попали в зону риска на основании анализа данных или получили подозрения по другим

критериям. Это позволяет выявить нарушения, связанные с неправильной учетной записью, недостаточным документальным оформлением сделок и другими нарушениями.

3. Развитие междепартаментального сотрудничества, а также сотрудничества с общественностью и бизнес сообществом. Это позволяет быстро обнаруживать подозрительные транзакции, ограничивать возможности злоупотреблений и создавать эффективную систему ответственности для нарушителей закона.

4. Эффективное использование ресурсов и материально-технической базы налоговых органов, а также обеспечение оптимального соотношения между качеством и количеством проводимых проверок. Это позволяет эффективно использовать ограниченные ресурсы налоговых органов и добиваться наилучших результатов в борьбе с налоговыми преступлениями.

Применение искусственного интеллекта в налоговой сфере позволяет эффективно выявлять подозрительные схемы уклонения от уплаты НДС, которые могут быть пропущены через традиционные методы анализа данных. Некоторые из методов применения искусственного интеллекта в налоговой сфере включают:

1. Анализ больших объемов данных: Метод анализа больших данных (Big Data Analytics) позволяет собрать, обработать и анализировать огромные объемы данных с целью выявления скрытых трендов и паттернов, которые могут указывать на незаконные схемы уклонения от уплаты налогов.

2. Использование нейронных сетей: Нейронные сети могут использоваться для определения необычных или подозрительных паттернов в данных, которые могут указывать на налоговые мошенничества. Например, нейронные сети могут анализировать идентификационные данные и данные о кредитных картах, чтобы определить, есть ли связь между различными транзакциями, которые могут указывать на схемы уклонения от уплаты налогов.

3. Использование анализа текста: Анализ текста может применяться для выявления подозрительных схем уклонения от уплаты налогов, основанных на информации, содержащейся в документах и отчетах компаний.

4. Использование роботов-автоматов: Роботы-автоматы могут быть настроены для автоматического мониторинга больших объемов данных и выявления необычных или подозрительных паттернов, которые могут указывать на незаконные схемы уклонения от уплаты налогов.

5. Использование анализа изображений: Анализ изображений может быть использован для выявления компаний, которые занимаются незаконными действиями. Алгоритмы машинного обучения могут использоваться для анализа изображений зданий компаний, номерных знаков на автомобилях и других данных, которые могут указывать на подозрительные действия.

В целом, применение искусственного интеллекта в налоговой сфере может значительно повысить эффективность выявления незаконных схем уклонения от уплаты

НДС и помочь налоговым органам более успешно бороться с налоговыми мошенничествами.

Для более эффективного привлечения к ответственности за неуплату НДС необходимо внести следующие изменения в законодательство:

1. Для решения проблем привлечения к ответственности за несоблюдение налогового законодательства желательно внести изменения в следующие статьи налогового кодекса РФ:

— В статье 122 Налогового кодекса — «Неуплата или неполная уплата сумм налога» — увеличить взыскиваемый штраф до 50% от неуплаченной суммы налогов.

— В статье 129.1 Налогового кодекса — «Неправомерное несообщение сведений налоговому органу» — ужесточить взыскиваемый штраф до 10000 рублей.

2. Расширить возможности налоговых органов для проверок на предмет налоговых правонарушений. Налоговым органам необходимо дать больше прав для проведения проверок, а также использовать более совершенные методы анализа и контроля налоговой отчетности.

3. Создать более эффективную систему наказания за неуплату налогов. Необходимо разработать более эффективный механизм взыскания задолженностей.

4. Внедрить новые технологии для контроля за налоговой отчетностью. Необходимо создать системы, которые позволят налоговым органам автоматически анализировать и контролировать налоговую отчетность компаний, а также выявлять подозрительные транзакции и события.

5. Совершенствовать налоговую систему и улучшать условия для бизнеса. Необходимо создать более дружественную среду для бизнеса, уменьшить количество налогов и упростить налоговую отчетность, что может снизить численность налоговых правонарушений

Ожидается, что внесение предложенных изменений в налоговый кодекс РФ позволит более эффективно бороться с нарушениями налогового законодательства и повысить прозрачность в налоговой сфере, а также увеличит доходы бюджета за счет снижения налоговых потерь.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Российская газета», N 148–149, 06.08.1998,
2. Башкатова, Л. И. Исчисление и уплата НДС по-новому / Л. И. Башкатова // Бухгалтерский учет. — 2023. — № 3. — С. 6–9.
3. Исхакова, Г. М. Наиболее распространенные типовые схемы незаконного возмещения НДС в России / Г. М. Исхакова, Е. Б. Сайфеева, С. Ю. Левачкова // Казанский экономический вестник. — 2022. — № 2 (58). — С. 73–79.
4. Падунова, М. С. Новые ставки НДС на 2020 год и последствия повышения ставки НДС / М. С. Падунова // Повышение эффективности национальной экономики: Материалы Национальной научно-практической конференции, Армавир, 13 мая 2020 года. — Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2020. — С. 177–179.
5. Сайдулаев, Д. Д. Пути Совершенствования налогового контроля по НДС / Д. Д. Сайдулаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 11–2 (50). — С. 183–187. — DOI 10.24411/2500-1000-2020-11413.
6. Хижняк, Е. П. Контрольная работа налоговых органов по НДС в условиях функционирования АСК НДС / Е. П. Хижняк, А. В. Оганесян // Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 ноября 2020 года. — Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятных Сергей Владимирович, 2020. — С. 43–48.

Переустройство и перепланировка жилых помещений: юридические проблемы и особенности

Жильцова Василиса Александровна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В данной статье рассматриваются особенности переустройства и перепланировки. Обращается внимание на типичные нарушения, связанные с переустройством и перепланировкой жилых помещений. Анализируются проблемы, возникающие у правоприменителя, и приводятся пути их решения.

Ключевые слова: переустройство, перепланировка, жилое помещение, право граждан, проблемы, особенности, региональное законодательство.

Одним из основных, законодательно установленных, прав человека является право на жилище, которое согласно статье 40 Конституции Российской Федерации (Далее — РФ) [7], статье 25 Всеобщей декларации прав человека [2] и статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6] гарантировано каждому. Право граждан производить улучшения своей недвижимости гарантируется положениями статьи 34 Конституции РФ, и выражается в том, что каждый имеет право на свободное использование своего имущества для любой, не запрещенной законом экономической деятельности.

Так, гражданин, в собственности которого находится или появилось жилое помещение знает, что ему принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом [3], а соответственно он в праве производить любые незапрещенные законом улучшения. В этой связи у многих собственников жилья и возникают вопросы.

Сущность проблемы заключается в том, что часто люди даже не осознают неправомерность своих действий. Вызвано это тем, что они не разграничивают какие действия, направленные на улучшение жилищных условий, подпадают под правовой режим переустройства и перепланировки, в результате чего не получают должной разрешительной документации.

Согласно статье 25 Жилищного кодекса РФ (Далее — ЖК РФ) под переустройством помещения следует понимать установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, требующие внесения изменения в технический паспорт помещения в многоквартирном доме.

Перепланировка помещения в многоквартирном доме представляет собой изменение его конфигурации, требующее внесения изменения в технический паспорт помещения в многоквартирном доме.

С одной стороны, сущность данных понятий видится довольно точной, с другой стороны определение перепланировки носит неоднозначный характер. Вызвано это употреблением такого термина как «конфигурация», так как его трактовка может иметь различный смысл.

Например, согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под конфигурацией следует понимать внешнее очертание, а также взаимное расположение предметов или их частей [11]. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой конфигурация есть взаимное расположение, соотношение каких-либо предметов или их частей [4]. Так, чаще всего под конфигурацией понимается «внешнее очертание, взаимное расположение предметов или частей».

В то же время в Постановлении Госстроя РФ [10] содержится перечень изменений, которые необходимо считать перепланировкой, и, казалось бы, это отвечает на все вопросы. Тем не менее представляется неверным давать определение через неутвержденный законодателем термин, возможно, было бы целесообразней сформулировать понятие перепланировки как изменение «планировочных параметров помещения» [1].

Также видится необходимым рассмотреть общие правила перепланировки и переустройства. В первую очередь необходимо обратиться к запрещенным видам переустройства жилого пространства. К ним относятся: разрушение общедомовых коммуникаций, несущих стен и конструкций, перенос мокрой зоны в места, под которыми находятся жилые помещения, вынос элементов центрального отопления на балкон, а также объединение жилой комнаты с холодной лоджией. Соответственно такие работы невозможно согласовать и произвести в целом.

В то же время очень многие изменения в жилом пространстве не стоит согласовывать. А именно не требуется выдача разрешений при: косметическом ремонте, когда перегородки внутри квартиры не изменяются, смене отделки или же обновления встроенной мебели. При переустройстве и перепланировке следует обращать внимание на ряд документов. Одним из ключевых, отображающих фактическое состояние объекта недвижимости является технический паспорт. Именно в нем отражены ключевые данные о жилом помещении, а также о здании, в котором оно находится. Так, крайне важно обращаться к нему при желании произвести улучшения в своем доме, так как в случае, если в результате ремонта указанные в техпаспорте данные устареют, придется согласовывать новые изменения.

Перечень разрешенных переустройств и перепланировок содержится в Постановлении Правительства Москвы [9], тем не менее в зависимости от региона, некоторые положения могут меняться. Например, при застеклении балкона по общему правилу разрешения не требуется, однако по законодательству Санкт-Петербурга замена остекления требует проекта и согласования [8]. Так, одним из важных аспектов перепланировки является изучение регионального законодательства.

Одной из современных проблем переустройства и перепланировки является получение разрешения всех собственников. Необходимость в нем может возникнуть в том случае, если уменьшается или увеличивается размер общего имущества [5]. В то же время это правило касается реконструкции, переустройства и перепланировки, использования части придомовой территории, когда происходит присоединение к помещению собственника части общего имущества дома [5]. Так, данная проблема носит повсеместный характер, и особенно остро она стоит в крупных городах. Обусловлено это явление большим количеством многоквартирных домов, высоким спросом на жилье, а также плотностью населения этих городов.

Нестандартное решение данного вопроса усматривается в судебной практике, которая допускает легализацию таких работ после их проведения. В таком случае суду необходимо установить отсутствие нарушений прав других жителей многоквартирного дома, а также угроз их жизни и здоровью. Тем не менее никаких гарантий на то, что суд легализует подобные работы нет. В то же время иных путей обхода законной процедуры не предусмотрено. По-

этому единственное, что остается собственнику жилого помещения, это не проводить подобные переустройство и перепланировку, или же проводить, но только по результатам анализа судебной практики региона по подобным вопросам.

Так, в Курчатовский районный суд г. Челябинска обратились наниматели по договору социального найма с иском о сохранении квартиры в перепланированном и переустроенном состоянии. В обоснование своих требований они указали, что произвели перепланировку и переустройство в виде демонтажа и монтажа перегородок, а также оборудования совмещенного санузла с установкой ванной в целях улучшения жилищных условий. Разрешение на перепланировку и переустройство истцами получено не было, тем не менее по заключению ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Челябинской области» перепланировка и переустройство данной квартиры соответствуют требованиям санитарных норм и правил. По результатам анализа представленных доказательств суд пришел к следующему выводу: сохранить квартиру в перепланированном и переустроенном состоянии [12].

Данный пример иллюстрирует положительный результат для лица, осуществившего незаконную перепланировку и переустройство. Однако в случае, если собственник принял решение не согласовывать переустройство и перепланировку, он может столкнуться с ситуацией, при которой его действия будут признаны самовольными, и все произведенные изменения потребуются привести в прежнее состояние в разумный срок [5]. Тем не менее если собственник проигнорирует данное положение, то суд по иску органа, осуществляющего согласование переустройства перепланировки, в отношении собственника принимает решение о продаже жилого помещения с публичных торгов с выплатой ему вырученных денег, а в отношении нанимателя — о расторжении договора социального найма.

Таким образом, при желании произвести переустройство или перепланировку, собственнику или нанимателю следует основательно подойти к решению данного вопроса. Необходимо правильно понимать сущность терминов переустройства и перепланировки. Особое внимание уделить региональному законодательству и определить возможно ли проведение улучшений в целом в данной ситуации.

Литература:

1. Алешкевич А. М., Рзаева А. К. Пробелы в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения // Юридическая наука. 2020. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probely-v-sfere-pravovogo-regulirovaniya-pereustroystva-i-pereplanirovki-zhilogo-pomescheniya> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 // Российская газета. 1995. № 67. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.03.2023).
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: текст с изм. и доп. на 9 марта 2021 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — Москва // Рус. яз., 2000. — 1084 с. [Электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000654780> (дата обращения: 17.03.2023).
5. Жилищный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: текст с изм. и доп. на 01 марта 2023 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04 ноября 1950: текст с изм. на 24 июня 2013: (вместе с Протоколом [№ 1]: подписан в г. Париже 20 марта 1952, Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней: подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963, Протоколом № 7: подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. — ст. 163. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.07.2020. № 31. ст. 4398. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
8. О Правилах благоустройства территории Санкт-Петербурга и о внесении изменений в некоторые постановления Правительства Санкт-Петербурга: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 09 ноября 2016 г. № 961: текст с изм. и доп. на 28 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/456024404> (дата обращения: 17.03.2023).

9. Об организации переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирных домах: Постановление Правительства Москвы от 25 октября 2011 года № 508-ПП: текст с изм. и доп. на 26 декабря 2022 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
10. Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда: Постановление Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. N 170: текст с изм. и доп. на 22 июня 2022 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.03.2022).
11. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Азъ, 1994. — 907 с. [Электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001701223> (дата обращения: 17.03.2023).
12. Решение Курчатковского районного суда г. Челябинска от 20 февраля 2020 г. дело №№2–487/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KCgrI19i3Xom/> (дата обращения: 14.04.2023).

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия

Журавлёва Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Автором рассматривается проблема недостаточности круга полномочий прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Анализируются теоретические исследования в данной области. Автор отмечает, что наличествующая в настоящий момент недостаточность полномочий прокурора в указанной сфере зачастую приводит к ряду проблемных аспектов в правоприменительной деятельности. Делается вывод о необходимости решения вопроса о расширении ряда полномочий, присущих должностным лицам органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, предварительное следствие, акты прокурорского реагирования.

К участникам уголовного судопроизводства относится прокурор, в его обязанности входит надзор за соблюдением законодательства в сфере уголовных дел, а также утверждение обвинительного заключения, которое оглашается и поддерживается в суде.

На сегодняшний день реализация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия происходит с помощью мер прокурорского реагирования.

На законодательном уровне организация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия регулируется Федеральным законом «О прокуратуре РФ» (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ») [2].

Согласно ст. 30 ФЗ «О прокуратуре РФ» прокурорский надзор осуществляется за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ устанавливает правовой статус такого участника уголовного судопроизводства как прокурор. В частности, в ходе досудебного производства по уголовному делу он вправе проверять исполнение требований федерального закона на стадии возбуждения уголовного дела, инициировать вопрос о рассмотрении

собранных материалов на предмет принятия решения о возбуждении уголовного дела, требовать от следственных органов устранения нарушений закона, истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела. Кроме того, по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. Указанные правовые средства позволяют получать информацию о допущенных нарушениях со стороны органов предварительного следствия.

Таким образом, прокурор в свою очередь выявляет нарушения органами предварительного следствия и дознания на законодательном уровне, которые именуется актами прокурорского реагирования.

По законодательству в области прокурорского надзора, понятие актов прокурорского реагирования не указаны в нормативно-правовых актах. Однако, в Приказе от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [3] отмечается, что в случаях выявления нарушений законов органами предварительного следствия, прокурорам необходимо принимать соответствующие меры реагирования.

Рассматривая юридическую литературу, авторы по-разному трактуют понятие об актах прокурорского реагирования.

Рассмотрим точку зрения Брагиной Т. А., которая определяет акты прокурорского реагирования через их признаки. Акт прокурорского реагирования: — выносится должностным лицом органа прокуратуры, обладающим специальным полномочием; — имеет цель, то есть таким актом устанавливаются, изменяются либо прекращаются отношения; — выражает правовую оценку прокурора решений и действий органов предварительного следствия; — выносится в соответствии с законным порядком; — имеет форму документа с соответствующим оформлением и содержанием; — является обязательным для органов предварительного следствия [4].

Помимо этого, акты прокурорского реагирования могут выражать требования устранения нарушения закона согласно п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, либо сами по себе могут устранять нарушения, к примеру, постановление об отмене постановления следователя об отказе возбуждения уголовного дела.

Также в актах прокурорского реагирования может быть закреплено требование устранения причин и условий, которые содействуют нарушению законов одновременно с указанием на привлечение виновных лиц к ответственности либо без такового. Соответственно, акты прокурорского реагирования могут выноситься в целях восстановления прав участников уголовного процесса, которые были нарушены при производстве предварительного следствия.

Из указанного выше следует, что акт прокурорского реагирования — это официальный документ, который принят уполномоченным лицом органа прокуратуры, на основании и в порядке, предусмотренных законом, направляемый определенному должностному лицу органа предварительного следствия и предназначенный для устранения и предупреждения нарушений законов, а также восстановления нарушенных прав участников уголовного процесса, допущенных следственными органами при производстве предварительного следствия.

Акт прокурорского реагирования подразделяется на требование и представление.

При требовании прокурор ссылается на устранение допущенных нарушений при расследовании конкретного уголовного дела. Порядок его рассмотрения регламентируется УПК РФ [1].

Прокурором направляются требования об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства.

Согласно ст. 21 УПК РФ требования прокурора в пределах его полномочий обязательны для исполнения. Между тем, требования прокурора, адресованные им руководителю следственного органа, могут не исполняться.

Так, согласно части 4 ст. 39 УПК РФ требования прокурора рассматриваются руководителем следственного ор-

гана в срок не позднее 5 суток. По результатам рассмотрения требования возможны два варианта развития событий, которые зависят от того, согласен ли руководитель следственного органа с поступившим требованием.

Если следователь, расследующий уголовное дело, а также руководитель следственного органа согласен с сутью требований прокурора, то выявленные нарушения устраняются, а руководитель следственного сообщает прокурору об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении допущенных нарушений.

Если следователь, расследующий уголовное дело не согласен с поступившим требованием, то он обязан направить руководителю следственного органа письменные возражения (ст. 38 УПК РФ), которые доводятся до сведения прокурора. Согласно пункту 7 части 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение.

При несогласии с требованием руководителем следственного органа последний выносит мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора, которое в течение 5 суток направляет прокурору.

Согласно ч. 6 ст. 37 УПК РФ при поступлении прокурору постановления руководителя следственного органа о несогласии с требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к руководителю вышестоящего следственного органа вплоть до Председателя СКР, руководителя Следственного департамента МВД РФ, руководителя Следственного управления ФСБ РФ. Также прокурор может обратиться в подобном случае к Генеральному прокурору РФ, решение которого является окончательным.

Также существует вынужденная мера, принимаемая прокурором в условиях отсутствия объективных возможностей устранения последствий выявленного нарушения процессуальным путем, по-другому она называется представление.

Представление представляет собой акт, который адресован руководителю следственного органа и содержащий предложения как к устранению нарушений закона, так и причин, и условий, способствовавших совершению нарушений закона, а также по привлечению к ответственности виновных лиц. На законодательном уровне представление рассматривается в ст. 25 ФЗ «О прокуратуре РФ» [2].

Таким образом, у прокурора существует две формы реагирования на нарушения законов при производстве следственных действий: требование и представление.

На практике у прокурора не получается быстро решить вопрос о защите прав и свободы на основании требования и представления, так как руководитель следственного органа имеет право не согласиться с требованиями прокурора, что предусмотрено ч. 4 ст. 39 УПК РФ. Помимо этого, руководитель следственного органа и следователь имеют право выразить несогласие в отношении требования прокурора об устранении выявленных нарушений законодательства.

Считаем необходимым внести на законодательном уровне изменения, расширив полномочия прокурора, предусмотренных ст. 37 УПК РФ, в частности, необходимо вернуть прокурорам право возбуждать уголовное дело при наличии достаточных на то оснований.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Приказе от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.
4. Брагина Т. А. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия / Т. А. Брагина // Молодой ученый. 2019. № 44 (282). С. 180–185.
5. Демшина И. А. Понятия актов прокурорского реагирования и актов прокурорского надзора через их признаки / И. А. Демшина // Моя профессиональная карьера. 2021. № 24. С. 158–163.
6. Протасевич А. А., Гуменюк А. В., Пирва В. Г. Прокурорский надзор за органами, осуществляющими дознание // Baikal Research Journal. 2017. № 3.
7. Сорокин И. В. Проблемные аспекты прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия // Молодой ученый. — 2022. — № 1 (396). — С. 195–197.

Судебный надзор: проблема определения понятия и места в системе права

Запорожец Данил Андреевич, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены некоторые особенности судебного надзора. Автор работы предпринимает попытку разграничить термины «судебный надзор» и «судебный контроль». В статье делается вывод, что судебный надзор — это правовая форма деятельности суда, выражающаяся в совершении юридически значимых действий по разрешению в строгом соответствии с предписаниями закона конкретных юридических дел на поднадзорных объектах в целях обеспечения режима законности и правопорядка.

Ключевые слова: судебный надзор, надзор, суд.

Judicial supervision: the problem of defining the concept and place in the system of law

Zaporozhets Danil Andreevich, student master's degree

Kuban State University (Krasnodar)

The paper considers some features of judicial supervision. The author of the work makes an attempt to distinguish between the terms «judicial supervision» and «judicial control». The article concludes that judicial supervision is a legal form of activity of the court, expressed in the performance of legally significant actions to resolve, in strict accordance with the prescriptions of the law, specific legal cases at supervised objects in order to ensure the regime of law and order.

Keywords: judicial supervision, supervision, court.

В правовой системе России модернизация судебной системы власти, а также ее оптимизация в настоящее время не завершены. Отечественную судебную систему можно охарактеризовать как живой организм, так как она постоянно развивается и совершенствуется. Не исключением является судебный надзор. Соглашаясь с мнением

М. А. Умаровой, которая указывает, что современная правовая доктрина указывает на то, что вопросы механизма судебного надзора практически выпали из поля зрения теоретиков права [8]. Действительно, анализируя научную литературу можно заметить, что судебный надзор изучается в определенной правовой плоскости. Например, ряд

автор его рассматривают исключительно с точки зрения гражданского процесса [6], другие с позиции уголовного судопроизводства [9], третьи с позиции конституционного права [2, 3] и т. д. Представляется, что для понимания судебного надзора, а также установления его первоначального значения необходимо определить его первоначальное значение, что и обуславливает актуальность настоящей работы.

Для начала следует указать на то, что в специальной литературе и законодательстве встречаются два термина «судебный контроль» и «судебный надзор». Так, например в главе 36.1 АПК РФ, ст. 332 КАС РФ, ст. 391.1 ГПК РФ указывается на судебный надзор, а в ст. 20 УИК РФ и других правовых актах закрепляются положения судебного контроля. Следует заметить, что в настоящее время в законодательной деятельности термины «контроль» и «надзор» широко используются, однако четких критериев, по которым их разграничению так и не установлено. В научном обороте данные термины используются по-разному, как синонимы, как равнозначные понятия либо как разные термины.

Для разрешения вопроса о соотношении названных терминов необходимо обратиться к исследованию их дефиниций.

В толковом словаре русского языка «контроль» характеризуется как проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора» [7].

По мнению административиста Д. Н. Бахраха, контроль является важнейшим видом деятельности, по каналам которой субъекты власти получают информацию о фактическом положении дел, о выполнении решений [1]. В. Г. Афанасьев, считает, что контроль — это труд по наблюдению и проверке соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим решениям и т. д. [10].

Обобщив названные точки зрения, можно установить, что судебный контроль представляет собой пассивную деятельность суда, направленную на выявление нарушений закона включающую в себя три элемента: проверку фактического выполнения нормативного либо правового акта; проверку оценка подобного выполнения; принятие мер в процессе контроля для оценки, исправления поло-

жения, устранения недостатков, поощрения или, наоборот, наказания.

Что касается понятия «надзор», то оно представляет собой форму юридической деятельности специализированных субъектов, которая выражается в совершении ими активных действий по разрешению на поднадзорных объектах юридических дел, возникающих в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением законов в целях обеспечения законности и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений.

Относительно осуществления судебного надзора, следует указать, что он является напрямую взаимосвязан с институтом обжалования, без которого в системе действующего правового регулирования проверочная деятельность суда вышестоящей инстанции была бы невозможной, поскольку по своей инициативе он не вправе осуществлять проверку судебного акта. В соответствии с действующим законодательством судебный надзор ограничивается только проверкой законности судебных актов нижестоящих инстанций. То есть, можно заметить, что судебный контроль и надзор взаимосвязаны, но при этом отличаются друг от друга.

Таким образом, можно сделать вывод, что судебный контроль отличается от деятельности по отправлению правосудия и осуществлению надзора. Надзор предполагает активную деятельность по наблюдению за объектом надзора. Контроль же носит вторичный характер, поскольку контрольными действиям подвергаются уже произошедшие события [5].

Как замечает Мецаев Б. К. Ю разделить контроль и надзор на практике чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно. Часто в деятельности контрольных органов содержатся элементы надзора, а в деятельности надзорных органов — элементы контроля [4].

Можно утверждать, что судебный надзор — это правовая форма деятельности суда, выражающаяся в совершении юридически значимых действий по разрешению в строгом соответствии с предписаниями закона конкретных юридических дел на поднадзорных объектах в целях обеспечения режима законности и правопорядка.

Литература:

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. М., 2005. С. 758–769.
2. Гатауллин А. Г. Теоретические и организационно-правовые основы конституционного судебного контроля в субъектах Российской Федерации: дис... д-р юрид. наук. Казань, 2009.
3. Дюкова Е. А. Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
4. Мецаев Б. К. Юридическая природа контрольной деятельности (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Никитина Г. А., Бойко Д. В. Судебный контроль и надзор как общеправовые средства упорядочения законности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14–2. С. 186–191.
6. Тришина Е. Г. Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
7. Трухачев С. Б. К вопросу о соотношении понятий судебный контроль и судебный надзор // в сборнике: норма. закон. законодательство. право. сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 114–116.

8. Умарова М. А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: дис... канд. юрид. наук. Курск, 2018. С. 15.
9. Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 Москва, 2005
10. Чепурнова Н. М., Дюкова Е. А. Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации. М., 2009. С. 22–24.

Насильственные и ненасильственные формы хищений. Грабеж и разбой

Иванов Александр Николаевич, студент

Тюменский государственный университет

Цель научной статьи — проанализировать разграничение насильственных и ненасильственных форм хищений, предусмотренных статьями 161 и 162 УК РФ. В статье исследуются теоретические положения и особенности правоприменения таких составов преступлений как грабеж и разбой.

Ключевые слова: хищение, насилие, угроза насилием, грабеж, разбой

Грабеж и разбой являются одними из наиболее опасных и агрессивных форм хищений, поскольку они нередко приводят к физическому насилию и угрозам жизни человека. Каждый год число преступлений данного вида остается на высоком уровне, что требует принятия дополнительных мер для борьбы с преступностью. В Российской Федерации только за 2022 год было осуждено по ст. 161 УК РФ 18162 гражданина, а по статье 162 УК РФ 4401 граждан [3], что показывает высокую распространенность данных деяний по сравнению с другими составами УК РФ.

В данной статье мы рассмотрим формы хищений преступлений, предусмотренных статьями 161 и 162 УК РФ, а так же выявим проблемы их разграничения и правоприменения.

При анализе статей 161 и 162 УК РФ мы можем выявить, что для правильной квалификации деяния, законодатель ввел разграничительный аспект квалификации деяний в виде «применения насилия, либо угрозы применения насилия». Если обратиться к п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», то можно отметить, что законодатель выделяет две формы применения насилия:

1) Насилие не опасное для жизни и здоровья, в виде побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы;

2) Насилие опасное для жизни и здоровья, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

Элемент применения либо угрозы применения насилия в свою очередь имеет как в п. «г», ч. 2, ст. 161 УК РФ — насилие не опасное жизни и здоровья, так в ст. 162 УК РФ — насилие опасное для жизни и здоровья.

Из этого следует, что их главное различие между грабежом и разбоем заключается в наличии или отсутствии насилия и его степени. Разбой включает в себя насилие, которое представляет опасность для жизни и здоровья жертвы, в то время как грабеж может быть совершен с применением насилия, но не являться опасным для жизни и здоровья человека. Когда дело касается квалификации этих преступлений, важно учитывать оценку телесных повреждений, которые могут привести к нарушению здоровья. В данном случае необходимо обратиться к п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 N 29, где указывается, что насилием, опасным для жизни или здоровья, может являться то деяние, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья.

Данный аспект создает значительные проблемы в правоприменении, так как выявление в деянии «реальной опасности для жизни и здоровья», вызывает трудности у правоприменителя исходя из уникальности той или иной ситуации. Примером является Дело № 7У-3807/2021, в котором Сидорьяк С. Г., увидел гражданку И. и у него возник преступный умысел на открытое хищение ее имущества. Реализуя свой преступный умысел, Сидорьяк С. Г., действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения, подошел сзади к гражданке И. и напал на нее, нанеся удар рукой в жизненно важный орган — затылочную часть головы, применив тем самым к гражданке И. насилие, опасное для здоровья. От полученного удара гражданка испытала физическую боль. После этого Сидорьяк С. Г. вырвал у нее сумку стоимостью 300 рублей, в которой находились денежные средства в сумме 1 500 рублей, кошелек стоимостью 100 рублей, фонарик стоимостью 300 рублей, транспортная карта, не представляющая материальной ценности, с денежными средствами в сумме 500 рублей на счете, другие предметы, не имеющие материальной ценности, причинив ей ущерб на сумму 2 700 рублей.

С похищенным имуществом Сидорьяк С. Г. скрылся и распорядился им по собственному усмотрению.

В первой инстанции деяние было квалифицировано по ч. 1 ст. 162 УК РФ, как разбой, совершенный с применением насилия, опасного для здоровья потерпевшей.

Важно отметить, что суд должен мотивировать в приговоре, как он пришел к выводу о квалификации преступления, не ограничиваясь простой ссылкой на соответствующий признак состава преступления. В описательно-мотивировочной части приговора суд должен представить соответствующие доказательства, которые были использованы в качестве основы для вывода о наличии данного признака в содеянном.

В этом случае, в приговоре не было мотивировано применение насилия опасного для жизни и здоровья, при совершении преступления гражданином Сидорьяком С. Г.

Признавая примененное осужденным в отношении гражданки насилие, опасным для здоровья, указывая об этом в судебном решении при описании преступных действий виновного, суд не привел в приговоре подтверждающих данный вывод доказательств.

Также после нанесения удара потерпевшей отсутствовали какие-либо телесные повреждения в затылочной области головы, что не позволяет считать, что действия осужденного создавали реальную опасность для здоровья потерпевшей. Исходя из этого, суд изменил квалификацию деяния с ч. 1 ст. 162 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, как грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, не опасного для здоровья [4].

К сожалению, к неправильной квалификации деяния приводит не только ошибки правоприменения, но и личное желание органов следствия. Это происходит из-за того, что следователю выгоднее квалифицировать деяние более строгой квалификации, например, по разбою суд наиболее вероятно удовлетворит ходатайство о заключении под стражу во время следствия, да и просто повышается вероятность добиться признательных показаний по грабежу.

Другим аспектом рассматриваемой темы является угроза применения насилия для жизни или здоровья по-

терпевшего. Согласно УК РФ, она реализуется только в том случае, если угроза была реальной, то есть у потерпевшего имелись основания опасаться приведения ее в исполнение. Исходя из судебной практики, сюда обычно относят демонстрацию оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия.

В уголовных делах по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ необходимо учитывать, что показания потерпевшего не могут быть восприняты как исключительная доказательная база. Так как потерпевший может преувеличивать обстановку возможного применения насилия или угрозы, исходя из эмоционального восприятия окружающей действительности. При тщательном расследовании обстоятельств дела может выясниться, что виновный не желал применять насилие и его действия не соответствуют показаниям потерпевшего.

Проблемным остается вопрос восприятия угрозы, исходя из текста статей 161 и 162 УК РФ, законодатель выделяет две угрозы: угрозы опасные для жизни и здоровья (ч. 1 ст. 162 УК РФ) и не опасные для жизни и здоровья (п «г» части 2 статьи 161). Высказывание угрозы, направленное на убийство, причинение тяжкого вреда здоровью характерно в большей степени для состава преступления по ст. 162 УК РФ «Разбой».

Ошибочное толкование характера угрозы может возникнуть не только в случаях, когда она выражена неточно, но и когда угроза физическим насилием была ясно выражена преступником. Тем не менее, если потерпевший воспринимает угрозу как реальную, даже если это мнимо, совершенные насильственные действия должны быть квалифицированы в соответствии с характером данной угрозы.

Можно сделать вывод, в настоящее время имеется очень тонкая грань между разграничением ч. 1 ст. 162 УК РФ и п. ч. 2 ст. 161 УК РФ, которая вызывает проблемы у правоприменителей. Для того чтобы правильно оценить действия человека, установить его причастность к совершению преступления по ст. 161 УК РФ или 162 УК РФ, необходимо учитывать не только теоретические положения, но другие важные элементы для квалификации деяния, такие как реальность причинения насилия, его форма и др.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (дата обращения 04.05.23)
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) \ Консультант-Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8727611b42df79f2b3ef8d2f3b68fea711ed0c7a/ (дата обращения 04.05.23)
3. Судебная Статистика РФ <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 04.05.23)
4. Дело № 7У-3807/202 <https://судебныерешения.рф/58481103> (дата обращения 04.05.23)

Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»

Иванов Илья Алексеевич, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются вопросы, связанные с особенностями установления такого квалифицирующего признака преступления, как совершенного организованной группой, при использовании её участниками для взаимодействия между собой электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», анализируется судебная практика и научные исследования по данной теме.

Ключевые слова: организованная группа, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Анализ динамики зарегистрированных преступлений, совершаемых организованными группами или преступными сообществами за последние десять лет (за период с 2012 по 2022 год), показывает значительный рост (+ 50,2%) тяжких и особо тяжких преступлений. С показателей в 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами в 2012 году, их количество в 2022 году возросло до 26 тыс. преступлений данной категории [6].

Одной из видимых причин такого роста, стало активное развитие и массовая доступность информационно-телекоммуникационных технологий, посредством использования которых, значительно проще стало осуществлять анонимное общение и удаленную координацию между участниками преступного объединения.

Появление нового способа взаимодействия между участниками, совершающими преступление, облегчающего его совершение и позволяющего уйти от уголовно-правовой ответственности, повышает общественную опасность данного деяния и должно видоизменять привычный уголовно-правовой подход к таким преступлениям.

Одним из наиболее важных вопросов в данном разрезе, применительно к организованной интернет-преступности, становится правильная квалификация действий соучастников преступления, а также определение верной, с точки зрения уголовного закона, формы соучастия.

Рассмотрим данный вопрос на примере организованной группы, как формы соучастия в преступлении, и на то, как соотносятся «традиционные» признаки организованной группы с зачастую неперсонифицированным и удаленным способом взаимодействия её участников в сети «Интернет».

Рост числа преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» становится настолько интенсивным, что МВД России впервые по итогам 2019 года выделило отдельным блоком статистические сведения, характеризующие данную категорию преступлений (2019 г. — 294 тыс. преступлений, 2022 г. — 522 тыс. преступлений) [3, с. 14]. В Стратегии национальной безопасности РФ также отражено, что растет число преступлений, совершаемых

с использованием информационно-коммуникационных технологий, отдельно указано, что анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает совершение преступлений, расширяет возможности для легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, распространения наркотических средств и психотропных веществ [2]. Учитывая это, и в связи с повышением числа вопросов, возникающих у судов, в целях обеспечения единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [7]. В пункте 20 которого установлено, что преступление также квалифицируется по признаку «совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей включая сеть «Интернет», если оно совершено в соучастии и связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, при незаконном сбыте наркотических средств обеспечивалась связь между лицом, осуществляющим закладку наркотических средств в тайники, и лицом, передавшим ему в этих целях наркотические средства).

Исходя из этого, а также анализа научной литературы и судебной практики по данному вопросу, можно определить, что наиболее распространенными преступлениями, совершенными в составе организованной группы с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», связаны с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ввиду распространенности и наибольшей изученности таких преступлений, можно выделить основные особенности и проблемы, связанные их квалификацией.

Так, Введенская О. Ю. в своей статье справедливо указывает на сложность определения признака устойчивости

организованной группы, объединившейся посредством общения в сети «Интернет», поскольку чаще всего такое общение происходит на условиях анонимности участников, отсутствии личных встреч, а также зачастую территориальной удаленности. «Естественно, организованная интернет-преступность вряд ли может существовать в традиционных формах, так как любой из членов такой организованной преступной группы (сообщества) может смело отрицать факт личного знакомства с другими ее участниками, причем такая организованная преступность может действительно функционировать без совместного проведения досуга, а ее члены могут быть лично не знакомы друг с другом и территориально находиться в разных странах, однако, все остальные признаки организованной преступности будут присутствовать», — отмечает автор [5, с. 106].

Каждый из участников такой организованной группы действует в рамках своей задачи, и может в полной мере не знать о наличии других соучастников преступления и выполняемой ими роли в его совершении. На это также обращают внимание в своей научной работе Боровиков В. Б. и Боровикова В. В., указывая на сложность доказывания устойчивости как признака квалифицированного состава преступления (организованной группы) в подобных ситуациях, так как отдельные участники преступного объединения, созданного для незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ, общаются через Интернет только с его руководителями (зачастую полу — анонимно или даже по сути анонимно), получая от них по почте посылки с указанными предметами, после чего осуществляют их закладки в рекомендованных местах (лесу, парке, заброшенном строении и т. д.), а другие участники данной группы извлекают эти закладки и занимаются последующей их реализацией или являются очередным передаточным звеном «товара» для непосредственного сбытика [4, с. 170].

Именно на эти факты зачастую ссылается сторона защиты при оспаривании приговора, в части исключения такого квалифицирующего признака преступления, как совершенного организованной группой.

Так, в апелляционных жалобах осужденные (защитник) не согласны с тем, что они совершали преступление, предусмотренное ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ, в составе организованной группы, поскольку отсутствуют её признаки. Указывая на то, что осужденные лично не знали и не общались друг с другом, не были осведомлены об участии в преступлении других лиц, что опровергает наличие устойчивости, сплоченности и организованности в действиях участников, в связи с этим просят об изменении приговора с исключением квалифицирующего признака совершения преступления в составе организованной группы.

Рассмотрев данную апелляционную жалобу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2019 по делу № 67-АПУ19–16 [8] установила, что квалификация действий осужденных как совершенных организованной группой является правильной, так

как осужденные вступили в ранее организованную иными лицами преступную группу, отличающуюся высокой степенью конспирации, которая позволяла в ходе незаконной деятельности не общаться друг с другом, а иметь обезличенные контакты лишь с определенными организатором и руководителем группы лицами. При этом высокая степень стабильности деятельности группы, постоянное обеспечение ее поставками наркотических средств для их сбыта, налаженность средств и методов получения и обналаживания незаконного дохода охватывались умыслом каждого из осужденных, своими действиями соглашавшихся на участие в преступлениях, совершаемых организованной группой, независимо от продолжительности их личного участия в ней. При таких данных то обстоятельство, что органами следствия не были выявлены все участники организованной группы и их конкретные роли, не влияет на правильность квалификации тех действий осужденных, которые были конкретно установлены по делу и оценены в соответствии с законом как совершенные в составе организованной группы. При этом для правильной квалификации их действий не имеет значения, были ли они осведомлены о конкретных обстоятельствах совершаемых другими членами группы преступлениях, поскольку осужденные признаны виновными в действиях, которые были совершены ими и охватывались их умыслом.

К аналогичному выводу приходит Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции по делу № 55–456/2022 [9]. В апелляционном определении, установлено, что использование для связи в сети Интернет учетных записей и ников (сетевой псевдоним) позволило сохранить в тайне информации о соучастниках и методах преступной деятельности, что свидетельствует о соблюдении конспирации между ними. Таким образом, доводы стороны защиты, что не все члены организованной группы были знакомы друг с другом, не могут опровергнуть факт существования организованной группы, так как, исходя из условий ее деятельности и особенностей предмета преступления, участники данной организованной группы были осведомлены о роли других участников лишь в необходимых случаях, что имело место по настоящему делу. Напротив, то условие, что не все подсудимые были знакомы друг с другом, свидетельствует о соблюдении принципов конспирации, что является признаком организованной группы.

Также данные выводы подтверждаются в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.11.2021 по делу № 45-УД21–40-А2 [10], в котором установлено, что если члены организованной группы не были лично знакомы между собой, общались посредством системы «Интернет», то это обстоятельство не свидетельствует об отсутствии организованной группы, а напротив, подтверждает выводы суда о соответствующей степени конспирации деятельности ее участников.

Соответственно, на текущий момент мы уже можем говорить о сложившейся судебной практике, что использова-

ние такого способа совершения преступления, при котором, связь между участниками организованной группы обеспечивалась с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»,

что позволило исключить личное знакомство, лишь подтверждает высокую степень конспирации, присущую организованной группе, но не исключает устойчивость, сплоченность и организованность в действиях её участников.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ / Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
3. Мондохонов А. Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. — Москва: Проспект, 2022. — 288 с. — Текст: непосредственный.
4. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. О влиянии на уголовно-правовую политику использования информационных технологий при совершении преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. Текст: электронный // eLibrary.ru: [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39180800> (дата обращения: 02.05.2023).
5. Введенская О. Ю. Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в российском сегменте сети Интернет организованными преступными группами и сообществами // Общество и право. 2017. № 1 (59). Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-i-rassledovanie-prestupleniy-sovershaemyh-v-rossiyskom-segmente-seti-internet-organizovannymi-prestupnymi-gruppami-i> (дата обращения: 02.05.2023).
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2012–2022 год. — Текст: электронный // Официальный сайт МВД России: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 02.05.2023).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» / Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2019 по делу № 67-АПУ19–16 Текст: электронный // законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15102019-n-67-aru19-16/> (дата обращения: 02.05.2023).
9. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.11.2022 по делу № 55-456/2022 / Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.11.2021 по делу № 45-УД21–40-А2/ Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).

Деятельность юридической службы в органах местного самоуправления

Иванова Алена Михайловна, студент магистратуры

Челябинский государственный университет

В статье автор пытается определить деятельность юридической службы органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, юридическая служба, исполнительная власть, типовое положение, Российская Федерация.

Правовое обеспечение деятельности органов местного самоуправления является важным элементом в сфере организации местного самоуправления, от которого напрямую зависит эффективность работы органов местного самоуправления. А равно, без которого органы местного са-

моуправления не могут полноценно осуществлять свою деятельность с буквы закона.

Интерес к вопросу правового обеспечения деятельности органов местного самоуправления связан, прежде всего, с повышением роли законодательства в жизни об-

щества, а также процесса повышения качества его реализации.

В силу статьи 12 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не являются органом государственной власти [1].

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в соответствии с Конституцией РФ установлены общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определены государственные гарантии его осуществления [2].

В правовом обеспечении муниципального управления особая роль принадлежит юридической службе органов местного самоуправления, а именно ее деятельности.

Вместе с тем, данным федеральным законом не регламентирована деятельность юридической службы в органах местного самоуправления.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 08 мая 2001 № 528 «О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов» [3] Правительством Российской Федерации утверждено типовое положение о юридической службе федерального органа исполнительной власти (постановление № 207 от 02.04.2002) [4].

На основании пункта 1 Указа Президента РФ от 08.05.2001 № 528 «О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов», установлено, что юридические службы входят в состав государственных органов (их аппаратов) в качестве самостоятельных подразделений и подчиняются непосредственно руководителям этих органов или их аппаратов [3].

Согласно типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти, юридическая служба создана для правового обеспечения его деятельности. Осуществляет свою деятельность во взаимодействии со структурными подразделениями центрального аппарата федерального органа исполнительной власти, территориальными органами федерального органа исполнительной власти, а также организациями, входящими в систему этого федерального органа. Юридическая служба должна руководствоваться в своей деятельности Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, международными договорами РФ, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, а также данным типовым положением.

Основными задачами юридической службы является правовое обеспечение деятельности федерального органа исполнительной власти, осуществление работы, связанной с совершенствованием законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы, входящие в компетенцию

федерального органа исполнительной власти, а также улучшение качества проектов нормативных правовых актов. Кроме того в типовом положении подробно изложены полномочия (права и обязанности) юридической службы [4].

Вместе с тем, типовое положение утверждено для юридических служб федеральных органов исполнительной власти.

При выполнении органом местного самоуправления функций, возложенных государством, полномочия органов местного самоуправления отличаются от полномочий федеральных органов исполнительной власти.

В связи с чем, возникает вопрос, а чем руководствуется юридическая служба органов местного самоуправления при выполнении своей деятельности и задач, возложенных на нее органом местного самоуправления.

В настоящее время отсутствует типовое положение о юридической службе в органах местного самоуправления.

В связи с чем в деятельности юридической службы в органах местного самоуправления возникает неясность (разночтение), а именно, какие полномочия, права и обязанности возложены на сотрудников юридической службы при выполнении должностных обязанностей.

Конечно, при выполнении деятельности, схожей с деятельностью федеральных органов исполнительной власти, можно воспользоваться типовым положением для юридических служб федеральных органов исполнительной власти, в остальных случаях требуется свое положение о юридической службе в органах местного самоуправления.

Для эффективной деятельности юридической службы в органах местного самоуправления необходимо регламентировать единый порядок организации деятельности юридической службы в органах местного самоуправления, утвердить положение о юридической службе в органах местного самоуправления либо издать методические рекомендации, которыми юридическая служба органов местного самоуправления сможет руководствоваться при выполнении своей профессиональной деятельности.

Квалифицированная и грамотная деятельность юридической службы является основой для стабильной работы органов местного самоуправления при решении политических, экономических, социальных и других задач на уровне местного самоуправления.

Только создав типовое положение о юридической службе в органах местного самоуправления, где будут четко разграничены полномочия, права и обязанности юридической службы, возможна подготовка квалифицированных кадров юридической службы в органах местного самоуправления.

Таким образом, изучение проблем в области правового обеспечения деятельности органов местного самоуправления и разработка стратегий по совершенствованию деятельности юридической службы в органах местного самоуправления является необходимым и значимым условием, для эффективной и полноценной работы органов местного самоуправления в новых современных социально-экономических, политических, законодательных и иных сферах жизнедеятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020. Ст. 12 // Российская газета. — 04.07.2020. — № 144.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 08.05.2023);
3. Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2001 № 528 «О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения 08.05.2023);
4. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2002 г. № 207 «Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти» // Система Гарант [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12126334/> (дата обращения 08.05.2023).

Проблемы взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами

Ирицян Карине Ашотовна, студент магистратуры

Тюменский государственный университет

В статье автором рассматриваются отдельные вопросы, связанные со взаимодействием следователя со оперативно-розыскными органами в процессе расследования преступлений. Делается вывод о том, что в рассматриваемой области имеются некоторые проблемы. В частности, в области организационно-правового регулирования процесса взаимодействия указанных субъектов.

В целом, автором делается вывод о невозможности достижения задач расследования преступлений без совместного взаимодействия следователя и оперативно-розыскных органов.

Ключевые слова: следователь, оперативно-розыскной орган, оперативно-розыскное мероприятие, взаимодействие, преступление, расследование.

На сегодняшний день в рамках взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в процессе расследования различных преступлений имеются некоторые проблемные вопросы.

Следователь представляет собой должностное лицо, которому предоставляются полномочия по предварительному следствию по уголовному делу в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Оперативно-розыскная деятельность в свою очередь является специальной деятельностью уполномоченных подразделений государственных органов, осуществляемая в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Как приказывает практика, без эффективного и всестороннего взаимодействия всех участников процесса расследования и, в частности, следователя и оперативно-розыскных органов, практически невозможно достигнуть необходимых результатов по раскрытию уголовного дела [5, с. 338].

Стоит отметить, что правильно и четко поставленные указания следователем перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в значительной степени могут ускорить, к примеру, процесс поиска лиц, необходимых для следствия.

На современном этапе расследование немалого количества преступных посягательств представляется достаточно

затруднительным в силу того, что во многих субъектах РФ сотрудничество между следователями и сотрудниками оперативно-розыскных органов не налажено в должной мере.

В целом, взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами представляет собой их слаженную согласованную работу по установлению обстоятельств наиболее сложных преступлений, процесс расследования которых не может быть реализован только посредством проведения следственных действий.

Необходимость налаживания эффективного взаимодействия между следственными органами и оперативно-розыскными органами обусловлена также и уровнем преступности в России, где наблюдается отрицательная динамика.

Итак, на сегодняшний день можно выделить две формы взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами в процессе расследования преступления:

1. Нормативно-правовая форма (процессуальная).
2. Организационно-тактическая форма (непроцессуальная).

Процессуальная форма взаимодействия урегулирована в первую очередь Уголовно-процессуальным кодексом РФ [1]. К данной форме можно отнести следующие основные действия по взаимодействию рассматриваемых субъектов:

- выполнение оперативно-розыскными органами поручений следователя;

- взаимодействие субъектов в рамках следственно-оперативной группы;
- взаимодействие в процессе осуществления различных следственных действий и т. д.

Непроцессуальная форма взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами регламентирована различными ведомственными нормативно-правовыми актами, которые призваны детализировать и уточнять деятельность рассматриваемых субъектов. К таковым следует отнести следующее:

- осуществление совместного планирования предварительного расследования;
- осуществление оперативного обмена полученной информацией в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- проведение совместных заседаний и слушаний и т. д.

Стоит отметить, что в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] деятельности оперативно-розыскных органов характеризуется высокой степенью конфиденциальности полученных сведений и результатов, чего нельзя сказать о следователях. Соответственно, без взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами работа первого не может быть осуществлена с высокой долей эффективности.

При этом важно понимать, что следователь все-таки выступает центральным субъектом расследования преступления, задающим направление всего процесса раскрытия преступного посягательства. Следователем определяются основные пути, пределы и формы его взаимодействия с оперативно-розыскными органами.

На сегодняшний день, как уже было указано, взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами является достаточно провальным этапом в процессе расследования преступления.

В качестве основных факторов, оказывающих влияние на слабое взаимодействие рассматриваемых субъектов, можно выделить [3, с. 138]:

1. Недостаточный уровень профессионализма сотрудников, осуществляющих расследование определенных преступлений, а также отсутствие у них достаточного опыта по формированию доказательственной базы, что в дальнейшем приводит к утрате всех доказательств по соответствующему уголовному делу.
2. Неграмотные поручения со стороны следователей.
3. Отсутствие у субъектов определенного опыта в расследовании соответствующей категории преступлений.
4. Наличие значительной внутриведомственной разобщенности.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

5. Отсутствие грамотного руководства, которое бы осуществляло эффективное управление рассматриваемой деятельностью.

Помимо вышеуказанных причин низкоэффективного взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами можно указать и на определенные законодательные проблемы в данной области [4, с. 126]:

1. Отсутствие четкой законодательной регламентации действий по осуществлению такого взаимодействия.
2. Некоторые вопросы взаимодействия субъектов урегулированы в ведомственных нормативно-правовых актах, которые в большинстве случаев являются достижимыми только для одной стороны взаимодействия, что приводит к решению проблем односторонней направленности.
3. На современном этапе так и не нашла своего закрепления единая база органов, которые осуществляют полномочия в рамках оперативно-розыскной деятельности, что во многом усложняет осуществление практической деятельности, в первую очередь, для следователей.

На основании всего вышеизложенного представляется необходимым предложить меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами в процессе расследования преступлений:

- разработка современных, соответствующих реалиям, подходов и методов к осуществлению взаимодействия между рассматриваемыми субъектами с использованием современных технических средств;
- постоянное улучшение профессиональных навыков сотрудников органов, принимающих участие в расследовании преступлений. Следователи и сотрудники оперативно-розыскных органов, на наш взгляд, не реже, чем раз в год должны проходить курсы повышения квалификации, направленные на изучение новых методов и форм расследования преступных посягательств, а также механизмов взаимодействия соответствующих субъектов расследования;
- совершенствование законодательной базы, в рамках которой должны быть четко урегулированы проблемные вопросы в рассматриваемой области.

В целом следует отметить, что взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами играет важную роль в процессе расследования преступлений, так как данные субъекты дополняют деятельность друг друга, в результате чего можно говорить о высокой эффективности в достижении результатов поставленных задач.

3. Лохов Д. Е. Проблемы регулирования взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / Д. Е. Лохов, Д. Г. Шашин // Современность в творчестве начинающего исследователя. Материалы научно-практической конференции молодых ученых. — Иркутск, 2022. — С. 137–140.
4. Сайпулаев З. М. Взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами / З. М. Сайпулаев // Закон и право. — 2021. — № 4. — С. 125–127.
5. Соколов А. Е. Особенности взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений / А. Е. Соколов // Молодой ученый. — 2021. — № 25 (367). — С. 338–340.

Лица, уполномоченные обращаться в суд с требованием о признании решения собрания недействительным

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор;

Рупич Алина Владимировна, студент

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье авторы рассматривают и устанавливают круг лиц, уполномоченных обращаться в суд с требованием о признании решения собрания корпорации недействительным.

Ключевые слова: недействительность, решение собрания, участник общества, корпоративное решение, общее собрание, оспоримое решение собрания, ничтожное решение собрания, участник корпорации, бывший участник.

Решение собрания, являясь ключевым инструментом управления в корпорации, играет значительную роль. Возможность признания решения собрания недействительным открывает ряд вопросов, имеющих не только теоретическую, но и практическую значимость. Одним из наиболее важных вопросов, подлежащих рассмотрению, является установление лиц, уполномоченных обращаться в суд с требованием о признании решения собрания (органа управления корпорации) недействительным.

В первую очередь стоит выделить, что правом на оспаривание решения собрания недействительным наделены сами участники гражданско-правового сообщества в случае, если они либо не принимали участия в голосовании, либо голосовали против оспариваемого решения — ст. 43 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 49 ФЗ «Об акционерных обществах».

Однако стоит остановиться на вопросе может ли лицо, не являющееся участником корпорации, в частности акционером или участником ООО, заявлять иск о признании решения собрания недействительным (ничтожным), если это лицо утверждает, что его права и законные интересы как кредитора корпорации либо кредитора ее участника были нарушены спорным решением.

П. 106 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает на возможность предъявления самостоятельных исков о признании недействительным ничтожного решения собрания; споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого лица, имеющего охраняемый законом интерес в таком признании.

Представляется, что ничтожное решение собрания обладает существенным отличием от оспоримого решения, поскольку ничтожность имеет правовое значение для более широкого круга лиц, чем решение, которое необходимо оспорить. Исходя из этого логично, что о ничтожности вправе заявлять более широкий круг лиц, чем о недействительности оспоримого решения.

Также необходимо остановиться на охраняемом законом интересе, представляется, что помимо участников (акционеров) таким интересом могут обладать также потенциальные участники (акционеры), в случае, когда такой статус является предметом спора. Логично полагать, что иные лица, не являющиеся участниками корпорации, включая кредиторов корпорации или кредиторов ее участников (акционеров), по общему правилу не наделены правом оспаривания решений собраний.

Также стоит установить обладает ли бывший участник (акционер) общества правом на оспаривание решения собрания, А. К. Грачев отмечает, что в случае, если такой иск подается бывшим участником гражданско-правового сообщества, например, об оспаривании решения собрания, в результате которого участнику были причинены убытки, предлагается прямо закрепить право такого участника на обжалование соответствующего решения [1].

Арбитражный суд Северо-Западного округа по делу № А13–3371/2015 указал, что в случае, если решение единственного участника ООО, которым был оформлен гражданско-правовой договор ничтожно, кредитор такого ООО не может заявлять требования о признании недействительным такого корпоративного решения, не будучи участником общества [2].

Вышеуказанная позиция подтверждается судебной практикой, так кредитор ОАО, не будучи его акционером, не является надлежащим истцом по делу о признании недействительным решения общего собрания такого ОАО по смыслу ст. 181.1 ГК РФ и ст. 4 АПК РФ исходя из позиции, изложенной в Постановлении Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–60553/2014 [3].

Также стоит указать, что бывший ликвидатор не может оспаривать решение общего собрания участников о замене ликвидатора, поскольку он не обладает правом на иск, не будучи участником общества: участники, принявшие решение о добровольной ликвидации, вправе как назначить ликвидатора (ликвидационную комиссию), так и принять решение о его замене, прежний ликвидатор заявлять о недействительности (ничтожности) подобного корпоративного решения права не имеет — указал Арбитражный суд Московской области по делу № А40–178535/2013 [4].

Исходя из приведенной выше практики, можно сделать вывод, что кредиторы корпорации до тех пор, пока не инициирован процесс банкротства, где право на иск о признании ничтожными ранее принятых корпоративных решений основан на нормах банкротного законодательства, а также бывший ликвидатор не наделяются правом на подачу иска о признании недействительным решения собрания.

Однако делать однозначный вывод о том, что только участники общества (акционеры) вправе оспаривать решение собрания нельзя. В качестве примера можно привести ситуацию, когда решение единственного участника об увеличении уставного капитала за счет вклада третьего лица может быть признано недействительным как сделка, совершенная в ущерб имущественным правам кредитора, если размер вносимого в уставный капитал общества вклада не эквивалентен рыночной стоимости доли, которую получает приобретатель, или же внесение вклада в уставный капитал с последующим выходом участника прикрывает собой сделку по продаже доли в уставном капитале [5]. Поскольку содержанием такого решением органа управления корпорации нарушаются права и законные интересы лиц, не находящиеся с обществом в корпоративных отношениях.

Аналогичная ситуация возможна и с причинением ущерба супругу, поскольку исходя из правовой позиции, изложенной в Постановлении Президиума ВАС РФ, принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества может рассматриваться как сделка, противоречащая пункту 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ, поскольку такое действие является по существу распоряжением общим имуществом супругов, влекущим уменьшение действительной стоимости доли супруга в обществе [6].

Ключевым моментом является тот факт, что такие решения нарушают принцип пропорциональности и влияют на стоимость акций (долей) участников. Так раскрывается понятие «охраняемый законом интерес» через установле-

ние противоправности содержания решения, которое может быть основанием для признания решения недействительным по иску третьего лица при нарушении его прав и законных интересов.

Также ликвидатор общества, которого назначили без его согласия вправе требовать признания недействительным решения общего собрания участников о назначении его ликвидатором общества [7].

Также необходимо рассмотреть возможность оспаривания решения лицом, которое произвело отчуждение доли (акции) собрания или приобретателем доли (акций), то есть возможен ли переход права на оспаривание решения.

Логично, что лицо, которое произвело отчуждение доли (акции), утрачивает право на подачу иска о признании решения собрания недействительным, поскольку с переходом доли (акции) к приобретателю оно прекратило состоять в корпоративных отношениях с обществом.

Сформировавшаяся судебная практика, говорит о том, что право на оспаривание решений не может быть передано в порядке правопреемства, поскольку оно неразрывно связано с самим участником. Такой позиции придерживается АС Поволжского округа по делу № А55–13865/2012 [8].

Цепов Г. В., полагает, что такая позиция судов является ошибочной, поскольку считает, что при передаче доли (акций) к приобретателю вместе с правом голоса должно переходить и право оспаривания ранее принятого решения. В противном случае, это приведет к существованию незаконных решений органов управления, которые не сможет оспорить ни предыдущий, ни последующий участник, то есть нарушению конституционного права на судебную защиту [9].

Действительно в судебной практике был случай, когда ВАС РФ по делу № А50–8182/2010 сделал вывод, что ни прошлый, ни нынешний участники общества не вправе оспорить решение собрания [10].

В частности, отсутствие у участника (акционера) неимущественных неотчуждаемых прав подтверждают следующие доводы. Указанное неимущественное право участия не может быть абсолютным, поскольку общество — субъект гражданского права — не может быть объектом гражданских прав участников, а имущество общества принадлежит обществу, но не его участникам. При этом данное право не может быть и относительным. С одной стороны, права участников в отношении общества не могут существовать вне рамок отношений участия. С другой стороны, неразрывно связанное с личностью участника право не может передаваться вместе с акциями (долей) по определению. Следовательно, оно не может входить в содержание права участия, поскольку последнее возникает при размещении доли (акций) и переходит с ее отчуждением к последующему приобретателю.

Стоит обратить внимание на ещё одну ситуацию из практики, так участнику ООО отказали в удовлетворении иска о признании недействительным решения общего собрания, в результате которого истец утратил корпора-

тивный контроль. Так Арбитражный суд Новосибирской области при проверке наличия статуса участника ООО у Истца исследовал и основание приобретения этого статуса, в рамках другого дела решался вопрос о недействительности сделки по увеличению уставного капитала ООО, в результате которой истец стал участником ООО. И поскольку сделка об увеличении уставного капитала была признана недействительной суд не только сослался на преюдициальность судебного акта, но и установил, что истец приобрел права участника общества исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действуя в обход закона с противоправной целью, в результате злоупотребления правом, и в связи в этом не имел и не имеет материально-правового интереса в судебном споре, не обладает правом на подачу иска, и в итоге отказал в удовлетворении иска [11].

Литература:

1. Грачев, А. К. О некоторых процессуальных особенностях признания недействительными решений собраний в предпринимательской деятельности / А. К. Грачев. — Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017.
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.01.2016 № А13–3371/2015 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.04.2015 № А40–60553/2014 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.03.2015 № А40–178535/2013 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 301-ЭС17–13352 по делу № А31–4923/2014 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13 по делу № А33–18938/2011 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.12.2017 по делу № А03–7185/2016 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.12.2012 по делу № А55–13865/2012 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
9. Цепов, Г. В. Недействительность решений коллегиальных органов хозяйственных обществ: в поисках баланса интересов / Г. В. Цепов. — Текст: непосредственный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 2.
10. Определение ВАС РФ от 01.08.2011 № ВАС–9726/11 по делу № А50–8182/2010 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.07.2021 по делу А45–16384/2020 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2017 № А40–104595/2014 // Электронное правосудие: Картоoteca арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru.

Также стоит рассмотреть дело, имеющее прецедентное значение, а именно впервые суд предоставил бенефициарному собственнику право на иск о признании ничтожным корпоративного решения. Так Арбитражный суд Московского округа признал ничтожным решение собрания акционеров об избрании генерального директора, поскольку его по уставу должны избирать не акционеры, а совет директоров АО, по иску не акционера АО, бенефициара, который находился на другом уровне корпоративной цепочки и являлся конечным владельцем данного общества [12].

Таким образом, помимо участников (акционеров) правом на иск о признании решения собрания недействительным, при соблюдении определённых условий и обосновании какие охраняемые законом интересы нарушены, наделены кредитор, супруг, а также бенефициарный собственник.

Совершенствование семейного законодательства Российской Федерации в области лишения родительских прав

Кирсанова Наталья Борисовна, старший преподаватель;

Кузнецова Майя Александровна, студент;

Набизаде Рамил Рамизович, студент;

Хупения Анна Андреевна, студент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Лишение родительских прав является крайней мерой ответственности. Судебные решения по данному вопросу имеют исключительно важное значение среди гражданских дел. Лишение родительских прав имеет частное и общественное значение, так как влияет на благополучие сторон, на судьбу участников дела, на сохранение семейных ценностей. В настоящей статье предлагаются решения по совершенствованию действующего семейного законодательства. Рассматривается вопрос об уклонении от выполнения обязанностей родителей, о психическом насилии над ребенком, о работе органов опеки и попечительства.

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних, лишение родительских прав, решение суда, ответственность, обязанности родителей, традиционные ценности.

Improvement of family legislation Russian Federation in region deprivation of parental rights

Deprivation of parental responsibility is a measure of last resort. Judicial decisions on this issue are of paramount importance in civil cases. Deprivation of parental rights is of private and public importance, as it affects the well-being of the parties, the fate of the participants in the case, and the preservation of family values. This article proposes solutions for improving the existing family legislation. The issue of avoiding the duties of parents, mental abuse of a child, the work of guardianship and guardianship bodies is being considered.

Keywords: protection of rights of minors, deprivation of parental rights, court decision, responsibilities, duties of parents, traditional values.

В римском праве признавалась безграничная родительская власть, и в течение нескольких веков человечество жило без правил, направленных на лишение родительских прав. Но реальное состояние общества, положение отдельных членов общества и наличие особых обстоятельств делают семейно-правовой институт лишения родительских прав необходимым и важным. Любовь к своим детям заложена в человека на уровне инстинкта, поэтому разлука с детьми, прекращение эмоциональной и физической связи затрагивает базовые ценности людей, человеческие чувства и эмоции. Возникающие семейные проблемы и противоречия, судебные решения и ошибки не должны приводить к необоснованному изъятию ребенка из семьи. В традиционных семейных ценностях и в объективном праве принцип воспитания ребенка в семье выдвигается как центральный, приоритетный и желательный.

В Российской Федерации законодательно не определена и не раскрыта цель лишения родительских прав. Если лишение родительских прав является крайней мерой ответственности, то эта мера должна выступать не как наказание родителям, а как защита прав и законных интересов несовершеннолетних. На первый план при вынесении решений должны выходить именно права и свободы, прежде

всего, несовершеннолетних. Этим обосновывается актуальность темы: необходимостью защиты прав несовершеннолетних. Только соблюдая и защищая права несовершеннолетних детей, как того требует Конвенция о правах ребенка получится вывести данную систему на более эффективный уровень.

Во 2 части ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) содержится положение о том, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам [2]. Исходя из этого, само по себе лишение родительских прав является неким исключением, так как противоречит принципам семейного права и общепринятым семейным ценностям, необходимо обеспечить надлежащее выражение и регулирование данного юридического института. Различные семейные конфликты, разногласия между родственниками, временные семейные проблемы, трудности, плохое материальное состояние, особенности воспитания не должны приводить к изъятию детей семьи. Данный институт имеет ряд особенностей и трудностей, требующих постепенного разрешения и качественного правового регулирования.

В целом в Российской Федерации наблюдается снижение количества удовлетворенных исков по делам о лишении родительских прав, что говорит об обращении внимания правоприменителей к традиционным семейным ценностям, об учетывании мнения несовершеннолетних, понимании принципа приоритетного семейного воспитания. Это не значит, что увеличивается количество семей, где нарушаются права, свободы и интересы детей. Вместо крайней меры ответственности применяются меры помогающие сохранить семью и нормализовать обстановку в ней, перевоспитать родителей, оказывающие помощь и содействие. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка А. Ю. Кузнецова справедливо отметила, что разлучение ребенка с семьей и попадание в социальные учреждение — колоссальный стресс для ребенка [10]. Поэтому применяют ограничение родительских прав, оказывается психологическая и иная медицинская помощь, часто перед родителями ставятся условия, которые необходимо выполнить или соблюдать, чтобы дети продолжили жить с ними [4, с. 98]. Учитывая вышесказанное считаю необходимым применение такой крайней меры ответственности, как лишение родительских прав только после первоначального ограничения родителей в родительских правах. Суд при вынесении крайней меры ответственности должен быть уверен, что именно так он обязан защитить несовершеннолетнего и других способов защиты нет. Важно обеспечение обоснованности при разрешении подобных дел.

Далее предлагаю рассмотреть вопросы, требующие разрешения при лишении родительских прав. Если рассматривать основания лишения родительских прав, то считаю нужным обратить внимание на абз. 2 ст. 69 СК РФ. В контексте данной статьи вызывает затруднение квалификация действий родителей: уклоняются ли они от выполнения обязанностей детей или нет. Даже если такое представляется возможным, исходя из моральных принципов, то как решить, что тот или иной поступок приведет именно к лишению родительских прав, а не к ограничению или предупреждению, ведь мы говорим о крайней мере ответственности, которая ведет к сильнейшему стрессу и, в первую очередь, детей [8, с. 284]. Считаю, что уклонение от выполнения обязанностей родителей может привести к лишению родительских прав, если оно является злым или повторяющимся, неоднократным. Нахожу необходимым изложить абз. 2 ст. 69 СК РФ следующим образом: «...злостно и/или систематически уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злом уклонении от уплаты алиментов». Таким образом, получится защитить право ребенка на жизнь и воспитание в семье, станет возможным оправдать родителей, которые возможно по ошибке или в силу жизненных обстоятельств однократно проявили уклонение от обязанностей. Говоря о системности, органам опеки и попечительства в данном случае важно вести базы данных и контроль незначительных провинностей и проступков родителей, чтобы в слу-

чае необходимости вовремя защитить права и интересы несовершеннолетних.

Также согласно абз. 5 ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав в случае жестокого обращения с детьми [2]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» разъяснено понятие жестокого обращения с ребенком, однако не раскрыты формы психического насилия над ребенком [3]. Тогда возникает вопрос, какие действия родителей следует понимать под психическим насилием. Например, на родителях лежит обязанность воспитания детей, а воспитание однозначно связано с воздействием родителей на детей, в том числе, не исключается воздействие психическое. Соответственно, данное нераскрытое понятие может стать причиной лишения родительских прав из-за ситуаций, связанных с воспитательными мерами или взаимоотношениями между родителями и детьми. Крайняя мера ответственности не может быть применена из-за изъянов и дефектов воспитания, так как любой, кто занимается воспитанием, может ошибаться, это является лишь причиной для профилактической работы с родителями [6, с. 10]. В данной статье речь должна идти именно о вопиющем поведении родителей, которое разрушает жизнь и личность ребенка, об оскорбляющем, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми [7, с. 150]. Считаю, что данной норме необходимо доработка, а также тщательная проработка с участием врачей психологов и иных специалистов. Предлагаю дополнить абз. 5 ст. 69 СК РФ следующими словами: «Под психическим насилием следует понимать действия, предполагающие наступление негативных последствий или возможность их наступления. Воздействие родителей (одного из них или лиц их заменяющих), которое приводит или может привести к возникновению чувства страха, ощущению опасности, психологической травме, тревожности, стрессу, депрессии и посттравматическому стрессовому расстройству. А также действия или бездействия, которое может к определенному времени свидетельствовать о психическом отставании ребенка по сравнению с другими детьми такого же возраста». Полное раскрытие понятия психического насилия позволит оказывать эффективную и своевременную помощь детям, которые являются жертвами рассматриваемого явления.

Также считаем необходимым рассмотреть в статье внесение изменений в работу органов опеки и попечительства. Органы опеки и попечительства играют очень важную роль в такой тяжелой жизненной ситуации людей, как лишение родительских прав. Сотрудникам необходимо уметь создавать обстановку, которая в меньшей степени травмировала бы детей. Смягчить протекание дела возможно при присутствии других близких людей для ребенка кроме родителей, например родственников, его вос-

питателей или учителей, человека, который имеет хороший контакт с ребенком. Крайняя мера ответственности родителей может привести к детской травме ребенка и скажется на дальнейшей жизни. Успех подготовки дела и исполнения судебного решения зависит от качественной работы данных органов, речь также идет о помещении несовершеннолетних в условия, способные создать благополучную обстановку для воспитания и развития ребенка или об оказании необходимой медицинской помощи. Кроме этого, необходима качественная работа с родителями, при лишении родительских прав нужно объяснять целесообразность действий органов, раскрыть родителям содержание их действий, повлекшие такой исход, чтобы в дальнейшем с их стороны наблюдались изменения, в том числе, изменения отношения к детям [5, с. 23]. Участниками данных дел чаще всего являются лица с различными социальными дефектами, например, безработные, люди, имеющие зависимость от алкоголя и наркотиков, преступные личности, люди с деформацией моральных устоев и тд. Но встречаются и ситуации, когда лишение родительских прав вызвано болезнями, при которых родители не могут обеспечить жизнедеятельность ребенка, или другие жизненные ситуации, связанные с трагичными обстоятельствами судьбы. Это является причиной необходимой квалификации и подготовки сотрудников органов опеки и попечительства, которые выполняют именно профилактическую работу, а не отчитываются количеством дел. Из-за специфичности данных дел, считаем необходимым разработать механизм действий органов опеки и попи-

тельства при лишении родительских прав за счет внесения изменений в СК РФ. Необходимо предусмотреть ответственность органов опеки и попечительства или отдельных должностных лиц за несвоевременную или неэффективную защиту и помощь ребенку, оказавшемуся в опасной для его жизни или здоровья ситуации, за незаконность действий, за заведенные дела без существенных доказательств, за несоблюдение требований работы. Следовало бы разработать механизм совместной работы органов опеки и попечительства с правоохранительными органами, психологами, медицинскими организациями, подразделениями по делам несовершеннолетних. Для предупреждения таких дел необходим механизм обнаружения и контроля за семьями, в которых дети могут находиться в сложной ситуации, например, обязательное информирование органов опеки и попечительства о рождении ребенка ребенком, о рождении или начале беременности людьми, которые находятся на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере, об отсутствии у семьи условий для жизни ребенка. Важно вовремя обнаруживать сложные и трудные жизненные ситуации и оказывать эффективную помощь.

Подводя итог, лишение родительских прав является исключительным, крайним, общественно-значимым и семейно-правовым явлением. Категория дел, связанная с данным юридическим институтом, является достаточно сложной, поэтому нельзя упускать недоработки законодательства. Крайняя мера ответственности родителей, направлена в первую очередь на защиту несовершеннолетних, важно обеспечить безопасность детей в собственных семьях.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223 — ЗФ (ред. От 13.07.2015). — М.: Юридическая литература, 2009. — 69 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. № 262.
4. Беспалов Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие / Ю. Ф. Беспалов. — Москва: Проспект, 2020. — 244 с.
5. Злобина И. В. Проблемы правового регулирования и применения практики лишения родительских прав // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2013. — № 4 (22). С. 21–24.
6. Зыков С. В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 2. — С. 9–11.
7. Краснова Т. В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2015. — № 3 (44). С. 143–152.
8. Якушев П. А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 5. — С. 283–292.

Понятие, назначение и формы предварительного расследования

Коваленко Валерия Евгеньевна, студент

Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессуальной природой, понятием, назначением и формами предварительного расследования. Автор поднимает наиболее дискуссионные моменты исследуемых вопросов и делает собственные выводы, в частности, относительно процессуальной природы предварительного расследования обосновывается позиция о том, что по своей природе оно выступает стадией уголовного процесса, а не процессуальной деятельностью управомоченных субъектов (следователей и др.).

Ключевые слова: предварительное расследование, форма предварительного расследования, предварительное следствие, дознание, дознание в сокращенной форме.

В уголовно-процессуальном законодательстве не приводится понятие предварительного расследования.

В науке же отсутствует единство относительно самой природы предварительного расследования — является ли оно «процессуальной деятельностью», которая осуществляется на в рамках досудебного уголовного производства, или же само по себе выступает стадией уголовного процесса, иными словами, исходит ли сущность предварительного расследования от субъектов, т. е. лиц, его осуществляющих, или же от определенного процессуального периода — от возбуждения уголовного дела до направления его в суд.

Так, одни исследователи полагают, что под предварительным расследованием необходимо понимать исключительно деятельность управомоченных должностных лиц.

Например, Н. А. Жукова и О. В. Диденко полагают, что предварительное расследование — это специфический вид деятельности органов предварительного следствия и дознания по доказыванию обстоятельств, которые имеют значение для быстрого раскрытия преступления и изобличения виновного в его совершении лица для его привлечения в качестве обвиняемого, а также для принятия мер с целью возмещения причиненного преступлением ущерба и установления причин и условий его совершения [6, с. 58].

Другие исследователи полагают, что предварительное расследование — это именно стадия уголовного судопроизводства.

Так, как вторую стадию досудебного уголовного производства предварительное расследование понимает В. И. Безрядин, который пишет, что суть данной стадии заключается в подготовке уголовного дела к судебному разбирательству либо в принятии по уголовному делу окончательного решения в виде его прекращения [3, с. 10].

Верной представляется точка зрения, согласно которой предварительное расследование выступает именно стадией уголовного производства, а не процессуальной деятельностью.

Так, например, руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания вправе изымать уголовное дело у одного следователя (дознателя) и передавать другому.

Соответственно, с момента изъятия уголовного дела у одного следователя (дознателя) и до принятия его к про-

изводству другим следователем (дознателем) отсутствует субъект, который осуществляет по делу предварительное расследование.

Более удачный пример — если в ходе расследования уголовного дела, например, следователем органа внутренних дел, выявляются признаки преступления с иной подследственностью (например, установлено, что тяжкое преступление совершено несовершеннолетним — такие дела расследуются следственным комитетом), уголовное дело направляет, соответственно, в иной орган предварительного расследования, например, в Следственный комитет.

В данный период (т. е. с момента направления дела до его получения) уголовное дело формально вообще не находится в производстве какого-либо органа расследования — первый «отказался» от расследования в силу иной подследственности, второй же следственный орган не получил дело.

Если придерживаться мнения о том, что предварительное расследование — это «процессуальная деятельность», указанный период вообще не должен входить в срок предварительного расследования (в данном случае — следствия).

Однако ст. 162 УПК РФ не предусматривает такого основания для прерывания срока предварительного следствия, из чего можно сделать вывод, что предварительное расследование — это четко определенный процессуальный период (т. е. стадия уголовного процесса), а не сама по себе процессуальная деятельность следователя (дознателя).

Говоря о назначении предварительного расследования необходимо обратить внимание, что в науке встречается его достаточно узкое понимание, так, И. С. Дикарев пишет, что «предварительное расследование в современном уголовном процессе является досудебной подготовкой стороны обвинения к судебному разбирательству. Его назначение заключается в том, чтобы снабдить государственного обвинителя доказательственным материалом, на основании которого он будет иметь возможность в ходе судебного разбирательства добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности» [5, с. 79].

Во-первых, данное определение не учитывает множество частных случаев — например, когда уголовное дело направляется в суд для применения принудительных мер медицинского характера — очевидно, что в отношении невиняемого гражданина нельзя использовать формулировку «привлечение к уголовной ответственности», или же

если следователь обращается в суд с ходатайством о прекращении уголовного преследования в с назначением штрафа, применением в отношении несовершеннолетнего принудительны мер воспитательного воздействия, или же если следователь самостоятельно прекращает уголовное дело в связи с примирением сторон и др.

Кроме того, несмотря на то, что следователь (дознатель) отнесены к стороне обвинения, они должны действовать с соблюдением требований ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства.

Соответственно, следователь должен собирать по делу и анализировать все возможные доказательства, например, если обвиняемый заявляет о своем алиби, следователь должен допросить лиц, которые это алиби подтверждают, и приобщить их к материалам уголовного дела.

Таким образом, назначение предварительного расследования необходимо понимать более широко — это установление органами предварительного расследования в пределах своих полномочий истины по уголовному делу и принятие соответствующего процессуального решения.

Форма предварительного расследования — это предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок организации деятельности уполномоченных лиц по предварительному (досудебному) исследованию обстоятельств совершенного преступления в рамках возбужденного уголовного дела, состоящий из ряда последовательных процессуальных и организационно-правовых действий, направленных на доказывание события преступления, установление лиц, его совершивших, и установленный в целях принятия итогового решения о дальнейшем движении уголовного дела в суд или о его прекращении [9, с. 12].

Форма предварительного расследования, как и любой правовой порядок, представляет собой совокупность признаков и свойств, образующих устойчивую взаимную связь и обеспечивающих законность и рациональность предварительного следствия и дознания, оптимальное соотношение единства и дифференциации видов процессуальной деятельности в зависимости от конкретной следственной ситуации (в широком смысле).

Следовательно, форма предварительного расследования должна соответствовать единым демократическим принципам уголовного судопроизводства, быть целесообразной и эффективной, отвечать требованиям процессуальной экономии, т. е. обеспечивать быстроту судопроизводства, соответствовать правовому положению личности в государстве и нравственным началам общества.

В настоящее время в российском уголовном процессе предусмотрены две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание.

Интересно, что в ст. 5 УПК РФ, содержащей терминологический аппарат, приведено только понятие дознания: форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необя-

зательно. Понятие предварительного следствия не проводится.

Если обратиться к науке, то здесь под предварительным следствием понимается самостоятельная форма предварительного расследования, осуществляемая следователем или следственной группой по возбужденному уголовному делу, включающая в себя особую систему процессуальных действий и процессуальных решений, которые обеспечивают максимальные гарантии установления истины по уголовному делу и реализации прав участников процесса, заканчивающаяся направлением уголовного дела прокурору или прекращением его по основаниям, предусмотренным УПК РФ [7, с. 80].

В данном определении, по сути, использовано значительное количество «целевых» установок, присущих и дознанию, соответственно, предварительное следствие необходимо понимать более лаконично, как форму предварительного расследования, осуществляемого следователем или следственной группой по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия является обязательным.

Предварительное следствие, в свою очередь, не разделяется на «подформы», оно осуществляется единообразно.

Определенной спецификой характеризуется предварительное следствие в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.4 УПК РФ), однако сущность и содержание особенностей производства предварительного следствия в таких случаях не столь весомы, чтобы можно было говорить о «подформе» предварительного следствия.

Дознание, в свою очередь, осуществляется посредством дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме.

При этом легальное понятие «дознание в сокращенной форме» в нормах УПК отсутствует.

Данный институт, появился в законодательстве в 2013-м году.

Следует отметить, что в прошлом российская уголовно-процессуальная юстиция уже имела опыт реализации подобной упрощенной формы расследования на примере протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела.

Дознание в сокращенной форме было введено для того, чтобы облегчить труд работников органов дознания при проведении расследования по уголовным делам, при наличии закрепленных в законе условий.

Основным атрибутом понятия «дознание в сокращенной форме» является то, что речь идет о форме предварительного расследования, так же возможно использование термина «подформа», поскольку в соответствии со ст. 150 УПК РФ непосредственно формами предварительного расследования обозначены:

- предварительное следствие;
- дознание.

В свою очередь, в соответствии с ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ, дознание производится в общем порядке или в сокращенной форме. Соответственно, можно говорить и о том, что дознание в сокращенном порядке — это «форма» предварительного расследования, и о том, что общий и сокращенный порядок дознания — это «подформа» единой формы предварительного расследования — дознания.

Важным является и то, что применение такой формы возможно исключительно в случае явно выраженного согласия подозреваемого.

Иное, т. е. «урезание» объема следственных действий и сужение круга доказательств, которые необходимо собрать при производстве сокращенного дознания, явно бы посягало на основополагающие права лиц, подвергающихся уголовному преследованию.

Кроме того, в обязательном порядке подозреваемый должен признавать вину в совершении преступления, иначе говоря, производство дознания в сокращенной форме возможно исключительно в бесспорной ситуации предварительного расследования.

Основанием для проведения дознания в сокращенной форме, согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК, является ходатайство подозреваемого, но только в случае одновременного наличия таких условий:

- 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) квалификация его действий по признакам одного или нескольких преступлений, перечисленных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ (побои, умышленное причинение вреда здоровью — легкого или средней тяжести, угроза убийством, хищения — кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, совершенные без квалифицирующих признаков, и другие);
- 3) полное и последовательное признание подозреваемым своей вины, осознание им характера и размера причиненного вреда, согласие с правовой оценкой своих действий, представленной в постановлении о возбуждении уголовного дела;
- 4) отсутствие обстоятельств, перечисленных в ст. 226.2 УПК РФ (к примеру, дознание в сокращенной форме не может производиться в отношении несовершеннолетних, лиц, которые не владеют русским языком, при наличии возражений потерпевшего по поводу дознания в данной форме, а также по некоторым другим причинам) [4, с. 27].

Доказательства по уголовному делу собирают в объеме, позволяющем установить события преступления, характер и размер причиненного вреда, виновность лица в совершении преступления.

Причем дознаватель обязан произвести только те следственные и другие процессуальные действия, неосуществление которых способно привести к невосполнимой утрате следов преступления или иных доказательств.

Как только дознаватель признает, что необходимые следственные действия проведены и собран достаточный

объем доказательств для обоснования вывода о совершении подозреваемым преступления, он составляет обвинительное постановление. После ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и обвинительным постановлением, дознаватель вместе с делом направляет его прокурору для утверждения.

Таким образом, дознание в сокращенной форме — это форма предварительного расследования по уголовному делу, производимая исключительно на основании ходатайства подозреваемого, полностью признающего вину в совершении преступления, процессуальный порядок проведения которой в сравнении с общей формой дознания упрощен, в том числе посредством снижения объема собирания по уголовному делу доказательств [2, с. 109].

В целом правовые отличия между формами предварительного расследования основываются на формальных признаках, которые не затрагивают существа следствия и дознания. Главным отличием дознания как формы предварительного расследования является ускоренная, упрощенная процедура и применение к менее тяжким составам преступлений. Однако на практике бюрократизм и постоянное увеличение сроков приводят к тому, что дознание из ускоренной формы превращается в «замедленную» [8, с. 114].

Подытоживая, можно отметить следующее.

Предварительное расследование — это стадия уголовного судопроизводства, в рамках которой реализуется процессуальная деятельность органов предварительного расследования, направленная на установление истины по делу и принятие законного и обоснованного процессуального решения в пределах компетенции таких органов. Форма предварительного расследования — это предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок организации деятельности уполномоченных лиц по предварительному (досудебному) исследованию обстоятельств совершенного преступления в рамках возбужденного уголовного дела, состоящий из ряда последовательных процессуальных и организационно-правовых действий, направленных на доказывание события преступления, установление лиц, его совершивших, и установленный в целях принятия итогового решения о дальнейшем движении уголовного дела в суд или о его прекращении.

В соответствии с нормами УПК РФ, формами предварительного расследования выступают предварительно следствие и дознание. Предварительное следствие проводится по единым правилам, особенности проведения предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не образуют отдельной подформы. При этом дознание осуществляется в общем порядке и в сокращенной форме. Помимо прочего, особенностями последней выступает диспозитивный характер ее выбора — если, например, вопрос о том, в какой форме будет осуществляться предварительное расследование — предварительное следствие или дознание — зависит только от уголовно-процес-

суального закона и обусловленного этим законом решения правоприменителя, то дознание в сокращенной форме осуществляется только при наличии согласия подозреваемого и отсутствии возражений потерпевшего, т. е., фактически, подозреваемый и потерпевший в случаях, предусмотренных законом, вправе выбирать форму дознания.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 249.
2. Агакшиева Б. А. Формы предварительного расследования / Государственная служба и кадры. — 2020. — № 5. — С. 107–112.
3. Безрядин В. И. Проблемы доказывания в ходе предварительного расследования // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2018. Т. IV. С. 9–12.
4. Григорьев Д. А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. — 2019. — № 6. — С. 25–29.
5. Дикарев И. С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 3. — С. 78–83.
6. Жукова Н. А., Диденко О. В. Формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве России // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2015. — № 1. — С. 56–61.
7. Носова Е. Н. К вопросу о понятии форм предварительного расследования // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 5. — С. 78–83.
8. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. — М.: Юрайт, 2019. — 392 с.
9. Якубина Ю. П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования: автореферат дисс..канд. юрид. наук. — М, 2016. — 31 с.

Криминологическая характеристика преступлений женщин в социально-бытовой сфере и общесоциальные меры их предупреждения

Королев Даниил Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Шубарина Любовь Васильевна, доктор исторических наук

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В данной статье приведена криминологическая характеристика преступлений женщин в социально-бытовой сфере, а также рассмотрены общесоциальные меры их предупреждения. Автор при этом делает акцент на особенностях обозначенной преступности, обусловленных психофизиологическими и социальными особенностями, присущих женскому полу. В заключении сформулированы собственные выводы по проведенному исследованию.

Ключевые слова: бытовая преступность, насилие, семья, быт, преступное насилие, насилие в семье, общесоциальные меры предупреждения преступности.

Criminological characteristics of female offenders in the social and domestic sphere and general social measures for their prevention

Korolev Daniil Dmitriyevich, student

Scientific adviser: Shubarina Lyubov Vasilyevna, doctor of historical sciences

Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article provides a criminological description of the crimes of women in the social sphere, as well as general social measures for its prevention. The author at the same time focuses on the features of the designated crime, due to the psychophysiological and social characteristics inherent in the female sex. In conclusion, we formulate our own conclusions on the study.

Keywords: domestic crime, violence, family, everyday life, criminal violence, domestic violence, general social measures to prevent crime.

Актуальность. Востребованность исследования данной тематики объясняется тем, что за последние десятилетия государство признало, что существование женской преступности, как и преступности в целом, — это объективная закономерность. Женская преступность существовала во все времена, ее невозможно игнорировать, а ее последствия нельзя недооценивать.

Вместе с тем женская преступность по причине кардинального изменения социальной роли женщины в обществе, произошедшего под влиянием целого ряда факторов, стала увеличиваться и приобретать иную структуру, обладая повышенной общественной опасностью.

Указанные обстоятельства определяют актуальность выбранной темы исследования

Цель. Целью работы является комплексное изучение криминологической характеристики преступлений женщин в социально-бытовой сфере, реализации общесоциальных мер предупреждения женской преступности, а также разработка рекомендаций в сфере предупреждения женской преступности.

Методы. В основу исследования положены общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, анализ базовых категорий, структурно-функциональный метод, сравнительно-правовой метод, анализ научной литературы и нормативных документов.

Результаты. По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2021 году женщинами совершено 137724 преступления (19% от числа мужских преступлений) [7].

Что касается возрастного распределения женской преступности, то наибольшее число преступлений женщин приходится на женский возраст 30–49 лет, т. е. возраст активных супружеских и семейных отношений, становления семьи, появления новых обязанностей, норм поведения и т. д.

Можно отметить, что наибольшая доля женщин, которые совершили преступление, имеет среднее профессиональное (35%) и начальное и основное общее образование (32%). Следовательно, образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека вообще и осужденного в особенности. Уровень образования как часть культуры личности в целом, имеет определенное влияние и на предрасположенность женщин к преступлениям.

Учитывая возрастную и образовательную градацию женской преступности, можно сказать, что женщины с высшим образованием, следовательно, с более высоким уровнем культуры, в наименьшей степени склонны к совершению преступлений.

Что касается экономического статуса женщин, совершивших преступление, то, согласно имеющимся данным, подавляющее число женщин-преступниц не имеют постоянных источников дохода. Следовательно, уровень и стабильность доходов играют значимую роль в женской преступности [8].

Сопоставление всех приведенных выше данных о социальном портрете женской преступности позволяет сделать

следующее предположение: если к определенному возрасту женщина имеет низкий уровень образования и не имеет стабильного источника доходов, она попадает в группу риска: повышается вероятность совершения ею преступного деяния, особенно в семейно-бытовой сфере.

Преступные посягательства женщин в семейно-бытовой сфере направлены преимущественно на ближайшее окружение. В частности, пострадавшими от таких посягательств в большинстве случаев являются мужчина или сожитель, а также знакомые, соседи, реже — родители, дети и другие лица. Чаще всего это ситуативные преступления, когда определенную криминогенную роль играет неблагоприятная обстановка, провоцирующее поведение потерпевшего, насилие и оскорбления в отношении женщины. При этом необходимо отметить, что, в отличие от мужчин, женщины совершают насильственные преступления преимущественно тайно, без свидетелей. Эксперты объясняют это тем, что открытому проявлению насилия не способствуют как психофизиологические, так и социальные особенности женского пола [1, с. 27].

По данным исследователей Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, у женщин, совершивших насильственные преступления, часто обнаруживаются пограничные психические отклонения. Можно сказать, что повышенная эмоциональность женщин часто является причиной совершения импульсивных действий с последующей их рационализацией [4, с. 45].

Мотивами насильственной преступности женщин чаще всего являются: ревность; месть, самоутверждение, желание избавиться от ребенка, мужа, сожителя; корысть (стремление к улучшению материального положения). В исследованиях современного периода констатируется, что первое место по распространенности в мотивации убийств мужа (как и жены) занимает самоутверждение, далее — стремление избавиться от забот, стремление удержать партнера, ревность. Можно заметить, что в центре противоречий — столкновение интересов мужчин и женщин.

Определяя степень тяжести насильственного преступления, которое совершила женщина, необходимо учитывать специфику женского преступного поведения. Низкий уровень культуры взаимоотношений в семье на фоне систематического физического и психического насилия против женщины, а также бытового алкоголизма обуславливают рост удельного веса женской бытовой преступности. Судебная практика свидетельствует о том, что употребление алкоголя в семье часто является фактором, провоцирующим совершение насильственных преступлений, в том числе, женщинами.

Эти особенности мотивации преступного поведения женщин влекут за собой последующие проблемы с квалификацией совершенных ими насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. В частности, довольно сложно устанавливать факт необходимой самообороны либо определять пределы ее превышения [2, с. 14].

Общесоциальные меры предупреждения женской преступности представляют собой совокупность экономических, социально-политических, социально-психологических, государственно-правовых, культурно-воспитательных мероприятий, направленных на принятие своевременных эффективных мер по совершенствованию тех отношений, которые не имеют конечной целью предупреждение женской преступности, но подразумевают это, только они касаются проблемного положения женщины в обществе [6, с. 69].

Выбор мер предупредительного характера во многом зависит от разрешения семейных проблем, детерминант, которые способствуют возникновению преступного поведения у женщин. Государство, его структуры, общество столкнулось с тем, что необходимо обеспечить баланс объективных и субъективных факторов восприятия женщиной действительности в процессе создания и существования семьи как ячейки общества. В данном случае мы солидарны с мнением специалистов о необходимости развивать идею обсуждения полового воспитания в семьях, школах, университетах [3, с. 118].

Женщине также необходима психологическая помощь, которая должна ей оказываться. В настоящее время действует широкая сеть кризисных центров, которые направлены на оказание помощи и социальной реабилитации наиболее уязвимым категориям граждан, подвергшимся любой форме семейно-бытового насилия, которые потеряли жилье, работу, оказались в экстремальной социально-экономической ситуации [6, с. 70].

Однако стоит отметить, что подход к деятельности кризисных центров неоднозначен. Так, например, Т. И. Кондря

отмечает, что деятельность данных кризисных центров сопровождается рядом проблем. Имеет место: недостаток квалифицированных специалистов разной профессиональной направленности; отсутствие нормативной основы, в частности, Типового устава; 3) отсутствие легко доступной информации о существовании таких организаций; 4) бытование традиционной установки, согласно которой данный конфликт «сугубо семейный» и «не нужно позорить семью, выставляя все на обозрение», даже при наличии угрозы жизни и здоровью одного из членов семьи [5, с. 20].

Особое место в системе общесоциальных мер предупреждения женской преступности должно отводиться культурно-воспитательным мерам. Особое значение здесь имеет профилактика женского алкоголизма [6, с. 71].

Выводы. Проанализировав особенности женской преступности в социально-бытовой сфере и проблемы реализации общесоциальных мер ее предупреждения, необходимо отметить, что женская преступность — как специфический вид современной преступности, отражает глубину социальных деформаций в обществе и для ее преодоления требуется целый комплекс мер социально-культурного и социально-экономического характера в государственном масштабе. Меры же, которые предпринимаются государством, недостаточны и несовершенны, даже в тех направлениях, которые не требуют значительных финансовых затрат. Поэтому одним из первых шагов в нужном направлении предлагаем незамедлительно разработать и принять нормативно-правовой акт (Типовую инструкцию), регламентирующий деятельность кризисных центров, что позволит их деятельность сделать более эффективной.

Литература:

1. Айзятова, Л. Ф. Анализ преступных деяний женщин в социально-бытовой сфере / Л. Ф. Айзятова // Социальные нормы и практики. 2022. № 3 (5). С. 25–34.
2. Гришко, Н. А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / Н. А. Гришко. Грозный, 2019. 28 с.
3. К вопросу о половом воспитании в современном мире / Р. С. Карпова, Е. В. Чернова, В. Е. Минеев-Ли, Н. А. Ефремова-Шершукова // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 2. С. 116–126.
4. Карханина, Л. В. Современное состояние женской преступности в России / Л. В. Карханина, И. С. Лебешев // Российский судья. 2022. N 5. С. 42–44.
5. Кондря, Т. И. Особенности работы кризисных центров с женщинами, пострадавшими от семейного насилия / Т. И. Кондря // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. С. 17–22.
6. Кунц, Е. В. Проблемы реализации общесоциальных мер предупреждения женской преступности / Е. В. Кунц // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4 (47). С. 67–72.
7. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ: статистические данные. URL: www.genprok.gov.ru (дата обращения: 02.04.2023).
8. Статистика преступности Росстат: по полу, возрасту и виду URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/> (дата обращения: 02.04.2023).

Применение процедуры медиации в РФ

Кудрина Анастасия Аркадьевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается статистика применения процедуры медиации в РФ.

Ключевые слова: процедура медиации, государственная пошлина, медиация, исковое заявление

Правовой основой процедуры медиации в Российской Федерации является Федеральный закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики» была утверждена форма № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» (далее – форма № 2).

Форма № 2 является одной из основных форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей.

На основании формы № 2, представленной на официальном сайте судебного департамента при Верховном суде РФ за период с 01.01.2019 по 31.12.2021, автором был проведен анализ статистических данных общего количества окончанных гражданских дел в судах общей юрисдикции к количеству заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации за указанный период времени:

Таблица

Год	Общее количество окончанных гражданских дел в РФ	Общее количество прекращенных дел (рассмотренных с вынесением судебного решения)	Количество заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации (п. 4 ст. 220 ГПК РФ)	Процент количества заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации от общего количества окончанных дел искового производства (%)	Процент количества заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации от общего количества прекращенных дел (%)
2019	19 586 161	378 501	1041	0,005	0,27
2020	21 545 254	281 124	772	0,003	0,27
2021	23 476 133	320 072	724	0,003	0,23

Как видно из представленной таблицы, процент количества заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом, в результате процедуры медиации от общего количества окончанных дел искового производства, за последние три года варьируется от 0,003 до 0,005%.

Латышева Н. А. отмечает, что 01.01.2013 по 31.12.2018 процент количества заключенных медиативных соглашений, утвержденных судом в результате процедуры медиации от общего количества окончанных дел искового производства, изменяется от 0,006 до 0,009% [1].

При анализе статистики за весь период применения процедуры медиации, можно обозначить, что институт медиации не развивается, за последние три года прослеживается тенденция снижения обращений сторон к процедуре медиации.

Выделяют 2 основные причины низкого уровня применения процедуры медиации:

1. Первая причина заключается в низком уровне правовой культуры и нравственных убеждений сторон конфликта.

2. Вторая причина наличие неточностей в законодательстве, регулирующем институт медиации.

Автор данной статьи не согласен с вышеуказанными утверждениями, по следующим основаниям:

1. Процедура медиации в РФ законодательно закреплена и известна уже более 10 лет, но, к сожалению, активно не применяется.

2. В связи с чрезмерно низкой статистикой применения процедуры медиации, отсутствует первостепенная важность внесения поправок в действующее законодательство. До тех пор, пока у сторон не появится личная заинтересованность рассмотрения спора путем медиативной процедуры, без традиционного участия в разрешении дела суде, практика применения медиации не изменится.

По мнению автора статьи, единственное верное решение, которое приведет к активному применению медиации и других видов примирительных процедур, является увеличение минимального размера государственных пошлин за подачу искового заявления.

Согласно налоговому законодательству РФ минимальный размер государственной пошлины за подачу искового заявления в судах общей юрисдикции утвержден Налоговым кодексом РФ (еще редакцией № 69 от 29.12.2009) и составляет 400 рублей 00 копеек.

Действующим законодательством также установлен минимальный размер государственной пошлины за подачу искового заявления в арбитражный суд в размере 2 000 рублей, который был установлен в том же 2009 году.

Следовательно, индексация минимального размера государственной пошлины за подачу иска не проводилась с 2009 года. Можно сделать вывод, что в России отсутствует практика ежегодной индексации государственных пошлин за подачу исковых заявлений.

Федеральным законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в редакции от 24.07.2009) установлен минимальный размер оплаты труда (далее — МРОТ) на 2009 год в размере 4 330 рублей 00 копеек в месяц.

На основании Федерального закона от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» МРОТ составил 13 890 рублей 00 копеек в месяц.

МРОТ за последние 13 лет вырос более чем в три раза, в то же время минимальный размер государственной пошлины за подачу искового заявления не увеличивался.

Момотов В. В. считает, что в существующем размере госпошлина утратила какой-либо экономический смысл и не способна выполнять свои функции [2].

Как отмечает Момотов В. В. «затраты судов растут ежегодно, в том числе, заработная плата судей и сотрудников аппаратов должна индексироваться с учетом инфляции, также требуются денежные средства для закупки оборудования и для ремонта зданий судов и т. д. Был разработан специальный показатель «стоимость одного судодня», в который входит 1 день работы судьи, а также расходы на работу аппарата и эксплуатацию необходимых помещений».

«Стоимость одного судодня» растет каждый год, к примеру, в 2015 году составляла — 22 тысячи рублей 00 копеек, в 2016 году на 2 тысячи больше, чем в предыдущем году, т. е. 2016 году составляет до 24 тысячи рублей 00 копеек, а в 2017 году составляла около 25 тысяч рублей 00 копеек.

Полностью разделяю мнение Момотова В. В., что при озвученной стоимости судодня и размера минимальной государственной пошлины за подачу искового заявления, государственная пошлина не выполняет свою основную фискальную функцию.

Нынешний размер государственной пошлины за подачу искового заявления не подходит для успешного функционирования судебной системы Российской Федерации.

Как отмечалось ранее, минимальный размер государственной пошлины не изменялся с 2009 года, автор статьи считает необходимо увеличить минимальный размер государственной пошлины за подачу искового заявления как минимум на уровень инфляции.

В случае увеличения размера государственных пошлин не будут нарушены конституционные права граждан на судебную защиту, ведь гражданско-процессуальным законодательством и арбитражно-процессуальным законодательством предусмотрено, право заинтересованного лица обратиться в суд с ходатайством о предоставлении рассрочки или отсрочки уплаты государственной пошлины (ст. 203 ГПК РФ, ст. 324 АПК РФ).

Одновременно, нормами АПК РФ и ГПК РФ установлено, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы (ст. 110 АПК РФ, ст. 98 ГПК РФ).

Предлагаемые автором изменения могут позитивно повлиять на заинтересованность сторон в разрешении спора путем процедуры медиации.

Литература:

1. Латышева Н. А. Объективно и достоверно о применении процедуры медиации в судах общей юрисдикции Российской Федерации (на основе анализа официальных статических показателей). Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве // Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 1. КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://nwb.rgur.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Председатель Совета судей РФ Виктор Момотов указал на необходимость повышения госпошлины по экономическим спорам // СПС «Гарант» КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1206148/> (дата обращения: 26.02.2023).

Вовлечение в преступление несовершеннолетних и иные антиобщественные деяния

Макарова Инга Дамировна, студент

Тюменский государственный университет

В статье рассматривается проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных деяний. Анализируются основные причины данного явления и его последствия. Также обсуждаются вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних и возможные способы совершенствования санкций.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение, преступление, уголовная ответственность, подстрекательство.

В России наблюдается рост числа преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. По данным статистики, за 2022 год число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, составило 30,4 тысячи. Среди них наибольшую долю составляют кражи, грабежи, насилие в семье и преступления в сфере наркоторговли. Также следует отметить, что вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные деяния является серьезной социальной проблемой, которая влияет на будущее не только самих подростков, но и общество в целом. Поэтому совершенствование санкций за вовлечение несовершеннолетних и иные антиобщественные деяния является важной задачей для укрепления законности и защиты прав детей в России.

С точки зрения уголовного права, данная тема охватывается несколькими статьями УК РФ, которые могут быть применены к ситуации, связанной с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность или другие антиобщественные деяния.

В частности, статьи 33, 34 и 35 Уголовного кодекса РФ определяют понятия попытки преступления, соучастия в преступлении и подстрекательства к преступлению соответственно. Если лицо пытается совершить преступление, содействует в его совершении или подстрекает к его совершению несовершеннолетнего, то оно может быть привлечено к уголовной ответственности. [7]

Кроме того, Уголовный кодекс РФ содержит ряд статей, которые устанавливают ответственность за конкретные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, такие как насилие в отношении несовершеннолетнего, изнасилование, производство и распространение детской порнографии и др.

Также статья 150 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за привлечение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий. [1]

Под вовлечением в преступную деятельность или другие антиобщественные деяния понимаются действия, направленные на привлечение других лиц, включая несовершеннолетних, к участию в таких действиях. В контексте несовершеннолетних, вовлечение может иметь форму принуждения или злоупотребление доверием, а также может включать в себя предложение или подстрекательство к совершению противоправных действий.

В юридической литературе существуют разные толкования понятия вовлечение несовершеннолетнего в со-

вершение преступления. Некоторые авторы считают, что под вовлечением понимается «подстрекательство или принуждение несовершеннолетнего к участию в конкретном преступлении» [3, с. 111]; другие понимают вовлечение как «побуждение несовершеннолетнего к совершению различных преступлений и вовлечение его в преступную деятельность» [4, с. 362]. Одни утверждают, что вовлечение означает «побуждение к определенному поведению, склонности к определенным законом действиям или вовлечение в них» [5, с. 55]. Можно согласиться с точкой зрения Р. С. Дмитриевского о том, что «все эти определения страдают одним и тем же недостатком: они охватывают все формы противоправной деятельности взрослых, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность» [6, с. 25].

Теория и практика, как правило, выделяют две разновидности вовлечения:

— неконкретизированное, при котором действия взрослого лица представляют собой пропаганду преступного образа жизни, привлечение новых сторонников преступного мира, что обеспечивает пополнение преступных рядов и подталкивает несовершеннолетнего к совершению определенного преступления;

— конкретизированное, заключающееся либо в склонении подростка к участию в задуманном взрослым преступлении в качестве соисполнителя или пособника, либо в формировании у несовершеннолетнего самостоятельного умысла на совершение определенного деяния. Именно конкретизированное вовлечение вызывает немало трудностей в квалификации.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ, состоит в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. [1]

При понуждении несовершеннолетнего к совершению преступления взрослый может использовать различные формы эмоционального давления, в том числе страха, угроз и запугивания. Это может быть крайне опасной формой вовлечения, так как несовершеннолетний может испытывать сильный страх и чувство беспомощности перед взрослым, что может привести к тому, что он совершит преступление, которое бы не совершил, если бы не был подвергнут такому давлению.

Кроме того, взрослый может использовать различные формы манипуляции, например, обещания награды или угрозы насилия, чтобы убедить несовершеннолетнего

совершить преступление. В любом случае, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность является незаконным и наказуемым по закону, даже если взрослый не принимал непосредственного участия в преступлении.

При подстрекательстве несовершеннолетних к совершению преступления или иному антиобщественному поведению взрослый возбуждает намерение или укрепляет решимость совершить противоправное деяние.

В соответствии со статьей 150 УК РФ, подстрекательские действия, осуществляемые в отношении несовершеннолетнего, который вовлекается в совершение преступления, являются преступлением вне зависимости от их последствий, и образуют состав оконченного преступления. В отличие от статьи 33 УК РФ, где для образования состава преступления требуется согласие подстреканного и действия, свидетельствующие о начале преступной деятельности исполнителя. [7]

В большинстве случаев взрослые, вовлекающие несовершеннолетних в преступную деятельность, привлекаются к уголовной ответственности по статье 150 УК РФ. Вовлечение обычно имеет разовый характер, но иногда преступные связи могут продолжаться длительное время. Согласно статистике, в Свердловской области в 2014 г. за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по ст. 150 УК РФ возбуждено 55 уголовных дел, а по ст. 151 УК РФ — 20 уголовных дел.

Статьей 171 УПК РФ предусмотрено, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого необходимо указать все обстоятельства совершения преступления, включая время, место и конкретные действия, за которые обвиняемый будет отвечать перед законом, так как они установлены на основании материалов дела. [8]

Для подтверждения объективной стороны состава преступления, такой как способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, необходимо прово-

дить доказательную работу. Одной из основных причин, по которым взрослым лицам выносятся оправдательные приговоры по статье 151 УК РФ, является недоказанность конкретного способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. [2]

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. [1]

Одним из возможных предложений касательно совершенствования санкций за вовлечение в преступление несовершеннолетних и иные антиобщественные действия может быть повышение минимальных и максимальных наказаний, предусмотренных за соответствующие преступления, чтобы они были более пропорциональны тяжести содеянного.

Также возможно рассмотреть введение дополнительных мер уголовно-правового характера, направленных на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия, таких как обязательные общественные работы, принудительные меры лечения и реабилитации, а также штрафы для родителей или опекунов, которые не выполняют свои обязанности по защите несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность.

Также стоит рассмотреть возможность проведения информационной кампании с целью повышения осведомленности общественности о рисках, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность и о том, как помочь предотвратить этот процесс.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность или другие антиобщественные деяния может быть квалифицировано как преступление и привести к привлечению к уголовной ответственности с учетом конкретных обстоятельств дела и применимых статей Уголовного кодекса РФ.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/7815cc725bea068c1487613dedc48408265c9636/?ysclid=lh8wibf30340184532 (дата обращения: 04.05.2023)
2. УК РФ Статья 151. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/33fc632982ae736fd86291dbe96ce0cd6c4db9b5/?ysclid=lh8ww0o13f189947352 (дата обращения: 04.05.2023)
3. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Рос. право, 1992.
4. Советское уголовное право. Часть особенная. М., 1964.
5. Худяков Е. А. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. М., 1967.
6. Дмитриевский П. С. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (криминологический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1995.
7. УК РФ Статья 33. Виды соучастников преступления. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/532f51ea20198ae2b835bac571c1996afe177ba/?ysclid=lh8wypcvxf557741798 (дата обращения: 04.05.2023)
8. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/83666c3310e8047392f129a402b830fb65c08d4c/?ysclid=lh8wzkgph1668085991 (дата обращения: 04.05.2023)

Налоговые отношения: понятие и сущность налогообложения в социальном государстве

Малахова Надежда Юрьевна, студент

В статье авторы пытаются определить термин «налог», который зачастую рассматривается в контексте социально-экономического развития, так как является средством перехода элементов частного хозяйства к общественному, где за основу берется теория общественных потребностей. С целью охарактеризовать способы налогообложения в контексте социального государства, важно установить термин «налог», который является основной категорией в сфере налогового взаимодействия.

Ключевые слова: налоговый кодекс РФ, налог, налогоплательщик, орган, налоговое законодательство, финансовое обеспечение деятельности государства, вид налогов, нарушение законодательства, обжалование актов, уплата налогов, правоотношение, сбор.

Термин «налог» определяется в части 1 статьи 8 Налогового кодекса РФ, в соответствии с данным определением, налог — это обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований [1].

Крохина Ю. А. в своих работах приводит следующие характерные черты, которые присущи налогу: обязательность, безвозвратность и индивидуальная безвозмездность, денежный характер, публичное предназначение [2]. Однако, существует ряд факторов, по которым формулировка и вышеуказанные черты налога, подвергаются критике в научных кругах. Вопреки тому, что и понятие, и черты термина «налог», юридически обоснованы законодательством Российской Федерации.

Однако в определении термина «налог», ученые отмечают зыбкость такого понятия как «отчуждение». Подвергается критике, но небезосновательно, определение понятия цели налогов — «финансовое обеспечение деятельности государства и (или) муниципальных образований». Поступающие государству финансовые ресурсы, взимаемые в виде налогов, идут на то, чтобы удовлетворить общественные потребности, а это в свою очередь будет полезно самим налогоплательщикам и является своего рода «выгодой». Отсюда следует, что полученные государством денежные средства в виде налогов дают гражданам такие условия как: безопасность; удовлетворение социальных потребностей и т. д. [3]

Данная точка зрения имеет место быть ввиду того, что налоги, предназначенные для обеспечения финансовых потребностей государства, помимо всего прочего используются и для иных целей. Помимо вышеуказанного, существует мнение, что выражены налоги могут быть не только в денежном эквиваленте, определенным Налоговым кодексом РФ. А именно, выдвигается необходимость увеличить количество форм по уплате налогов другими «благами и услугами, имеющими рыночную оценку» [4].

В наше время появляется множество способов оплаты и разновидностей валюты, что неизбежно ведет к увели-

чению количества форм по уплате налогов. Принимая это во внимание, считаем данную критику ученых объективной и в определённой степени перспективной, но услуги как вид уплаты налогов на данный момент выглядит сомнительно. Одним из таких способов альтернативной уплаты налогов могут являться развивающиеся на данный момент криптовалюты, альткоины, биржевые монеты, а также акции, облигации и индексные фонды. Большое количество исследователей называют налоги «принудительными сборами», однако в законодательстве РФ такого определения нет [5]. Ввиду того, что определение термина налог очень часто неверно интерпретировалось и подвергалось критике, в Конституционном суде РФ неоднократно разъяснялся данный термин [6].

Среди исследователей не существует единого мнения на счет проблем в налоговых правоотношениях. Проанализировав отечественные источники по теме исследования, мы полагаем, что налогом можно называть обязательный платеж или сбор, взимаемый местными, государственными и национальными правительствами с физических лиц или предприятий для покрытия расходов на услуги, товары и деятельность органов государственного управления. По мнению В. Парыгиной налоговые правоотношения — это общественно значимые взаимосвязи субъектов через права и обязанности, установленные налоговым законодательством конкретного государства.

По нашему мнению, очень важным аспектом налоговых правоотношений является защита прав и законных интересов обеих сторон, вступивших в налоговые отношения. Главной характеристикой, которая отличает налоговые правоотношения от обязательств является принудительный характер данного вида отношений [8].

Такой формулировки придерживается большое количество ученых, по следующим причинам: установление, введение и взимание налогов, налоговое регулирование, обжалование актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц и привлечением к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах [9].

Взаимодействие между органами публичной власти в части вопросов принятия и включения налогов и сборов и взаимоотношения между лицами уплачивающими налоги

и налоговыми органами в части контроля за исполнением налогового законодательства — это основные составляющие системы налоговых правоотношений закрепленных в статье 23 Налогового кодекса РФ где прописана необходимость налогоплательщикам своевременно выплачивать налоги и сборы, предъявлять декларации, расчётные документы и придерживаться закона для недопущения нарушений закона о налогах и сборах.

Граждане вправе запрашивать разъяснение по вопросам применения законодательства о налогах и сборах, о возможности предоставления льгот, оспаривать принятые в их отношении решения налоговой. Все это и многое другое прописано в Статье 21 Налогового кодекса РФ.

Однако не только у налогоплательщика имеются права и обязанности, также права и обязанности имеет налоговая. Это отражено в статье 32 главе 5 Налогового кодекса РФ. Отсюда следует, что налоговая обязана выдавать налогоплательщику всю запрашиваемую им информацию касательно принятых в его отношении решений и т. д.

Статья 31 Налогового кодекса РФ обязывает налогоплательщика предоставлять в налоговые органы документы, организовывать проверки, налоговый орган вправе устанавливать сумму налога для уплаты и т. д.

В налоговом законодательстве проявляется серьезнейший перевес в пользу налоговых органов (публичных

органов) по причине того, что раздел «ответственность» у налогоплательщика занимает целый раздел, в то время как раздел «ответственность» у публичных органов уместится в одну статью, по содержанию которой данные органы несут ответственность за незаконные действия или же бездействие налоговых органов и покрываются данные убытки за счет федерального бюджета.

Подводя итог, можно сделать вывод, что, рассматривая налоговые правоотношения, необходимо учитывать сложность взаимоотношений государства и налогоплательщика, которые устанавливаются в процессе толкования и применения норм налогового права. Стоит отметить, что эти отношения имеют характерный дисбаланс, в нем доминирует право государства разрабатывать законы в области налогообложения и соответствующая обязанность всех налогоплательщиков соблюдать эти правила. Помимо всего прочего, налогоплательщик наделен правами обжалования актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц, привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, а также защиты своих прав и законных интересов. Мы определяем налоговые правоотношения как организационно-имущественную, юридически значимую подконтрольную взаимосвязь между физическими лицами, организациями и налоговыми органами.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31.07.1998 (изм. 03.09.2018). Ст. 3824.
2. Кроохина Ю. А. Налоговое право России. — М.: Норма, 2004.
3. Курочкин В. В., Осетрова Н. И. Что такое налог? — М.: 2003. № 3 (27).
4. Соколов А. А. Налоговая теория. — М.: 2008. — С. 12.
5. Кучерявинко Н. П. Основы налогового права. — М.: 2013.
6. Белкин О. Г. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании понятий налога и сбора. — Пермь 2008. № 2.
7. Прайгина В. А. Налоги и налогообложение в России. — М.: 2004.
8. Постушкова Л. Н., Налоговое правоотношение: обязанность или обязательство? — Воронеж.: 2013.
9. Ягодкина В. А. Налоговое правоотношение. — М.: 2003. С. 8.
10. Лебединский Н. А. Субъекты налоговых правоотношений. — М.: 2006.

Особенности защиты прав налогоплательщиков в налоговой системе

Маслов Игорь Васильевич, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В данной статье рассматривается сущность способов защиты прав налогоплательщиков, анализируется современное законодательство на предмет поиска возможных способов защиты, а также рассматривается проблема, связанная с необходимостью упорядочения выявленных способов в Налоговом кодексе РФ.

Ключевые слова: налогоплательщик, налоговые споры, способы защиты.

Налоговый контроль — это составная часть финансового, а также один из основных видов определенного государственного контроля. Что же касается РФ, то здесь

финансовый контроль со стороны государства состоит из контроля за выполнением федерального бюджета, различных бюджетов федеральных внебюджетных фондов,

а также контроля за организацией всего денежного обращения, применением кредитных ресурсов, определенным состоянием внешнего и внутреннего долга, различных государственных резервов, а также предоставлением различных налоговых и финансовых льгот, определенных преимуществ. Ключевой целью налогового контроля можно назвать предупреждение, а также выявление различных налоговых правонарушений и налоговых преступлений, привлечение к ответственности тех лиц, которые нарушили налоговое законодательство РФ. Налоговый контроль является специальным способом обеспечения законности во всем налоговом праве. Он проводится абсолютно на всех стадиях финансово-хозяйственной деятельности, так называемых налогоплательщиков.

Таким образом, можно сказать, что изучение сущности и особенностей налогового контроля представляет на сегодняшний день большой интерес.

Обратимся к понятию налога, под налогом принято понимать обязательный, а также индивидуально безвозмездный платеж, который взимается с физических лиц, предприятий в форме отчуждения ими принадлежащих им именно на определенном праве хозяйственного ведения, собственности, а также оперативного управления определенных денежных средств для финансового обеспечения работы государства, а также различных муниципальных образований [1].

Такое понятие как налоговое администрирование, по мнению Л. Я. Абрамчика, следует рассматривать именно как своеобразный механизм управления в сфере налогов, то есть как деятельность налоговых органов, а также должностных лиц, которые обеспечивают своевременную, а также полную уплату налогоплательщиками всех налогов и сборов и прочих обязательных платежей [5]. Как считает, О. А. Ногина, налоговое администрирование — это целостный комплекс мер, которые направлены на полную, а также своевременную уплату налогов в их максимальном объеме, но при минимальных издержках [4]. А. Г. Иванов говорит о том, что налоговое администрирование является регламентированной законами, а также прочими правовыми актами организационной и управленческой деятельностью уполномоченных различных государственных органов, прочих уполномоченных действующим законодательством субъектов именно по обеспечению изменения, возникновения, а также прекращения определенной налоговой обязанности, постоянному обеспечению поступления различных налогов в современную бюджетную систему страны [3]. В научной литературе данный термин определяется именно как урегулированная различными нормами права определенная деятельность государственных органов именно в сфере налогов, которая направлена на реализацию эффективной налоговой политики.

Можно сказать, что ключевой целью налогового администрирования является именно обеспечение определенного уровня налоговых поступлений в бюджетную систему страны в условиях оптимального сочетания методов

налогового регулирования, а также налогового контроля [2]. Следует также отметить, что все указанные авторы при определении такого термина, как налоговое администрирование, четко разграничивают его с таким понятием, как налоговый контроль, при этом, предусматривая, что понятие «налоговое администрирование» является более широким по своему объему.

Рассмотрим ключевые элементы налогового администрирования. Ими являются следующие: контроль за реализацией, а также исполнением налогового законодательства всеми налоговыми органами; контроль за соблюдением налогового законодательства всеми налогоплательщиками в стране; аналитическое и организационное, а также методическое обеспечение деятельности по контролю [2]. Можно говорить о том, что контроль за соблюдением налогового законодательства является ключевым элементом налогового администрирования. Именно в этом и состоит главное предназначение налоговых органов.

Выполнение разнообразных контрольных действий налоговыми органами страны не представляется возможным без четкого организационного, а также методического и методологического обеспечения их работы.

Основными формами организационного, а также методического обеспечения их работы являются следующие: определение структуры, а также функциональных обязанностей всех уровней налоговых органов страны; разработка форм, а также содержания определенной отчетности налогоплательщиков по различным налоговым платежам; различные процедуры обработки, представления, а также проверки определенной налоговой отчетности у всех налогоплательщиков; строгий порядок регулирования всех налоговых платежей, использования применения налоговых санкций; прогнозирование и планирование различных налоговых платежей [4].

Можно сказать, что, учитывая уровень компетенции различных исполнительных органов, некоторую содержательную наполняемость налогового администрирования на различных уровнях управления, принято выделять два уровня налогового администрирования.

Рассмотрим первый уровень. Его субъектами выступают Министерство финансов РФ, а также Федеральная налоговая служба России. Ключевой целью налогового администрирования здесь является проектирование мер по повышению объема собираемых налогов, составление различных прогнозов, а также планирование налоговых поступлений в бюджет и прочее.

Что же касается второго уровня, то здесь находятся территориальные определенные налоговые органы, различные отдельные подразделения Налоговой Службы РФ.

Содержание определенного налогового администрирования здесь составляют различные мероприятия по осуществлению различного налогового контроля за строгим соблюдением действующего налогового законодательства всеми налогоплательщиками, различными нижестоящими определенными налоговыми органами, активное привле-

чение к ответственности именно за различные административные и налоговые правонарушения всех виновных лиц [1].

Таким образом, можно говорить о том, что, учитывая данные рассмотренные выше аспекты такого понятия, как налоговое администрирование, данное понятие является намного более узким понятием, чем понятие управления налоговой системой, однако намного более широким, чем, например, понятие налогового контроля.

Налоговый контроль на сегодняшний день является комплексной и целенаправленной системой определенных экономико-правовых различных действий каких-либо компетентных органов власти. Данная система основана на действующем законодательстве в сфере налогообложения, она направлена на определенный сбор, подробный анализ всей информации об исполнении абсолютно всеми налогоплательщиками своей обязанности по уплате различных налогов.

Ключевой целью проведения налогового контроля является определение фактов нарушения современного налогового законодательства, их пресечение, а также обеспечение высокого уровня достоверности данных о полноте, своевременности уплаты налогов, сборов, проверка законности всех операций, действий, а также привлечение к ответственности налогоплательщиков [1]. Таким образом, можно сказать, что налоговый контроль дает возможность пополнять государственный бюджет, а также дисциплинировать налогоплательщиков.

В достаточно широком смысле определенный налоговый контроль сегодня охватывает абсолютно все области деятельности различных уполномоченных органов, также включая и ведение определенного налогового учета, различных налоговых проверок, все сферы работы контролируемых субъектов, которые связаны с уплатой налогов и сборов, предоставлением налоговой отчетности и прочее. В узком же смысле под определенным налоговым контролем принято понимать проведение различных налоговых проверок определенными уполномоченными органами.

Ключевые задачи налогового контроля: обеспечение полноты и своевременности выполнения всех налоговых обязательств перед определенным бюджетом; содействие четкому и правильному ведению всего бухгалтерского учета, а также составлению определенной налоговой отчетности; обеспечение соблюдения современного налогового законодательства; выявление и пресечение налоговых правонарушений. Вообще методы налогового контроля являются совокупностью приемов, способов, при помощи которых все контролирующие органы проводят налоговый контроль [3].

Можно сказать, что ключевыми субъектами налогового контроля являются определенные органы, которым именно в соответствии с налоговым законодательством предоставлены различные полномочия по проведению каких-либо мероприятий налогового контроля в отношении контролируемых предприятий, физических лиц, а это: налоговые

органы; таможенные органы; различные органы определенных государственных внебюджетных фондов [4].

Особенно значимой составной частью всех органов финансового контроля можно назвать органы, которые обеспечивают постоянный контроль за сбором налогов, а также их своевременным поступлением в доходную часть бюджетов самых разных уровней. Вообще в органах налогового контроля в нашей стране принято относить органы налоговой службы и таможенные органы, а также федеральные органы налоговой полиции, определенные органы, которые осуществляют контроль за уплатой госпошлины и прочих сборов.

Сегодня в целостную систему органов налоговой службы входит Министерство РФ по налогам и сборам, а также его территориальные подразделения по всем субъектам страны, муниципальным образованиям. Определенные органы, которые осуществляют налоговый контроль, выполняют все возложенные на них ключевые задачи в постоянном взаимодействии между собой, с прочими государственными органами.

С тех пор, как в Российской Федерации произошли серьезные изменения в финансово-политической сфере, прошло уже более 20 лет. Однако, несмотря на проведение разнообразных реформ в различных областях экономической деятельности страны, и по сей день остаются проблемы в налоговой системе, в частности, в институте налогового администрирования, в который входит налоговый контроль. На пути развития налоговой системы имеется большое количество проблем, которые вызваны как внешними, так и внутренними факторами, решить которые в 21 веке пока не удалось. Таким образом, в настоящее время существует проблема обеспечения стабильного развития налоговой системы, причем наиважнейшее значение имеет совершенствование налогового контроля Российской Федерации с помощью самых разнообразных методов [5].

В последнее время в налоговых органах Российской Федерации были разработаны новейшие методологические основы контрольной деятельности. Реформирование Налогового Кодекса позволило налоговым органам более эффективно проводить камеральные и выездные налоговые проверки. Практически во все времена своего существования налоговые органы чаще проводили камеральные налоговые проверки. И это неудивительно, т. к. именно посредством камеральных налоговых проверок чаще всего выявляются значительные нарушения налогоплательщиками налогового законодательства. Кроме того, в последние годы все чаще проводятся углубленные камеральные налоговые проверки, которые предусматривают проверку дополнительных сведений о налогоплательщике, а также исследование важных бухгалтерских документов.

Углубленные налоговые проверки позволяют охватить большее количество налогоплательщиков, нежели стандартным методом. И, кроме того, при проведении углубленной камеральной проверки трудозатраты значительно ниже, чем при проведении выездных налоговых проверок,

так как налоговый инспектор при осуществлении такого типа проверки не выезжает на само предприятие, а готовит документы в налоговой инспекции. Многие налоговые инспекции в России уже давно перешли на электронную систему обработки документов, что позволило автоматизировать камеральные налоговые проверки, т.к. система позволяет осуществлять арифметический и логический контроль налоговой отчетности. Применение налогового администрирования в Российской Федерации является одним из самых важных способов обеспечения нормального экономического функционирования государства, поэтому организация налогового контроля, а также внедрение новых методов тактики его проведения позволит обеспечить бюджет Российской Федерации дополнительными средствами, поступающими в бюджеты различных уровней. Кроме того, эффективный налоговый контроль позволит защитить права и законные интересы добросовестных налогоплательщиков. Таким образом, реформирование налоговой системы в России сделало решение проблем налогового контроля очень востребованными в теоретическом и практическом плане.

Ключевым фактором увеличения эффективности всей контрольной работы современных налоговых органов можно назвать совершенствование всех действующих процедур определенных контрольных проверок. Особенно необходимыми признаками абсолютно любой эффективной системы налогового контроля являются следующие: наличие специальной системы определенного отбора налогоплательщиков именно для осуществления процедуры налоговых проверок, которая дает возможность выбора наиболее эффективного и оптимального направления использования кадровых и финансовых ресурсов налогового органа, в целях увеличения результативности налоговых проверок; использование новейших форм и методов налоговых проверок, которые основаны на единой комплексной определенной стандартной процедуре по организации всех контрольных проверок; необходимость использования системы балльной оценки работы налоговых инспекторов, которая позволила бы учитывать результаты деятельности каждого инспектора, а также эффективно распределяла бы налоговые обязанности при планировании камеральных и выездных налоговых проверок; необходимость существенного увеличения определенных размеров наказания абсолютно за все налоговые правонарушения [4].

Можно говорить о том, что проблема определенного рационального отбора конкретных налогоплательщиков именно для проведения различных контрольных проверок сегодня приобретает особую актуальность в условиях определенных массовых нарушений действующего в стране налогового законодательства. Для надежного обеспечения финансовой безопасности необходимо создание специальных условий функционирования всей финансовой системы Российской Федерации, при которой исключается малейшая возможность развития коррупции и злоупотребления

должностными полномочиями. Проблема совершенствования налогового контроля обусловлена тем, что в настоящее время налоговое законодательство в его нынешнем виде еще не полностью совершенно, а его изменения совершенно не способствуют формированию достаточно стабильной и современной налоговой системы.

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день в РФ всем налогоплательщикам гарантируется судебная и административная защита их определенных прав, а также всех законных интересов. Конкретный порядок защиты всех прав, а также законных интересов определенных налогоплательщиков на сегодняшний день определяется Налоговым Кодексом РФ, прочими федеральными законами. Различные права налогоплательщиков на сегодняшний день обеспечиваются обязанностями различных должностных лиц всех налоговых органов, прочих уполномоченных органов. Ненадлежащее исполнение всех обязанностей по обеспечению определенных прав налогоплательщиков в итоге влечет ответственность, которая предусматривается различными федеральными законами [1]. Статья 137 Налогового Кодекса РФ предоставляет всем налогоплательщикам или же налоговым агентам право обжаловать определенные акты налоговых органов именно ненормативного характера, различные действия или же бездействие их определенных должностных лиц, если, данные акты, а также действия, бездействие как-либо нарушают их права [3]. Именно в зависимости от определенных различий в процессуальном порядке и материальных нормах нормативными правовыми актами нашей страны предусматриваются такие способы активной защиты прав всех налогоплательщиков, как: президентский и административный, а также судебный и самозащита прав.

Можно говорить о том, что президенту страны могут быть обжалованы абсолютно любые действия или же бездействие различных контролирующих органов именно в финансовой сфере. Что же касается административного способа, то он подразумевает под собой обращение за определенной защитой, а также восстановлением некоторого нарушенного права к определенному вышестоящему органу власти. Однако административный порядок также не отрицает определенной возможности в дальнейшем обращения за защитой в суд, или же предоставляется какой-либо альтернативный порядок определенной защиты прав различных субъектов современных налоговых правоотношений. Вместе с определенным административным сегодня активно применяется и судебный порядок обжалования. Он подразумевает под собой обращение гражданина в надлежащий суд именно в порядке искового производства.

Таким образом, на сегодняшний день в РФ всем налогоплательщикам гарантируется судебная и административная защита их определенных прав, а также всех законных интересов. Конкретный порядок защиты всех прав, а также законных интересов определенных налогоплательщиков на сегодняшний день определяется Налоговым Кодексом РФ, прочими федеральными законами. Именно в зависи-

мости от определенных различий в процессуальном порядке и материальных нормах нормативными правовыми актами нашей страны предусматриваются такие способы

активной защиты прав всех налогоплательщиков, как: президентский и административный, а также судебный и самозащита прав.

Литература:

1. Зотиков, Н. З. Налоговая система России: проблемы и перспективы // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9. № 3. С. 76.
2. Имыкшенова, Е. А. Налоги и сборы: некоторые вопросы классификации / Е. А. Имыкшенова // Налоговед. 2019. № 9. С. 2–5.
3. Казакова, О. Б. Инфраструктурное обеспечение инновационного развития экономики // Казакова О. Б. — М.: Палеотип, 2019. — 164 с.
4. Крохина, Ю. А. Налоговое право: учебник для бакалавров [Текст] / Ю. А. Крохина. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 495 с.
5. Пономарев, А. И., Экономический и налоговый потенциал налоговой системы РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (56) С. 47–51

Типичные следственные ситуации и осуществление планирования при расследовании преступлений в сфере экономики

Меликян Артур Александрович, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Роль и значение следственных ситуаций на сегодняшний день признается ведущими научными школами в криминалистике. Вместе с тем, изучение взглядов на сущность следственной ситуации позволяет сделать вывод о неоднозначности понимания этого термина в криминалистической науке.

Расследование мошенничества (как и иных видов преступлений) характеризуется ситуационным характером, а также деятельностью, ориентированной на решение определённых задач, которые связаны имеющимися конкретными обстоятельствами, которые целесообразно и можно обнаружить в конкретных условиях. Под непрерывным влиянием информации находится данный процесс, а также всецело зависит от неё. Получается, что информация уславливает (порождает) следственную ситуацию и является основанием для постановки задач на определённом этапе расследования.

В криминалистической науке даются различные определения понятию «следственная ситуация»: обстановка (положение, состояние) расследования, которая характеризуется количеством доказательств и информационного материала; изменяющаяся информационная система, состоящая из существенных признаков и свойств обстоятельств, которые играют важное значение для уголовного дела; единство условий, в которых происходит расследование; единство сведений о событии преступления и обстоятельствах его расследования.

Т. С. Волчецкая утверждала, что следственная ситуация — «степень информационной осведомлённости сле-

дователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определённый момент времени, анализ и оценка которого позволяет следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [1].

Р. С. Белкин утверждал, что «следственная ситуация — это конкретная обстановка, в которой действует следователь (дознатель) и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой протекает конкретный акт расследования» [2].

А. Г. Филиппов считал, что «следственная ситуация — это сумма значимой для расследования информации (доказательств, а также сведений, полученных не процессуальным путём), имеющейся в распоряжении следователя к определённому моменту расследования» [3]. Из вышеприведённых точек зрения учёных-криминалистов следует, что в криминалистической науке существует большое количество понятий определения «следственная ситуация».

Следовательно, следственная ситуация при расследовании мошенничества — это обстановка, в которой находится следователь на конкретном этапе расследования преступления, которая определяет его уровень информационной осведомлённости о преступлении, имеется ли опыт расследования подобных преступлений, требуется ли привлекать вспомогательные силы и средства в расследовании преступления. Необходимо отметить, что главным элементом следственной ситуации считается информация, которая находится в распоряжении органов предварительного расследования на конкретном этапе расследования.

Первичная проверка материалов о мошенничестве в подобном виде следственной ситуации связана со следующими действиями:

- 1) материальные объекты подвергаются предварительному исследованию (различных предметов, включая документы для обнаружения их подделок);
- 2) от руководителей и сотрудников юридических лиц производится получение информации;
- 3) осуществляется исследование помещений и территории месторасположения юридических лиц, в том числе с привлечением помощи специалистов и сотрудников данной организации;
- 4) назначение ревизии, аудиторской проверки;
- 5) проверочные закупки товаров, лабораторные исследования образцов продукции и т. п. [4].

Исходя из следственной ситуации правоохранительные органы помимо плана расследования также выдвигают версии. Криминалистическая версия — это обоснованное предположение относительно факта (обстоятельства) либо группы фактов (обстоятельств) из числа имеющих значения для дела, объясняющие происхождение фактов и их связей между собой. Целью криминалистической версии является установление объективной истины по делу.

При проверке сообщения о мошенничестве выдвигаются три типичные проверочные следственные версии [5]:

- 1) заявленное деяние содержит все признаки состава преступления — мошенничества;
- 2) состав мошенничества отсутствует, заявитель добросовестно заблуждается и имеет место законная сделка;
- 3) состав мошенничества отсутствует, имеет место ложные показания заявителя из личной заинтересованности.

Поскольку субъект мошеннических действий и способ осуществления мошенничества чаще всего бывают неизвестны правоохранительным органам на момент возбуждения уголовного дела, чем другие элементы криминалистической характеристики, то частные криминалистические версии выдвигаются по отношению к ним [6]. Помимо этого, частные версии могут быть сформулированы касательно судьбы похищенного имущества, о причинах и условиях, которые способствовали осуществлению мошенничества, о предполагаемых способностях мошенника по созданию противодействия расследования и др.

Выдвигаются следующие частные криминалистические версии после того, как установлено событие преступления:

- деяние квалифицировано как мошенничество;
- было совершено мошенничество, которое связано с иными преступлениями;
- было совершено не мошенничество, а другое преступление.

Литература:

1. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 48.
2. Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 448.

Частные версии, касающиеся субъекта мошенничества, выдвигаются следующие:

- мошенничество было совершено в одиночку;
- мошенничество было совершено группой лиц (из данной частной версии возможно выделить ещё одну — мошенничество осуществлено группой лиц, однако один либо несколько участников группы являются сотрудниками пострадавшей организации);
- мошенничество было совершено ранее судимым лицом за подобное преступление;
- мошенничество было совершено приезжим лицом;
- мошенничество было совершено местным жителем;
- мошенничество было совершено лицом, который имеет необходимую подготовку, знания, квалификацию и опыт для совершения мошеннических действий данным способом;
- мошенничество было совершено непрофессионалом.

По способу мошенничества возможно сформулировать следующие частные версии:

- мошенничество осуществлено способом, который складывается из материалов, имеющихся в распоряжении следователя (дознателя);
- информация, касающаяся способа мошенничества, которая имеется на момент возбуждения уголовного дела, является неполной.

Выдвигаются следующие типичные версии, которые касаются имущества и денежных средств, похищенных в процессе совершения мошеннических действий:

- похищенное имущество растрчено;
- совершены действия, нацеленные на легализацию похищенного имущества;
- похищенное имущество хранится по месту жительства мошенника и т. д.

При планировании расследования следователь (дознатель) обязан учитывать следующие обстоятельства:

- 1) по каждой ли версии указаны обстоятельства, которые необходимо выяснить;
- 2) к каждому ли обстоятельству выбраны подходящие следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, тактические операции;
- 3) целесообразно ли установлены последовательность, исполнители, сроки выполнения, обеспеченность другими ресурсами запланированных действий.

Подводя итог, следует сделать вывод, что следственные ситуации имеют большое значение, являясь составной частью методики расследования мошенничества, поскольку на основе неё осуществляется формирование плана расследования, а также выдвигаются версии.

3. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 328.
4. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики / отв. ред. В. Д. Грабовский, А. Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995. С. 268.
5. Елисеев С. А. Преступления против собственности по законодательству России. Томск, 1999. С. 37.
6. Александров И. В. Типовые версии и основные направления в расследовании мошенничества // Версии и планирование расследования: межвуз. сб. науч. трудов — Свердловск, 1985. С. 40.

Оперативно-розыскная деятельность в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму: некоторые вопросы правового регулирования

Меликян Олег Аликович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены некоторые особенности правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму. Автором работы проведен анализ названного регулирования на конституционном, международном, законодательном и подзаконном уровнях. Особое внимание уделяется анализу федерального законодательства, регламентирующего осуществляющие оперативно-розыскной деятельности. В заключении автором отмечается, что в настоящее время отсутствует четкая правовая регламентация изученной сферы. Вместе с тем, стоит заметить, что законодателем предприняты попытки модернизации регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет. По мнению автора для оптимизации правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в сфере противодействия преступлениям экстремисткой направленности следует предусмотреть возможность осуществления деятельности в сети Интернет. Подобное возможно закрепить путем дополнения ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 N 144 — ФЗ «Об оперативно — розыскной деятельности» указанием на использование не только информационных систем, но и ИТКС для решения задач ОРД.

Ключевые слова: правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, Интернет, противодействие экстремизму, экстремизм в сети Интернет.

Operative-search activity on the internet in the context of countering extremism: some issues of legal regulation

The paper considers some features of the legal regulation of operational-investigative activities on the Internet in the context of countering extremism. The author of the work analyzes the named regulation at the constitutional, international, legislative and sub-legislative levels. Particular attention is paid to the analysis of federal legislation regulating those carrying out operational-search activities. In conclusion, the author notes that at present there is no clear legal regulation of the studied area. At the same time, it is worth noting that the legislator has made attempts to modernize the regulation of operational-search activities on the Internet. According to the author, in order to optimize the legal regulation of operational-search activities on the Internet to counter extremist crimes, it is necessary to provide for the possibility of carrying out activities on the Internet. This can be secured by adding Art. 6 of the Federal Law of August 12, 1995 N 144-FZ «On operational-search activity» indicating the use of not only information systems, but also ITCS for solving the tasks of the operational-search activity.

Keywords: legal regulation, investigative activities, the Internet, countering extremism, extremism on the Internet.

Развитие информационных технологий оказывают существенное влияние как на государство, так и на общество в целом. Подобное порождает как позитивные, так и негативные обстоятельства. К последним относится появление новых разновидностей общественно опасных деяний, которые совершаются, в том числе в сети Интернет. Следует заметить, что наиболее общественно опасными из них являются преступные деяния экстремистской направленности.

Анализируя уголовное законодательства можно заметить, что законодатель все чаще стал криминализировать деяния подобной направленности, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (например, ч. 2 ст. 280.1, п. «в» ч. 2 ст. 280.4. УК РФ и т. д.). Появления новых статей в уголовном законодательстве требует развития новых криминалистических учений, связанных с противодействием и расследованием

преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием глобальной телекоммуникационной сети Интернет.

Одним из наиболее активных мер по борьбе с вышеуказанными преступными деяниями является оперативно-розыскная деятельность. С учетом особенности названной деятельности проблематика ее законодательного регулирования в части борьбы с преступлениями экстремистской направленности в сети Интернет является одним из наиболее важных предметов для пристального научного исследования [3].

Следует заметить, что правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в Интернете направлено на борьбу с экстремизмом и другими противоправными действиями в сети. Такие действия могут быть связаны с распространением идеологии насилия, национальной, расовой или религиозной ненависти, а также с призывами к террористической деятельности. Оперативно-розыскные мероприятия в Интернете могут проводиться только при наличии подозрений в совершении противоправных действий. Для этого используются специальные программные и аппаратные средства, такие как системы мониторинга интернет-трафика, программы для отслеживания переписки в мессенджерах и социальных сетях и другие. Противодействие экстремизму в интернете включает в себя не только оперативно-розыскную деятельность, но и проведение профилактических мероприятий, направленных на информирование пользователей о возможных негативных последствиях совершения противоправных действий в сети.

В целом, правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности и противодействие экстремизму в Интернете является важным направлением борьбы с противоправными действиями в онлайн-среде и направлено на обеспечение безопасности и защиты прав и свобод граждан.

Все вышеуказанное обуславливает важную роль в установлении правового регулирования изучаемой деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму.

Первоначально следует заметить, что в широком смысле правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности представляет собой специфическую деятельность субъектов, наделённых полномочиями, устанавливать правые нормы общего и специального регулятивного характера, связанных с вопросами обеспечения деятельности органов оперативного реагирования. С законодательной позиции подобное регулирование осуществляется исключительно на основании ст. 4 ФЗ «Об оперативно — розыскной деятельности» [1]. Таким образом, в правовую основу использования сети Интернет при проведении оперативно — розыскных мероприятий следует включать Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральное законодательство, касающиеся регулирования различных сфер ОРД, а также подзаконные нормативные акты, изда-

ваемые органами, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

В свое время А. Ю. Шумилов, изучая правовое регулирование ОРД, выделял в нем 4 уровня: конституционный, международный, законодательный и подзаконный [4].

Затрагивая первый уровень правового регулирования ОРД в сети Интернет одним из самых актуальных и нерешенных вопросов является соотношение осуществления негласных мероприятий по сбору личных и конфиденциальных данных с нормами Конституции РФ. Стоит обратить внимание, что для раскрытия большинства преступных деяний экстремистской направленности в сети Интернет от органов ОРД требуется осуществления негласных мероприятий по сбору персональных данных. Отметим, что согласие лица на сбор, хранение и обработку информации о нем не требуется при проведении ОРМ, дознания и следствия в соответствии с положениями ФЗ «Об оперативно — розыскной деятельности» и УПК РФ.

Вторая группа нормативно-правовых актов, составляющих основу ОРД, — нормы международно-правового характера. Обращает на себя внимание и тот факт, что в ряде стран сбор информации, размещенной в открытых источниках, может классифицироваться как посягательство на неприкосновенность частной жизни [3]. На наш взгляд, все необходимые компоненты отечественного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму в части соблюдения норм международного права учтены в полном объеме и не требуют более детального соотношения.

Третий уровень правового регулирования ОРД включает в себя нормы, отраженные в соответствующих ординарных законах, определяющих направления и формы борьбы с преступностью экстремистской направленности как специальной сферы государственной деятельности. В данной группе следует указать федеральные законы «Об оперативно — розыскной деятельности», «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О противодействии экстремистской деятельности» и т. д.

Имеет место отметить, что основной закон, регламентирующий ОРД, не содержит упоминаний об Интернете либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако исходя из расширительного толкования его положений можно прийти к выводу о возможности осуществления ОРД в сети Интернет и ее соответствия действующему законодательству. Подобное умозаключение приводит к необходимости изменения изучаемого закона в части дополнения ст. 6 Закона указанием на возможность использования не только информационных систем, но и ИТКС для решения задач ОРД.

Статья 4 Закона формулирует правовую основу проведения ОРМ, включая в нее нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРД, издаваемые органами, осуществляющими ОРД в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством РФ. По-

добные включает в себя четвёртый уровень правовой регламентации.

В ст. 6 законодатель подчеркивает, что в ходе проведения ОРМ используются в том числе информационные системы, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. Мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, должны проводиться только на основании судебного решения.

Рассматривая сеть Интернет как среду совершения преступлений, в том числе экстремистской направленности, и как современный способ распространения информации, большинство ОРМ, перечисленных в ст. 6 возможно проводить в ее условиях. Считаем, что в цифровой среде при сборе информации в целях раскрытия преступлений экстремистской направленности целесообразно проводить следующие ОРМ:

- оперативный опрос с использованием социальных сетей, чатов, форумов и мессенджеров;
- наведение справок, имеющее черты оперативно — розыскного мониторинга сети Интернет, а также сбор информации с помощью иных программных продуктов и сервисов сети Интернет;
- отождествление личности, при котором используется специализированное, зачастую общедоступное программное обеспечение для преодоления потенциального криминального противодействия правоохранительным органам.

Данный список не является исчерпывающим, однако приведенные примеры свидетельствуют о необходимости их более детального законодательного урегулирования

в отношении используемых методов, технических средств, порядка проведения и способа фиксации полученных результатов.

Стоит обратить внимание, что изучаемый закон был дополнен упоминанием о новом виде ОРМ — «Получение компьютерной информации» [2]. Вместе с тем законодатель оставил без ответа, что составляют подобные сведения, а также что понимается под указанной информацией. Отсюда возникает вопрос, является ли получение сведений из сети Интернет разновидностью соответствующего ОРМ или выступает разновидностью иных ОРМ. Учитывая приведенные выше аргументы, считаем, что по своей сути указанное ОРМ может проводиться и в интернет — среде. В случае если добывание оперативной информации происходит в процессе проведения иных ОРМ, но используется интернет — среда, без применения специальных технических средств фиксации информации, таковое ОРМ, на наш взгляд, не является «получением компьютерной информации».

Рассмотрев некоторые вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму можно сделать вывод, что в настоящее время отсутствует четкая правовая регламентация названной сфере. Вместе с тем, стоит заметить, что законодателем предприняты попытки модернизации вышеуказанного регулирования. На наш взгляд, для оптимизации правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет следует предусмотреть возможность осуществления оперативно — розыскной деятельности в сети Интернет.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144 — ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно — розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.
2. Федеральный закон от 06.07.2016 N 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/.
3. Кутузов А. В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в сети интернет в условиях противодействия экстремизму // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 5–15.
4. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-розыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты): монография. М., 2008. С. 50.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 19 (466) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–38059 от 11 ноября 2009 г.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
Номер подписан в печать 24.05.2023. Дата выхода в свет: 31.05.2023.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.